

СОДЕРЖАНИЕ

МЕДИЦИНА. ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И МЕТОДЫ

Винокурова А.А., Магамадова Ф.Ш., Кудревич А.О., Труфанов П.С., Соловьева Е.А. Проблемы лечения пациентов с эндодонтиальным поражением 4

Зинченко К.С., Дудукалова В.С., Хачатрян А.З., Садовникова Т.Г., Волошина О.В. Мотивация и сотрудничество в ортодонтическом лечении: анализ ответов пациентов подросткового возраста и их родителей 7

Гажва С.И., Касумов Н.С., Гажва Ю.В., Васильева Л.Н., Пелин О.В. Стоматологическая реабилитация пациентов после трансплантации печени 12

Плетнев В.В. Изучение эффективности действия капель Плетнева № 5 (препарата № 5) на модели синдрома сухого глаза у кроликов 17

ВОССТАНОВИТЕЛЬНАЯ И СПОРТИВНАЯ МЕДИЦИНА, ЛЕЧЕБНАЯ ФИЗКУЛЬТУРА, КУРОРТОЛОГИЯ И ФИЗИОТЕРАПИЯ

Залетова Т.С. Потребности в восполнении энергозатрат у пациентов после перенесенного инсульта 21

Кутын И.В., Андропова Е.М., Романенков А.И., Голушко Т.В., Колганова Е.Ю. Механизмы развития студенческого спортивного туризма в Российской Федерации 25

Мецлер А.В. Особенности вторичной социализации лиц с ментальными нарушениями в условиях стационарного учреждения: социологический анализ 29

Попова Т.В. Факторы, формирующие здоровье студентов высшего учебного заведения в условиях крупного города 33

Шувалов А.М., Евдокимов О.В., Шиманский О.В., Архипкин И.В., Солнышкина Ю.О. Использование оздоровительно-коррекционных занятий студентами специальной медицинской группы в структуре дисциплины «Физическая культура» высших учебных заведений 41

ЛЕЧЕБНО-ПРОФИЛАКТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

Анисимова К.С., Михайлова В.В. Влияние арт-терапии на социализацию детей с ОВЗ 46

ФАРМАКОЛОГИЯ

Корейба К.А., Цыплаков Д.Э., Минабутдинов А.Р., Агаджанова К.В. Использование натуральных растительных ингредиентов при лечении больных сахарным диабетом 49

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Григорьев К.Н. Бедность и социальное исключение 52

Мартыненко Е.В., Наврузшоева Х. Освещение темы терроризма в аудиовизуальных СМИ ЕС на примере Euronews 57

Хасанова Ф.Х. Информационно-критериальная интерпретация пространства детства 62

СОЦИОЛОГИЯ: ТЕОРИЯ, ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПЦИИ, СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ

Далал Бенбутриф. Фундаментальные исследования взаимосвязи политического, социального и экономического секторов развития с религией в целом и исламом в частности 65

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Орлов А.В., Орлова О.М. Социально-психологические характеристики трудового коллектива как факторы восприятия организационной культуры и лояльности к организации медицинских сестёр 71

Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-76398 от 26.07.2019
Индекс Роспечати 65002
ISSN 2686-9365

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Учредитель: ООО «Городец»
Издается с 2010 года
Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
E-mail: fapz@list.ru Сайт: www.medsociofil.ru

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Аверин Юрий Петрович, д-р соц. наук, проф., зав. кафедрой Методологии социологических исследований социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **Агапов Платон Валериевич**, канд. соц. наук, доц., МГУ имени М.В. Ломоносова; **Алиханов Халлар Абуमुслимович**, д-р мед. наук проф., Государственная классическая академия им. Маймонида; **Алиханов Багдади Абумуслимович**, д-р мед. наук, проф., Центральная клиническая больница РАН; **Апресян Рубен Грантович**, д-р филос. наук проф., заведующий сектором этики Института философии РАН; **Багдасарян Надежда Гегамовна**, д-р филос. наук, проф., МГУ им. Н.Э. Баумана; **Барков Сергей Александрович**, д-р соц. наук, проф., завкафедрой социологии организаций и менеджмента социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **Бородин Владимир Иванович**, д-р мед. наук, проф. Терапевтический центр «Гранат»; **Бурмыкина Ирина Викторовна**, д-р соц. наук, проф., Липецкий государственный педагогический университет; **Волков Юрий Григорьевич**, д-р филос. наук, проф., научный руководитель Института социологии и регионоведения Южного федерального университета; **Грабельных Татьяна Ивановна**, д-р соц. наук, проф., Иркутский государственный университет; **Григорьев Святослав Иванович**, д-р соц. наук, проф., чл.-корр. РАО; **Дмитриев Анатолий Васильевич**, д-р филос. наук проф., чл.-корр. РАН, гл. научный сотрудник Института социологии РАН; **Добренков Владимир Иванович**, д-р филос. наук, проф., завкафедрой истории и теории социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **Добренкова Екатерина Владимировна**, д-р соц. наук, проф., первый проректор Международной Академии Бизнеса и Управления; **Желтов Виктор Васильевич**, д-р филос. наук, проф., декан факультета политических наук и социологии Кемеровского государственного университета; **Каплунова Вера Юрьевна**, д-р мед. наук, гл. научный сотрудник НИО «Метаболический синдром» НИЦ Московского университета; **Кравченко Альберт Иванович**, д-р филос. наук, проф., ведущий научный сотрудник, МГУ имени М.В. Ломоносова; **Мамедов Агамали Кулам-Оглы**, д-р соц. наук, проф., завкафедрой социологии коммуникативных систем социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **Маршак Аркадий Львович**, д-р филос. наук, проф., главный научный сотрудник Института социологии РАН; **Найдыш Вячеслав Михайлович**, д-р филос. наук, проф., завкафедрой онтологии и теории познания Российского ун-та дружбы народов; **Овсянников Сергей Александрович**, д-р мед. наук, проф., МГМСУ; **Осипов Александр Михайлович**, д-р соц. наук, проф., главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого; **Петров Владимир Николаевич**, д-р соц. наук, проф., заведующий кафедрой социологии Кубанского государственного университета; **Петрова Татьяна Эдуардовна**, д-р соц. наук проф., кафедры социологии молодежи и молодежной политики Санкт-Петербургского государственного университета; **Пятницкий Николай Юрьевич**, канд. мед. наук, доц., в.н.с. ФГБНУ НЦПЗ; **Рахманов Азат Борисович**, д-р филос. наук, проф., социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова; **Садохин Александр Петрович**, д-р культурологии, проф., почетный работник высшего профессионального образования, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Самыгин Сергей Иванович**, д-р соц. наук, проф., Южный федеральный университет; **Силласте Галина Георгиевна**, д-р филос. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ, завкафедрой «Социология» Финансового университета при Правительстве РФ; **Сычев Андрей Анатольевич**, д-р филос. наук, проф., кафедра философии Мордовского государственного ун-та им. Н.П. Огарева; **Терентьев Александр Александрович**, д-р мед. наук, проф., чл.-корр. РАН, проф. кафедры биохимии Российского исследовательского медицинского университета им. Н.И. Пирогова

СОСТАВ МЕЖДУНАРОДНОГО СОВЕТА

Ахметов Сайранбек Махсутович, ректор Казахстанского университета инновационных и телекоммуникационных систем (КазИИТУ), д-р тех. наук, проф., академик Национальной инженерной академии Республики Казахстан, академик РАЕН; **Вукичевич Слободан**, проф., факультет философии, Университет Черногории; **Кропп Фредрик**, декан факультета Монтеррейского университета (США); **Митрович Любша**, проф., факультет философии, Университет г. Ниш (Сербия); **Титаренко Лариса Григорьевна**, д-р соц. наук, проф., факультет философии и социальных наук, Белорусский государственный университет (Республика Беларусь); **Фарро Антимо Луиджи**, проф., д-р социологии, Римский университет Салерно; **Чжан Шууха**, директор Института научной информации Академии общественных наук Китая; **Соколова Галина Николаевна**, д-р филос. наук, проф., заведующий отделом экономической социологии и социальной демографии Институт социологии НАН Беларуси (Минск); **Ари Палениус**, проф., директор кампуса г. Керва Университета прикладных наук Лаурава (Финляндия); **Джун Гуан**, проф., зам. декана Института экономики и бизнесадминистрирования, Пекинский технологический университет (Китай); **Лай Дешенг**, проф., декан Института экономики и бизнесадминистрирования, Пекинский технологический университет (Китай); **Марек Вочозка**, проф., ректор Технико-экономического института в Чешских Будейовицах (Чехия); **Христиан Мундт**, доктор медицины, директор психиатрической клиники (г. Гейдельберг, Германия); **Она Гражина Ракаускиене**, проф., Университет им. Миколаса Ромериса (Литва)

Главный редактор:
Бородин В.И., д-р мед. наук, проф.

Отпечатано в типографии ООО «Русайнс», 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
Тираж 300 экз. Подписано в печать: 29.05.2020 Цена свободная

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию

<i>Игумнов О.А.</i> Социальный капитал российских организаций: общая схема операционализации.....	77	постперестроечном кинематографе культурного архетипа «Героя-плута».....	104
<i>Колотухин Д.В.</i> Специфика экономического детерминизма в современных социально-экономических условиях.....	84	<i>Пещеров Г.И.</i> Условности в человеческом обществе или философия глупости.....	112
<i>Жук И.И., Панфилов А.С.</i> Образование для цифровой экономики: онлайн-курсы как вызов университету.....	89	<i>Руденко А.В.</i> Экзистенциально-феноменологическая аналитика проблемы «Другого» в современной философии ...	116
<i>Пономарева Д.И., Кузьмичева А.А.</i> Органы местного самоуправления и районные СМИ как субъекты информационного пространства города.....	93	<i>Сизинцев П.В.</i> Понимание личности в магистерской работе архимандрита Сергия (Страгородского)	119
<i>Салогуб А.М., Галан И.К.</i> Формат управления в быстрорастущих зарубежных IT-компаниях.....	98	<i>Балакирева С.Ю.</i> Понятие гражданского общества в социально-философском дискурсе	124

ФИЛОСОФСКИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ

Дятко А.И. Трансформация в российском

TABLE OF CONTENTS

MEDICINE. APPLIED RESEARCH AND METHODS

<i>Vinokurova A.A., Magamadova F. Sh., Kudrevich A.O., Trufanov P.S., Solov'yeva E.A.</i> Problems of treating patients with endoperiodic lesions	4
<i>Zinchenko K.S., Dudukalova V.S., Khachatryan A.Z., Sadovnikova T.G., Voloshina O.V.</i> Orthodontic treatment motivation and cooperation: analysis of adolescent patients' and parents' responses.....	7
<i>Gazhva S.I., Kasumov N.S., Gazhva Yu.V., Vasileva L.N., Pelin O.V.</i> Dental rehabilitation patient after liver transplantation.....	12
<i>Pletnev V.V.</i> Study of the effectiveness of Pletnev drops No. 5 (drug No. 5) on a model of dry eye syndrome in rabbits	17

RESTORATIVE AND SPORTS MEDICINE, TREATMENT PHYSICAL CULTURE, CURORTOLOGY AND PHYSIOTHERAPY

<i>Zaletova T.S.</i> Needs to replenish energy consumption in patients after a stroke	21
<i>Kutin I.V., Andropova E.M., Romanenkov A.I., Golushko T.V., Kolganova E. Yu.</i> Mechanisms for the development of student sports tourism in the Russian Federation	25
<i>Metzler A.V.</i> Features of secondary socialization of persons with mental violations in the conditions of stationary establishment: sociological analysis	29
<i>Popova T.V.</i> Factors that shape the health of higher education students in a large city	33
<i>Shuvalov A.M., Evdokimov O.V., Shimansky O.V., Arkhipkin I.V., Solnyshkina Y.O.</i> Use of rehabilitation and correction classes by students of special medical group in the structure of the discipline «Physical culture» of higher educational institutions.....	41

THERAPEUTIC AND PREVENTIVE TECHNOLOGIES

<i>Anisimova K.S., Mikhailova V.V.</i> The effect of art therapy on the socialization of children with disabilities.....	46
--	----

PHARMACOLOGY

<i>Koreyba K.A., Tsyplakov D.E., Minabutdinov A.R., Agadzhanova K.V.</i> The use of natural herbal ingredients in the treatment of diabetes	49
---	----

SOCIAL PROBLEMS OF SOCIETY DEVELOPMENT

<i>Grigorev K.N.</i> Poverty and social exclusion	52
<i>Martynenko E.V., Navruzshoeva Kh.</i> Issue of terrorism in the EU-audiovisual media by the example of Euronews.....	57
<i>Khasanova F. Kh.</i> Information-criteria-based interpretation of the space of childhood.....	62

SOCIOLOGY: THEORY, BASIC CONCEPTS, MODERN APPROACHES

<i>Benboutrif D.</i> Fundamental research on the relation of political, social and economic sectors of Development arena with Religion in general, and Islam in specific.....	65
---	----

ECONOMIC SOCIOLOGY

<i>Orlov A.V., Orlova O.M.</i> Socio-psychological characteristics of the labor collective as factors of perception of organizational culture and loyalty to the organization of nurses	71
<i>Igumnov O.A.</i> Russian organizations social capital: general scheme of operationalization	77
<i>Kolotukhin D.V.</i> Specificity of economic determinism in modern socio-economic conditions.....	84
<i>Zhuk I.I., Panfilov A.S.</i> Education for Digital Economy: Online Courses as Challenge for Classical University	89
<i>Ponomareva D.I., Kuzmicheva A.A.</i> Local governments and regional media as subjects of the city's information space.....	93
<i>Salogub A.M., Galan I.K.</i> Management format in fast-growing foreign IT-companies	98

PHILOSOPHICAL WORLDWIDE

<i>Dyatko A.I.</i> Transformation of the cultural archetype of the "Rogue hero" in Russian post-perestroika cinema	104
<i>Peshcherov G.I.</i> Conventions in human society or the philosophy of stupidity	112
<i>Rudenko A.V.</i> Existential-phenomenological analytics of the "Other" problem in modern philosophy	116
<i>Sizintsev P.V.</i> Understanding the individual in the master's work Archimandrite Sergius (Stragorodsky)	119
<i>Balakireva S. Yu.</i> The concept of civil society in the socio-philosophical discourse	124

Проблемы лечения пациентов с эндодонтогенным поражением

Винокурова Анна Алексеевна,

студент, кафедра стоматологии терапевтической и пародонтологии, Первый Санкт-Петербургский государственный университет им. акад. И.П. Павлова
E-mail: Anne.vinokurova@bk.ru

Магамадова Фатимат Шаарановна,

студент, кафедра профилактической стоматологии, Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет им. акад. И.П. Павлова
E-mail: Deshihum@bk.ru

Кудревич Александр Олегович,

студент, кафедра стоматологии ортопедической с курсом ортодонтии взрослых, Первый Санкт-Петербургский государственный университет им. акад. И.П. Павлова
E-mail: Daliovi2@gmail.com

Труфанов Павел Сергеевич,

студент, кафедра стоматологии ортопедической с курсом ортодонтии взрослых, Первый Санкт-Петербургский государственный университет им. акад. И.П. Павлова
E-mail: Paveltrufanov@icloud.com

Соловьева Евгения Андреевна,

студент, кафедра профилактической стоматологии, Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет им. акад. И.П. Павлова
E-mail: Solovevaevgenia@yandex.ru

Эндо-пародонтальные поражения (ЭПП) представляют собой сочетанные заболевания осложненного кариеса и пародонтита. Количество пациентов с такой патологией в клинической практике врача-стоматолога неуклонно растет. В результате исследования было выявлено, что ЭПП чаще подвержены пациенты мужского пола, возраст больных составляет 50–60 лет. На основании проведенного клинико-рентгенологического обследования было выявлено, что эндо-пародонтальные поражения наиболее часто встречается у пациентов с тяжелой и средней степенью тяжести пародонтита в сочетании с деструктивными формами периодонтита.

Ключевые слова: эндодонтогенная патология, пародонтит, периодонтит, статистический анализ.

Проблема лечения пациентов с эндо-пародонтальным поражением зубов особенно актуальна, так как количество пациентов с такой патологией в клинической практике врача-стоматолога растет, что обусловлено трудностями в диагностике, отсутствием междисциплинарного подхода к лечению данной болезни [2, с. 2–5], [6, с. 84–86].

Эндопародонтальное поражение – это сочетание пародонтита и осложнения кариеса в области одного зубочелюстного сегмента [1, с. 4–6]. Пульпа и пародонт представляют собой целостный комплекс, связанный анатомо-топографически, который имеет общие пути распространения инфекции посредством апикального отверстия, боковых и дентинных канальцев. [3, с. 3–8.], [4, с. 30–32]. При ЭПП важно установить локализацию первичного очага, из которого произошло инфицирование. Впервые на это обратили внимание Simon, Glik, Frank в 1972 и предложили следующую классификацию:

1. Первичное эндодонтическое заболевание
2. Первичное эндодонтическое заболевание с вторичным вовлечением пародонтального заболевания
3. Первичное пародонтальное заболевание
4. Первичное пародонтальное заболевание с вторичным эндодонтическим заболеванием.

Истинные комбинированные поражения – воспаление пульпы и пародонтит прогрессируют одновременно в области одного зубочелюстного сегмента. Постановка диагноза при эндодонтогенных поражениях затруднена вследствие непонимания врачей о первичной локализации воспалительного процесса, стертости клинических симптомов на ранних стадиях развития болезни и поздним обращением пациентов за стоматологической помощью [5, с. 3], [7, с. 8–10].

Таким образом, ранняя диагностика и комплексный подход лечения пациентов с ЭПП являются важным условием выздоровления таких пациентов [8, с. 23–28].

Цель исследования: оценить распространенность эндо-пародонтальной патологии с учетом клинико-рентгенологической картины.

Материалы и методы исследования: в ходе исследования была выбрана группа пациентов, состоящая из 40 человек, с диагнозом эндо-пародонтальное поражение. Диагноз был поставлен на основании основных и дополнительных методов исследования:

1. Проводился сбор жалоб, анамнеза жизни, анамнеза заболевания, объективное обследование

(зондирование, перкуссия, пальпация, определение подвижности зубов, глубина пародонтальных карманов).

2. Было проведено конусно-лучевое обследование на базе ПСПбГМУ им. акад. И.П. Павлова кафедры терапевтической стоматологии и пародонтологии.

Также было проведено микробиологическое исследование в корневых каналах и пародонтальных карманах.

Результаты исследования:

1. В результате исследования было выявлено, что среди пациентов, имеющих сочетанную эндо-пародонтальную патологию, встречаются как женщины (45%), так и мужчины (55%) (диаграмма 1).

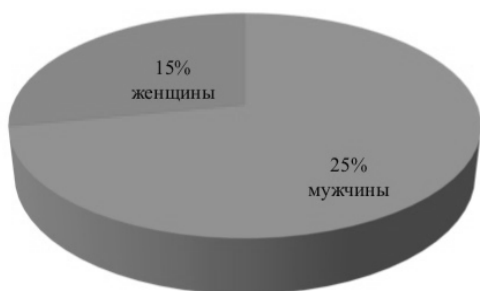

Диаграмма 1. Частота встречаемости пациентов с ЭПП по гендерному признаку

2. На основании полученных данных выявлено, что эндо-пародонтальная патология встречается у людей разных возрастных категорий, но чаще болеют люди в возрасте 50–60 лет (60%) (диаграмма 2).

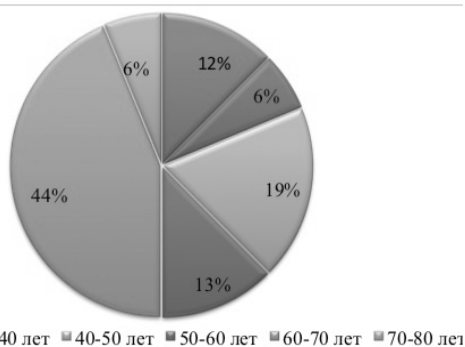

Диаграмма 2. Частота встречаемости пациентов с ЭПП по возрастному критерию

3. По результатам исследования было выявлено, что сочетанная патология встречается чаще у пациентов с тяжелой и средней степенью тяжести пародонтита. Из 40 обследуемых пациентов, у (72%) человек наблюдается тяжелая степень пародонтита с признаками хронического периодонтита, у (22%) человек была средняя степень пародонтита в сочетании с хроническим периодонтитом, а у (6%) человек было выявлено легкая степень пародонтита (диаграмма 3).

4. По результатам КЛКТ обследованные пациенты с ЭПП имели хронический гранулематозный периодонтит – 65% случаев, и в 35% случаев-гранулирующий периодонтит (диаграмма 4).

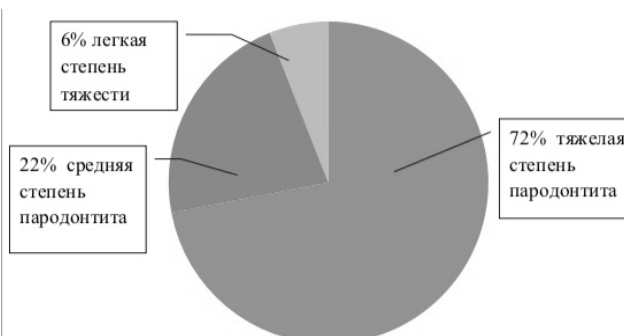

Диаграмма 4. Степень тяжести пародонтита у больных ЭПП

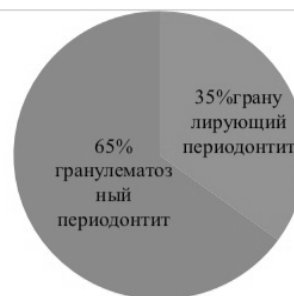

Диаграмма 4. Частота встречаемости деструктивных форм периодонтита у пациентов с ЭПП.

В результате исследования по результатам клинико-рентгенологического исследования было выявлено, что большая часть пациентов с ЭПП имеет выраженную деструкцию костной ткани как в тканях пародонта так и в тканях периодонта.

Выводы:

1. Эндопародонтальные поражения встречается как у женщин (45%), так и у мужчин (55%). Наибольшее число пациентов с сочетанной патологией имеет возрастную группу 60–70 лет.
2. Наиболее часто ЭПП выявляются у пациентов со средней и тяжелой степенью пародонтита и хроническими деструктивными формами периодонтита.
3. Выявленные значительные деструктивные изменения в тканях пародонта и периодонта при ЭПП свидетельствуют о поздней диагностике данного заболевания и необходимости комплексного подхода к лечению этой коморбидной патологии.

Литература

1. Орехова Л.Ю., Кудрявцева Т.В., Осипова В.А., Бармашева А.А. Влияние сочетанных поражений осложненного кариеса и воспалительных заболеваний пародонта на состояние зубочелюстной системы. Пародонтология 2004; 2: 31: 8–14.

2. Особенности клинического течения и принципы лечения эндодонто- пародонтальных поражений / А.К. Иорданишвили, и др. // Казанский медицинский журнал. 2018. Т. 99. № 3. С. 362–368.
3. Галеева З.Р. Морфофункциональные и этиопатогенетические связи при патологии эндодонта и пародонта // Эндодонтия today. 2012. № 2. С. 3–7
4. Галеева З.Р. Мухамеджанова Л.Р., Грубер Н.М. Тубулярный путь микробной инвазии у пациентов с эндодонтопародонтальными очагами инфекции // Практическая медицина. – 2012. – № 8(64). – Том 2. – С. 31–34.
5. Simon J.H., Glick D.H., Fraank A.L. Predictable endodontic and periodontic failures as a result of radicular anomalies // Oral surg Oral Med Oral Pathol. – 1971. – Vol. 31. – № 6.
6. Галиева Д.Т., Атрушкевич В.Г., Царев В.Н., Митронин А.В. Эндодонтопародонтальные поражения: актуальные вопросы // Лечение и профилактика. – 2015. – 4(16). С. 85–91.
7. Rotstein I., Simon J.H. The endo-perio lesion: a critical appraisal of the diseases condition// Endodontic Topics. – 2006. – № 13. – P. 34–56
8. Мороз П.В., Атаева С.В., Биркина Ю.А. Стратегия лечения больных с эндодонтопародонтальными поражениями с применением направленной тканевой регенерации // Здоровье и образование в веке. – 2014. — С.27–31.

PROBLEMS OF TREATING PATIENTS WITH ENDOPERIODIC LESIONS

Vinokurova A.A., Magamadova F. Sh., Kudrevich A.O., Trufanov P.S., Solov'yeva E.A.

Pavlov First St. Petersburg State University

Endo-periodontal lesions (EPP) are combined diseases of complicated caries and periodontitis. The number of patients with such a pathology in the clinical practice of a dentist is steadily growing. As a result of the study, it was found that male patients are more susceptible to EPI, the age of patients is 50–60 years. Based on the clinical and radiological examination, it was found that endo-periodontal lesions are most common in patients with severe and moderate severity of periodontitis in combination with destructive forms of periodontitis.

Keywords: endoperiodontal pathology, periodontitis, parodontitis, statistical analysis.

References

1. Orekhova L. Yu., Kudryavtseva T.V., Osipova V.A., Barmasheva A.A. The effect of combined lesions of complicated caries and inflammatory periodontal diseases on the state of the dentition. Periodontics 2004; 2: 31: 8–14.
2. Features of the clinical course and principles of treatment of endodontic-periodontal lesions / A.K. Iordanishvili, et al. // Kazan Medical Journal. 2018.V. 99. No. 3. P. 362–368.
4. Galeeva Z.R. Morphofunctional and etiopathogenetic relationships in the pathology of endodontics and periodontium // Endodontics today. 2012. No 2. P. 3–7.
5. Galeeva Z.R. Mukhamedzhanova L.R., Gruber N.M. The tubular pathway of microbial invasion in patients with endodontic foci of infection // Practical medicine. – 2012. – No. 8 (64). – Volume 2. – S. 31–34.
6. Simon J.H., Glick D.H., Fraank A.L. Predictable endodontic and periodontic failures as a result of radicular anomalies // Oral surg Oral Med Oral Pathol. – 1971. – Vol. 31. – No. 6.
7. Galieva D.T., Atrushkevich V.G., Tsarev V.N., Mitronin A.V. Endodo-periodontal lesions: current issues // Treatment and Prevention. – 2015. – 4(16). P. 85–91.
8. Rotstein I., Simon J.H. The endo-perio lesion: a critical appraisal of the diseases condition // Endodontic Topics. – 2006. – No. 13. – P. 34–56.
9. Frost P.V., Ataeva S.V., Birkina Yu.A. The treatment strategy for patients with endoperiodic lesions using directed tissue regeneration // Health and Education in the Century. – 2014. – P. 27–31.

Мотивация и сотрудничество в ортодонтическом лечении: анализ ответов пациентов подросткового возраста и их родителей

Зинченко Ксения Сергеевна,

студент, кафедра стоматологии ортопедической с курсом ортодонтии взрослых, Первый Санкт-Петербургский государственный университет им. акад. И.П. Павлова
E-mail: Ksyu.zinchenko.97@bk.ru

Дудукалова Виктория Сергеевна,

студент, кафедра стоматологии детского возраста и ортодонтии, Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет им. акад. И.П. Павлова
E-mail: Dvsal1996@yandex.ru

Хачатрян Артур Зограбович,

студент, кафедра стоматологии, Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет
E-mail: Arturkhachatryan97@bk.ru

Садовникова Татьяна Глебовна,

студент, кафедра стоматологии хирургической и челюстно-лицевой хирургии, Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет им. акад. И.П. Павлова
E-mail: Sadvnikova_tanya@gmail.com

Волошина Ольга Валерьевна,

студент, кафедра патофизиологии с курсом клинической патофизиологии, Первый Санкт-Петербургский государственный университет им. акад. И.П. Павлова

Сотрудничество ортодонтических пациентов определяет результаты их лечения. Нашей целью было сравнить мотивацию ортодонтического лечения детей и подростков, а также их родителей при первичном обследовании с ответами пациентов, проходящих лечение, и их родителей. Кроме того, мы изучили связь между уровнями мотивации лечения и сотрудничества между участниками. Методы. Данные были получены от 227 детей и подростков (средний возраст 13 лет) и их родителей. Из респондентов 144 проходили ортодонтическое лечение, и 83 были обследованы при их первоначальном назначении ортодонтической диагностики. Результаты: родители сообщили о большей мотивации своих детей к ортодонтическому лечению, чем дети. Это было особенно верно среди пациентов, которые уже находились на лечении. Чем выше мотивация пациентов к лечению, тем больше они сообщают, что они выполняли рекомендациями по лечению своих ортодонт. Однако мотивация родителей к тому, чтобы их ребенок проходил ортодонтическое лечение, не коррелировала с кооперацией их детей. Выводы: хотя родители сообщили о более высоком уровне мотивации, чем их дети, было установлено, что уровни мотивации пациентов на получение ортодонтического лечения определяют их кооперацию и выполнение рекомендаций по лечению их ортодонт.

Ключевые слова: сотрудничество в лечении, мотивация, ортодонтическое лечение подростков, эластики, лицевая маска.

Сотрудничество пациента с врачом является важным фактором в своевременном и успешном исходе ортодонтического лечения. Отсутствие сотрудничества оказывает значительное влияние на продолжительность лечения и время, в течение которого пациент должен носить ортодонтические приспособления [2, 3]. Исследования, касающиеся сотрудничества по разным аспектам ортодонтического лечения (например, с лицевой маской, с эластками) показало существенные различия в уровнях сотрудничества пациентов. В 2005 году Ларссон и Бергстром [5] обследовали 151 шведского подростка и обнаружили, что 52% не следовали всем рекомендациям по лечению от своего ортодонта. Большинство пациентов сообщали о боли, дискомфорте и неприязни к своим аппаратам (например, к лицевой маске, ретейнерам) и из-за этого не кооперировались со своими врачами [6]. В одном исследовании пациенты сообщали, что носили их лицевые маски только в 50% случаев [7]. В другом исследовании более трети пациентов значительно преувеличивали реальное количество времени ношения и сообщали ортоденту большую цифру [8]. Агар и соавторы [4] обнаружили, что, хотя между пациентами были значительные различия с точки зрения использования лицевой маски, возраст и пол пациента не влияли на их кооперацию. Этот вывод противоречит предыдущим исследованиям, в которых возраст пациента определялся как важный фактор сотрудничества [9–11].

Факторы, которые могут в значительной степени предсказать уровень кооперации пациента, включают отношение пациента к лечению непосредственно до и во время лечения и способность справляться с любым дискомфортом во время лечения [12, 13]. В клинической практике ортодонты, как правило, пытаются укрепить сотрудничество посредством разговора, хвалить пациентов, когда они сотрудничают (положительное подкрепление).¹⁴ Тем не менее, исследования показали, что системы поощрений, предназначенные для улучшения сотрудничества, могут не работать, особенно с пациентами, которые нуждаются в этом больше всего – кооперирующих меньше среднего [15]. Предыдущие исследователи пытались решить эту проблему низкого сотрудничества с врачом в ортодонтическом лечении среди молодых пациентов [16].

В этом исследовании мы использовали более широкий подход к пониманию сотрудничества пациентов и врачей-ортодонт, сосредоточившись на сочетании факторов и особенностей ребенка

и родителя, которые могут помочь в прогнозировании сотрудничества в лечении. Нашей первой целью было изучить уровни мотивации к лечению среди детей-пациентов и их родителей до ортодонтического лечения и сравнить эти оценки с уровнями мотивации среди детей-пациентов и их родителей во время лечения. Нашей второй целью было выяснить, как уровни мотивации у пациентов и родителей повлияли на кооперацию с врачом.

Материалы и методы

Были собраны данные о 227 детях (114 мальчиков, 113 девочек) и их родителях или законных опекунах. Критериями включения были (1) пациенты в возрасте до 17 лет; (2) их родители или опекуны дали письменное согласие, и (3) пациенты проходили лечение на несъемной аппаратуре. Из этих 227 пациентов 144 (63,4%) проходили ортодонтическое лечение, а 83 (36,6%) прошли диагностическое обследование. Возраст пациентов варьировался от 7 лет 11 месяцев (95 месяцев) до 16 лет 11 месяцев (203 месяца) (в среднем 13,1 года или 157 месяцев). Из 227 родителей или законных опекунов 55 (24,2%) были мужчинами, а 172 (75,8%) – женщинами. Возраст родителей или опекунов варьировался от 25 до 70 лет (в среднем 43 года; SD – 8,6). В исследование отбирали тех пациентов, которые прошли ортодонтическую диагностику и тех, кому она была только назначена. Дети, отобранные на предварительном скрининге, прошли опрос под названием «Опрос будущих ортодонтических пациентов», и сопровождающий их родитель или опекун проходил на «Опрос родителей будущих ортодонтических пациентов». Пациенты, проходящие ортодонтическое лечение, завершили «Опрос для текущих ортодонтических пациентов» и их родители отвечали на «Опрос для родителей ортодонтических пациентов». Все опросы включали 4 группы вопросов: (1) демографический фон (пол, возраст, этническая принадлежность, оценка в школе), (2) общий медицинский и ортодонтический анамнез, (3) мотивация к лечению и (4) кооперация. Кроме того, амбулаторные карты тех, кто уже находился на лечении, были пересмотрены для определения продолжительности лечения, вида лечения и использования каких-либо вспомогательных приспособлений (лицевые маски, эластики, ретейнеры). Данные были проанализированы с помощью программного обеспечения SPSS (версия 12.0, SPSS).

Результаты

Мотивация детей-пациентов оценивалась с помощью 2 пунктов: «Насколько бы вы хотели / вам хотелось лечиться на брекет-системе?» (Пункт 1) и «Мне очень важно лечиться на брекет-системе» (пункт 2). Мотивация родителей оценивалась с помощью 2 пунктов: «Насколько бы вы хотели / вам хотелось, что ваш ребенок прошел ортодонтическое лечение?» (Пункт 1) и «Для моего ребенка очень важно лечиться ортодонтически» (пункт 2). Все ответы были даны по 5-балльной шкале от 1 (для пункта 1), «совсем нет» или (для пункта 2),

«категорически не согласен» до 5 (для пункта 1), «согласен» или (для пункта 2) «очень согласен».

В целом, у родителей был значительно более высокий уровень мотивации к лечению, чем у их детей. На вопрос о том, что было самой важной причиной обращения за ортодонтическим лечением, 91,6% родителей и 93,4% детей назвали эстетические проблемы как самые важные. Родители детей, проходящих ортодонтическое лечение, сообщали о более высоких уровнях мотивации лечения, чем родители, чьи дети только прошли диагностику. Ответы детей были одинаковыми в группе прошедших диагностику и в группе на этапе лечения.

Для изучения взаимосвязи мотивации родителей к ортодонтическому лечению их ребенка и мотивации детей к ортодонтическому лечению были соотнесены ответы родителей и детей. Как видно из таблицы 1, чем более положительно родители отреагировали на вопрос «Насколько бы вы хотели / вам хотелось, что ваш ребенок прошел ортодонтическое лечение?» на диагностическом приеме и во время лечения, тем больше их дети заявляли, что они хотят лечиться на брекетах, и тем больше дети соглашались с утверждением о том, что для них важно пройти лечение.

Таблица 1. Корреляция между ответами пациентов и родителей о мотивации к лечению на диагностическом приеме и во время лечения

Пациенты	Тип посещения	Родители	
		Пункт 1: Насколько бы вы хотели / вам хотелось, что ваш ребенок прошел ортодонтическое лечение?	Пункт 2: Для моего ребенка очень важно лечиться ортодонтически.
Пункт 1. Насколько бы вы хотели / вам хотелось лечиться на брекет-системе?*	Диагностика	.378 (P \0.001)	.268 (P 5 0.014)
	На лечении	.196 (P 5 0.020)	.168 (P 5 0.044)
Пункт 2. Мне очень важно лечиться на брекет-системе.	Диагностика	.246 (P 5 0.009)	.107 NS
	На лечении	.195 (P 5 0.020)	.254 (P 5 0.002)

NS, Не значимо.

*Пункт 1: от 1, «совсем нет,» до 5, «очень важно»; Пункт 2: от 1, «совсем не согласен,» до 5, «очень согласен.» Ответы даны по 5-ти бальной шкале.

Как видно из таблицы 2, ответы детей и их родителей на вопросы, касающиеся мотивации и сотрудничества в лечении, были соотнесены с целью изучения взаимосвязи между мотивацией детей и кооперацией, а также мотивацией родителей к тому, чтобы их ребенок прошел ортодонтическое лечение и восприятием родителями кооперации их детей. Все ответы были даны по 5-балльной шкале от 1, «категорически не согласен» до 5, «полностью согласен».

Таблица 2. Зависимость между ответами детей-пациентов и родителей относительно мотивации к лечению и кооперации

	Ответы детей о мотивации		Ответы родителей о мотивации	
	Пункт 1: Насколько бы вы хотели / вам хотелось лечиться на брекет-системе?	Пункт 2: Мне очень важно лечиться на брекет-системе.	Пункт 1: Насколько бы вы хотели / вам хотелось, что ваш ребенок прошел ортодонтическое лечение?	Пункт 2: Для моего ребенка очень важно лечиться ортодонтически.
Ответы детей о кооперации Я буду делать все, что нужно для успешного лечения.	.225 (P = 0.001)	.239 (P < 0.001)	-.058	.001
Я сделаю все, о чем меня попросит мой ортодонт.	.147 (P = 0.028)	.271 (P < 0.001)	.002	-.011
Если ортодонт назначит ношение эластиков, я буду их носить.	.211 (P = 0.002)	.243 (P < 0.001)	.077	.153 (P = 0.023)
Если ортодонт назначит ношение лицевой маски, я буду ее носить.	.048	.065	.041	.046
Если ортодонт назначит ношение ретейнера, я буду его носить.	.244 (P < 0.001)	.224 (P = .001)	.054	.053
Ответы родителей о кооперации Мой ребенок сделает все для успешного лечения.	.248 (P < 0.001)	.229 (P = 0.001)	.186 (P = 0.006)	.259 (P < 0.001)
Мой ребенок будет выполнять рекомендации ортодонта.	.059	.120	.030	.062
Если ортодонт назначит эластики, мой ребенок будет носить.	.158 (P = 0.017)	.161 (P = 0.016)	.059	.130 (P = 0.052)
Если ортодонт назначит лицевую маску, мой ребенок будет носить.	.174 (P = 0.010)	.186 (P = 0.006)	.200 (P = 0.003)	.309 (P < 0.001)
Если ортодонт назначит ретейнер, мой ребенок будет носить.	.156 (P = 0.002)	.178 (P = 0.009)	.147 (P = 0.033)	.199 (P = 0.003)

Однако, в то время как оценка важности лечения для родителей как на диагностическом приеме, так и во время лечения значительно коррелировала с ответами пациентов на пункт 1, эти ответы коррелировал только с оценкой важности для детей во время лечения, а не при диагностическом обследовании.

Что касается взаимосвязи между мотивацией и кооперацией, результаты показали, что чем больше у пациентов мотивации, тем больше они кооперируют и сообщают об этом, и тем больше они заявляли о том, что будут выполнять рекомендациями по ношению эластиков и соблюдению ретенционного периода. Тем не менее, их ответы о ношении лицевой маски значительно не коррелировали с их мотивацией к лечению (таблица 2).

Анализ подгруппы пациентов – тех, кто уже находился на лечении – показал, что чем более они мотивированы, тем больше они сотрудничают в ношении лицевой маски. Кроме того, анализ пациентов, которые на самом деле носили/носят лицевые маски, показал, что они скорее всего будут лучше кооперировать по сравнению с пациентами, которые никогда не носили лицевые маски. Интересно, что для пациентов, носящих эластики, была обнаружена другая картина результатов по сравнению с пациентами без эластиков. Дети сообщили, что они значительно реже выполняют рекомендации по ношению эластиков, чем те, кто никогда не носил эластики.

Что касается мотивации родителей к тому, чтобы их лечились на брекетах, и их восприятием кооперации своих детей, было обнаружено несколько существенных взаимосвязей (таблица 2). Чем больше мотивация у родителей, тем больше родители соглашались с общим утверждением «Мой ребенок сделает все возможное, чтобы успешно пройти лечение». Кроме того, между мотивацией родителей и ответами на вопросы о ношении эластиков и ретейнеров существовала значительная взаимосвязь.

Были проведены тесты MANOVA, чтобы выявить, были ли существенные половые различия в мотивации и сотрудничестве пациентов.⁹⁻¹¹ Что касается кооперации, мальчики сообщили, что они были значительно менее готовы сотрудничать в лечении, чем девочки. Однако в мотивации пациентов не было значительных половых различий. Родители или опекуны женского пола сообщили о значительно большем желании, чтобы их ребенок прошел ортодонтическое лечение, чем родители или опекуны мужского пола, и родители и опекуны женского пола сообщили, что их дети лучше кооперируют, чем родители и опекуны мужского пола.

Обсуждение

Что касается уровня мотивации к ортодонтическому лечению у детей и родителей, то мы обнаружили, что родители были значительно более заинтересованы в том, чтобы их дети получали ортодонтическое лечение, чем их дети. При сравнении

родителей, чьи дети только прошли диагностику с родителями детей, проходящих ортодонтическое лечение, уровень родительской мотивации был выше во второй группе, тогда как и без того низкий уровень мотивации к лечению среди детей существенно не изменился. Одним из возможных объяснений этого может быть то, что родители были более оптимистичны в отношении успешности лечения, чем их дети. Кроме того, на повышение мотивации родителей во время лечения могли повлиять родительские инвестиции (деньги и время) и оптимизм, но отсутствие повышенной мотивации у пациентов может быть связано с факторами, связанными с лечением, такими как дискомфорт, боль и неудовлетворительная эстетика, связано с ношением брекетов. Предыдущие исследования показали, что боль во время ортодонтического лечения может снизить оптимизм пациентов относительно успеха лечения и в конечном итоге повлиять на их мотивацию к лечению.

Мы обнаружили, что 91,6% родителей и 93,4% детей оценили эстетические проблемы как наиболее важную причину обращения за ортодонтическим лечением. Кроме того, мы обнаружили, что дети, которые сообщили, что они являются основным мотивирующим фактором для обращения за ортодонтическим лечением, были значительно более мотивированы, чем дети, которые не сообщили, что они были основным мотивирующим фактором. Этот вывод может быть полезен в будущей практике, потому что он показывает связь между влиянием детей-пациентов на обращение к ортодонту и мотивацией к лечению.

Что касается кооперации, мы обнаружили, что более высокий уровень мотивации к лечению среди детей-пациентов коррелировал с более высоким уровнем кооперации в целом, а также с ношением эластиков и ретейнеров. Не было обнаружено, что мотивация пациентов к лечению значительно коррелирует с их желанием носить лицевую маску. Предыдущие исследования показали общую неприязнь к использованию лицевой маски среди ортодонтических пациентов. Одним из объяснений отсутствия корреляции между мотивацией пациента и ношением лицевой маски может быть то, что негативные последствия могут удерживать даже самых мотивированных детей от сотрудничества. Анализ подгруппы – только пациенты, прошедшие лечение – показал, что чем более они мотивированы, тем больше они готовы сотрудничать с врачом. Кроме того, анализ пациентов, которые действительно носили лицевые маски, показал, что они с большей вероятностью скажут, что будут сотрудничать с врачом, по сравнению с пациентами, которые никогда не носили лицевую маску. Этот вывод показывает, что дети без опыта ношения дуги могут иметь более негативное восприятие о ней, что может объяснить отсутствие корреляции между мотивацией и кооперацией.

Интересно, что у пациентов, носящих эластики, была обнаружена другая картина результатов по сравнению с пациентами без эластиков. Дети,

носящие эластики, больше сообщали о том, что они не хотят кооперировать и носить их, чем тех, кто их никогда не носил. Потенциальным объяснением этого может быть то, что пациенты, носящие эластики, имеют более реалистичное понимание социальных и функциональных проблем, связанных с эластиками, чем те, кто их не носил. Одним из клинических последствий может быть то, что ортодонты должны предоставлять своим пациентам больше информации о неудобствах с эластиками, чтобы лучше подготовить их к этим проблемам.

Как и в предыдущем исследовании, мы обнаружили, что девочки сообщали о большей готовности кооперировать, чем мальчики.^{18,37} Кроме того, больше матерей сообщали, что их дети будут лучше кооперировать, чем отцов. Матери были также более склонны к тому, чтобы их дети имели брекет-системы, чем отцы. Представляется вероятным, что традиционные сексуальные роли приводят к тому, что девочки страдают от ухудшения внешнего вида больше, чем мальчики, и это может увеличить их желание – и желание их матерей – кооперировать в лечении, чтобы улучшить их внешний вид.^{33,37,38}

Заключение

Мы обнаружили, что родители, чьи дети в настоящее время находятся на ортодонтическом лечении, сообщают о большей мотивированности в лечении, по сравнению с родителями, дети которых еще не находятся на лечении. Тем не менее, уровень мотивации пациентов был одинаковым среди пациентов, обследованных до и во время лечения. Одна из возможных стратегий повышения уровня мотивации детей во время лечения состоит в том, чтобы практикующие врачи регулярно говорили о прогрессе, достигнутом во время лечения. Эта обратная связь может служить положительным подкреплением и может отвлечь внимание пациентов от факторов, которые препятствуют мотивации (например, дискомфорт и боль, связанные с лечением), и сфокусировать их на факторах, которые повышают мотивацию (например, положительные изменения после лечения).

Мы также продемонстрировали, что мотивация пациентов к ортодонтическому лечению положительно коррелирует с их кооперацией с ортодонтom. Хотя это и не было специально изучено в этом исследовании, некоторые шаги, которые ортодонты могли бы предпринять для повышения уровня мотивации своих пациентов-детей, могли бы заключаться в том, чтобы вовлекать их в решения о лечении, регулярно сообщать о положительных изменениях лечения и всесторонне решать осложнения лечения (дискомфорт, боли, нарушения функциональных способностей и нарушения эстетики) и предупреждать о них до лечения.

Заслуживает внимания тот факт, что мотивация родителей существенно не связана с фактическими ответами детей на вопросы о кооперации. Это может означать, что ортодонты должны

спрашивать детей и их родителей о сотрудничестве в лечении. На ответы родителей могут влиять такие факторы, как финансовые вложения в лечение и недостаточная осведомленность о влиянии ношения ортодонтических приспособлений на жизнь их детей. Два предложения – дать родителям дополнительную информацию о том, с чем столкнется ребенок, и побудить их быть внимательными к ортодонтическим потребностям своих детей во время лечения. Ортодонты могут поощрять родителей своего пациента к активному участию в процессе лечения, обеспечивая ребенку при необходимости обезболивающие препараты и регулярно задавая вопросы о том, беспокоит ли ребенка что-то в процессе лечения. Данные показали, что дети-пациенты, которые вместе с родителями принимали решение обратиться за лечением и сами этого хотели, были более заинтересованы и лучше кооперировались, чем дети, которые не участвовали в решении обратиться за лечением. Этот вывод может помочь ортодонту при разработке плана лечения и сравнении вариантов, которые требуют большей или меньшей кооперации. Если ортодонт знает, что пациент вряд ли будет сотрудничать, может быть разработан план лечения, который обеспечить наилучшую возможную схему лечения для пациента с минимальной кооперацией.

ORTHODONTIC TREATMENT MOTIVATION AND COOPERATION: ANALYSIS OF ADOLESCENT PATIENTS' AND PARENTS' RESPONSES

Zinchenko K.S., Dudukalova V.S., Khachatryan A.Z., Sadovnikova T.G., Voloshina O.V.

Pavlov First St. Petersburg State University, Saint-Petersburg State Pediatric Medical University

Orthodontic patients' cooperation determines their treatment outcomes. Our objectives were to compare orthodontic treatment motivation of child and adolescent patients and their parents at an initial screening appointment with the responses of patients in treatment and their parents. Furthermore, we explored the association between participants' levels of treatment motivation and treatment cooperation. Methods: Data were collected from 227 child and adolescent patients and their parents. Of the respondents, 144 were in orthodontic treatment, and 83 were surveyed at their initial orthodontic screening appointment. Results: Parents reported greater motivation for their children to have orthodontic treatment than did the children. This was especially true among patients who were already in treatment. The higher the patients' treatment motivation, the more they reported that they cooperated with their orthodontists' treatment recommendations. However, the parents' motivation for their child to have orthodontic treatment was not significantly correlated with their children's treatment cooperation. Conclusions:

Although parents reported greater motivation levels than their children, the patients' levels of motivation to receive orthodontic treatment were found to determine their reported cooperation with their orthodontists' treatment recommendations.

Keywords: cooperation in treatment, motivation, orthodontic treatment of adolescents, elastics, face mask.

References

1. Albino JE, Lawrence SD, Lopes CE, Nash LB, Tedesco LA. Cooperation of adolescents in orthodontic treatment. *J Behav Med* 1991;14:53–70.
2. Beckwith FR, Ackerman RJ Jr, Cobb CM, Tira DE. An evaluation of factors affecting duration of orthodontic treatment. *Am J Orthod Dentofacial Orthop* 1999;115:439–47.
3. Skidmore KJ, Brook KJ, Thomson WM, Harding WJ. Factors influencing treatment time in orthodontic patients. *Am J Orthod Dentofacial Orthop* 2006;129:230–8.
4. Agar U, Doruk C, Bicakci AA, Bukusoglu N. The role of psychosocial factors in headgear compliance. *Eur J Orthod* 2005;27:263–7.
5. Larsson BW, Bergstrom K. Adolescents' perception of the quality of orthodontic treatment. *Scand J Caring Sci* 2005;19:95–101.
6. O'Connor PJ. Patients' perceptions before, during, and after orthodontic treatment. *J Clin Orthod* 2000;34:591–2.
7. Cureton SL. Headgear and pain. *J Clin Orthod* 1994;28:525–30.
8. Cole WA. Accuracy of patient reporting as an indication of head gear compliance. *Am J Orthod Dentofacial Orthop* 2002;121:419–23.
9. Kreit LH, Burstone C, Delman L. Patient cooperation in orthodontic treatment. *J Am Coll Dent* 1968;35:327–32.
10. Cureton SL, Regennitter FJ, Yancey JM. Clinical versus quantitative assessment of headgear compliance. *Am J Orthod Dentofacial Orthop* 1993;104:277–84.
11. Trulsson U, Linlav L, Mohlin B, Strandmark M. Age dependence of compliance with orthodontic treatment in children with large overjet. An interview study. *Swed Dent J* 2004;28:101–9.
12. SerGI HG, Klages U, Zentner A. Functional and social discomfort during orthodontic treatment – effects on compliance and prediction of patients' adaptation by personality variables. *Eur J Orthod* 2000;22:307–15.
13. Doll GM, Zentner A, Klages U, SerGI HG. Relationship between patient discomfort, appliance acceptance and compliance in orthodontic therapy. *J Orofac Orthop* 2000;61:398–413.
14. Mehra T, Nanda R S, Sinha P K. Orthodontists' assessment and management of patient compliance. *Angle Orthod* 1998;68:115–22.
15. Richter DD, Nanda RS, Sinha PK, Smith DW, Currier GF. Effect of behavior modification on patient compliance in orthodontics. *Angle Orthod* 1998;68:123–32.
16. Bos A, Hoogstraten J, Prah Andersen B. Towards a comprehensive model for the study of compliance in orthodontics. *Eur J Orthod* 2005;27:296–301.
17. Proffit WR. Contemporary orthodontics. St Louis: Mosby; 2000.
18. Albino JE. Factors influencing adolescent cooperation in orthodontic treatment. *Semin Orthod* 2000;6:214–23.
19. Brattstrom V, Ingelsson M, Aberg E. Treatment co-operation in orthodontic patients. *Br J Orthod* 1991;18:37–42.
20. Bennett ME, Tulloch JF. Understanding orthodontic treatment satisfaction from the patients' perspective: a qualitative approach. *Clin Orthod Res* 1999;2:53–61.

Гажва Светлана Иосифовна,

д.м.н., профессор, заведующий кафедрой стоматологии, ФДПО «Приволжский исследовательский медицинский университет»
E-mail: stomfpkv@mail.ru

Касумов Надир Садирович,

к.м.н.; врач стоматолог общей практики, руководитель «Стоматология на бульваре Мира»
E-mail: kasumov.nadir@gmail.com

Гажва Юлия Владимировна,

к.м.н., доцент кафедры стоматологии, ФДПО «Приволжский исследовательский медицинский университет»
E-mail: gzhva@yandex.ru

Васильева Лидия Николаевна,

ординатор первого года обучения кафедры стоматологии, ФДПО «Приволжский исследовательский медицинский университет»
E-mail: lidalynova@inbox.ru

Пелин Олег Владимирович,

ординатор первого года обучения кафедры стоматологии, ФДПО «Приволжский исследовательский медицинский университет»
E-mail: pelin-oleg@mail.ru

В статье визуализирован рост диффузных поражений печени, которые часто заканчиваются терминальной стадией и требуют нестандартных методов лечения, среди которых наиболее эффективным является трансплантация печени. На примере пациентов, перенесших трансплантацию печени, рассмотрено влияние диффузных поражений печени на слизистую оболочку полости рта, проведен анализ стоматологических проявлений среди пациентов, не имеющих соматической патологии, и пациентов с коморбидной патологией. Отмечена роль иммуносупрессивной терапии в возникновении заболеваний пародонта и особенности оказания стоматологической помощи на этапе реабилитации данной категории пациентов.

Цель: выявление особенностей стоматологического статуса у пациентов, перенесших трансплантацию печени с целью снижения риска отторжения трансплантата и повышения качества стоматологической реабилитации.

Результаты исследования показывают, что у пациентов после трансплантации печени на фоне приема иммуносупрессивной терапии в структуре стоматологической заболеваемости доминируют ксеростомия, деструктивные заболевания тканей пародонта, очаги одонтогенной инфекции, удаленные зубы и пломбы в индексе КПУ, нормализуется уровень гигиены полости рта при относительно высоком уровне распространенности и интенсивности гиперестезии.

Ключевые слова: печень, пересадка органов, стоматологический статус, аутофлюорисцентная стоматоскопия, трансплантация.

Актуальность

Проблема трансплантации органов, в том числе, и печени, является мировой, до конца не решенной, и требует дальнейшего изучения с целью повышения эффективности лечения пациентов с тяжелой соматической патологией [1].

За последние годы и в Российской Федерации она стала актуальной в связи с увеличением частоты встречаемости заболеваний печени и не всегда успешным их лечение стандартными технологиями. Одним из перспективных и вселяющих надежду в тяжелобольных людей является трансплантация. Согласно данным Всемирной Организации Здравоохранения количество таких операций за 2018 г увеличилось на 11,3% [2].

В настоящее время трансплантация печени является неотъемлемой частью лечения больных с диффузными поражениями печени в терминальной стадии. Показания к трансплантации печени в современном мире значительно расширились, что увеличивает шанс достижения максимально положительного результата в лечении данной патологии [3].

Потребность в трансплантации печени возникает ежегодно не менее чем у 30–40 человек на 1 миллион населения [4]. При сохраняющейся тенденции к ежегодному медленному росту количества операций трансплантации печени в России потребность использования органов как прижизненного, так и посмертного донорства возрастает [5].

После операции трансплантации печени выживаемость реципиентов в течение года составляет 85%–90%, в течение пяти лет –70%–75%, в течение десяти- 60%, в течение двадцати-40%. По данным статистики выживаемость реципиентов в Нижнем Новгороде составляет через 1 месяц 98,4%, 1 год – 84,7%, 3 года – 82,2%, 5 лет – 82,2%, 10 лет – 82,2%. Выживаемость трансплантатов – 96,7%. Своевременное выполнение трансплантации печени и проведение в дальнейшем иммуносупрессивной терапии не только позволяет сохранить жизнь пациентам, но и меняет их качество жизни в 80% случаев, обеспечивая полное выздоровление реципиентов. Однако, такие пациенты требуют физической, социальной, и медицинской реабилитации в посттрансплантационном периоде [6].

По данным ФБУЗ «Приволжский окружной медицинский центр» ФМБА России г. Нижний Новгород, летальность после трансплантации печени составляет 13%. Согласно данным Е.Н. Рябовой и соавторов, отторжение печени чаще происходит в первый месяц после операции трансплантации.

Одним из факторов, способствующим развитию осложнений и неблагоприятных исходов в послеоперационном периоде после пересадки органа являются очаги хронической одонтогенной инфекции в полости рта [6].

Цель исследования

Цель исследования – изучить стоматологический статус у пациентов, перенесших трансплантацию печени с целью снижения риска отторжения трансплантата и повышения качества стоматологической реабилитации у данной категории лиц.

Материалы и методы

Исследования проводились на базе кафедры стоматологии ФДПО ФГБОУ ВО «ПИМУ» МЗ РФ и отделения трансплантации органов ФБУЗ «ПОМЦ» ФМБА России (д.м.н., профессор, заведующий кафедрой хирургических болезней ФДПО ФГБОУ ВО «ПИМУ» МЗ РФ В.Е. Загайнов, С.А. Васенин, Е.Н. Рябова).

В исследовании приняли участие 40 пациентов обоего пола в возрасте 23–45 лет. Группы пациентов были стандартизированы по полу и возрасту.

Все пациенты были разделены на 2 основные группы:

1 группа (20 человек) – пациенты без соматической патологии (16 мужчин и 4 женщины);

2 группа (20 человек) – пациенты с уровнем системного здоровья ASA-I и ASA-II (классификация Physical Status Classification System – for Dental Patients Care, 2017), находящиеся в послеоперационном периоде адаптации от года до 3-х лет с момента проведения операции трансплантации (15 мужчин и 5 женщин).

При исследовании были использованы методы: социологический, клинический, цитологический, аутофлюорисцентная стоматоскопия, аналитический, статистический.

Клинический метод включал в себя сбор анамнеза для выявления симптомов в полости рта при болезнях печени, внешний осмотр, осмотр полости рта с целью оценки клинических очагов инфекции, определение индекса гигиены и КПУ. Для оценки стоматологического статуса использовались клинические индексы: ИГР-У, КПУ, CPITN, РМА, индекс кровоточивости.

У пациентов при наличии признаков изменения маргинальной десны использовался цитологический метод исследования для определения структуральных изменений в эпителии слизистой оболочки маргинальной десны.

Для выявления и лечения скрытых патологических процессов слизистой оболочки полости рта и прогнозирования их проявлений на фоне иммуносупрессивной терапии использовали аутофлюорисцентную стоматоскопию аппаратом АФС Полироник (Москва), который позволяет в режиме реального времени определять изменения на клеточном уровне, предшествующим клиническим проявлениям (рис. 1). [7]

Рис. 1. Аутофлюорисцентная стоматоскопия

Результаты исследования

Поскольку заболевание и особенности его лечения накладывают отпечаток на психологическое здоровье пациентов согласно данным С.И. Гажва, Н.С. Касумова, 2019 г. врачу-стоматологу, необходимо выбрать интерпретационный вариант общения с данной категорией пациентов. Убеждение пациента в необходимости санации полости рта увеличивает мотивацию посещения врача-стоматолога и улучшает гигиену полости рта (рис. 2, 3).

Рис. 2. Гипертрофический гингивит периодонтит

Рис. 3. Острый апикальный

Сопоставление жалоб, отмеченных пациентами обеих групп, показало, что пациенты после операции трансплантации печени (группа 2) больше их предъявляют, по сравнению с пациентами первой группы. Из этого можно сделать вывод, что различие жалоб зависит от наличия у пациента общесоматической патологии (рис. 4).

Рис. 4. Частота жалоб в группах исследования

После сбора жалоб нами был проведен внешний осмотр, включающий осмотр кожных покровов. Во второй группе внешние проявления визуализировались бледностью кожных покровов. При

визуальном осмотре пациентов первой группы не выявлено патологических симптомов. Данные свидетельствуют о том, что внешние изменения кожных покровов характерны для больных с печеночной недостаточностью.

Для суждения о гигиеническом состоянии полости рта в алгоритм обследования был включен упрощенный индекс гигиены. У пациентов первой группы преимущественно удовлетворительное гигиеническое состояние полости рта. Пациенты второй группы отличаются худшим уровнем гигиены полости рта и высокой скоростью образования зубного налета (рис. 5).

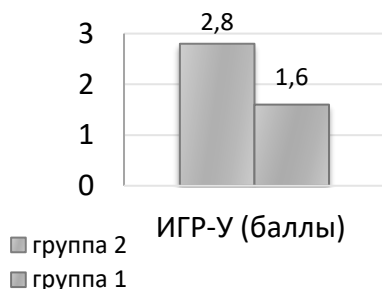

Рис. 5. Гигиеническое состояние ротовой полости

Для оценки интенсивности кариеса зубов использовали индекс КПУ, и заключение каждого компонента в его структуре (рис. 6).

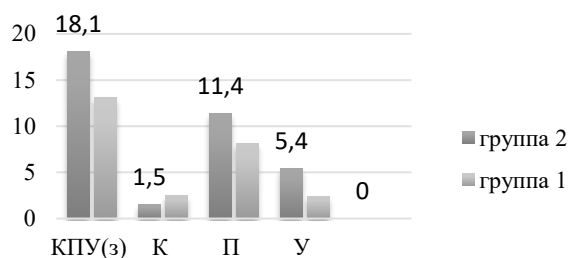

Рис. 6. Индексное оценивание зубных рядов у пациентов

Элементы индекса распределились таким образом: у пациентов второй группы наблюдается увеличение индекса КПУ с преобладанием компонентов «Пломба», «Удаленный»; у пациентов первой группы – пломбированных.

Следующим этапом мы исследовали состояние тканей пародонта с помощью: папиллярно-маргинально-альвеолярного индекса, значения индекса кровоточивости десен при зондировании и индекса СРITN (табл. 1).

Таблица 1. Индексная оценка пародонтологического статуса пациентов

	1 группа	2 группа
Инд. кровоточ.,%	21,7±6,3	27,4±4,8
СРITN	1,3±0,76	1,6±0,67
РМА, %	19,5±6,3	36,5±5,4

При исследовании состояния тканей пародонта было выявлено, что пародонтологический статус у пациентов первой группы значительно лучше, чем у пациентов второй группы.

Для выявления скрытых процессов в слизистой оболочке полости рта использовалась аутофлуоресцентная стоматоскопия. У пациентов первой группы мы наблюдали зеленоватое свечение, что означало отсутствие патологических изменений на слизистой оболочке полости рта. При проведении исследования у пациентов второй группы мы имели темное поле-гашение свечения, что указывало на наличие очагов воспаления на слизистой оболочке щек, твердого неба. Поверхность языка почти у всех пациентов первой и второй групп имела яркую флуоресценцию красного цвета за счет налета, в состав которого входят микроорганизмы и продукты их жизнедеятельности.

Для выявления морфологических изменений в тканях пародонта после трансплантации печени использовали цитологический метод исследования, направленный на изучение клеточных структур слизистой оболочки десны в мазках-отпечатках.

При цитологическом исследовании наблюдалось, что мазки-отпечатки маргинальной десны имели большое количество клеточных структур, которые были представлены эпителиальными клетками всех слоев эпителия, располагаясь одиночно или целыми пластами. Изучение изменений в подлежащих эпителию участках слизистой оболочки выявило развитие фиброза разной степени выраженности вплоть до гиалиноза коллагеновых волокон (рис. 7, 8).

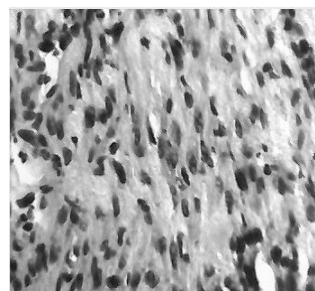

Рис. 7. Фиброз тканей пародонта 2-ой группы

Рис. 8. Гиалиноз коллагеновых волокон тканей пародонта у пациента 2-ой группы

Всем пациентам была проведена санация полости рта в 100% случаев.

Второй группе пациентов после проведенной санации полости рта было рекомендовано:

- проведение профосмотров 1 раз в 3 месяца, что связано с повышенным контролем за гигиеной полости рта у пациентов, перенесших трансплантацию печени;

- с целью поддержки стабильного уровня гигиены полости рта необходимо обязательное использование скребка для чистки языка и зубных паст для чувствительных зубов (Colgate Sensitive, гель Biorepair);
- при лечении ксеростомии использовать ополаскиватели, не содержащие спирт, жевательные резинки без сахара и заменители слюны.

Обсуждения

Появление жалоб, которые отмечены пациентами после проведения операции трансплантации печени, часто связано с употреблением лекарственных препаратов. И несмотря на то, что трансплантация печени влечет за собой увеличение слюноотделения и уменьшение проявления симптомов ксеростомии, больше всего жалоб у данных больных поступает непосредственно на сухость в ротовой полости. Объясняется это влиянием иммуносупрессивной терапии, для которой характерен побочный эффект в виде уменьшения секреции слюны.

Исследование пародонтологического статуса у больных после осуществления трансплантации также говорит о присутствии патологии тканей пародонта в 100% случаев. В первой группе данный показатель определенно ниже.

Изменение соотношения составляющих «Кариес», «Пломба» и «Удаленный» в индексе КПУ, заключающееся в увеличении пломбированных зубов у больных после проведения трансплантации печени, зависит от их частоты посещения врачей всех специальностей с целью поддержания общего состояния здоровья, а также здоровья ротовой полости для уменьшения риска появления посттрансплантационных осложнений.

Заключение

Пациенты с диффузными поражениями печени нуждаются в санации полости рта на этапе подготовки к трансплантации и требуют динамического наблюдения за состоянием полости рта в послеоперационном периоде. Плановая санация полости рта у пациентов с заболеваниями печени снижает риск возникновения осложнений в послеоперационном периоде.

Стоматологическая реабилитация пациентов с заболеваниями печени должна включать в себя системный и междисциплинарный подход с персонализированным алгоритмом ее реализации в зависимости от вида соматической патологии, выбора медикаментозных схем лечения основного заболевания, с учетом уровня стоматологического здоровья, психологического статуса пациентов на основе мониторинга диагностических и прогностических критериев течения и исходов стоматологических симптомов основного заболевания.

Литература

1. Гажва С.И., Воронина А.И., Шкаредная О.В. Анализ клинико-иммунологического

статуса полости рта у пациентов с хроническим генерализованным пародонтитом легкой и средней степеней тяжести при использовании антибактериальных средств. *Стоматология*. 2010.Т.89 № 3.С.30–33.

2. Готье С.В., Хомяков С.М. Донорство и трансплантация органов в Российской Федерации в 2017 году. Сообщение регистра Российского трансплантологического общества. *Вестник трансплантологии и искусственных органов*. 2018; XX(2):6–28.
3. Климушева Н.Ф., Бадаев Ф.И., Бессонова Е.Н., Столяр А.Г., Иофин А.И. Трансплантационные технологии в многопрофильной клинике: опыт и перспективы развития. Свердловская областная клиническая больница № 1, Екатеринбург, Россия, Том 6 № 3, 2014; 82–92.
4. Готье, С.В. Оценка потребности населения в трансплантации органов, донорского ресурса и планирование эффективной сети центров трансплантации / С.В. Готье, С.М. Хомяков // Вестник трансплантологии и искусственных органов. – 2013. – Т. XV, № 3. – С. 11–24.
5. Onghena L., Develtere W., Poppe C. Et al. Quality of life after liver transplantation: State of the art. *World J Hepatol*. 2016;8(18):749–756.
6. Рябова Е.Н, Васенин С.А, Кукош В.М, Муртазалиева М.С, Рыхтик П.И, Бельский В.А, Загайнов В.Е, Романов С.В. Десятилетний опыт выполнения трансплантации печени в ФБУЗ «Приволжский окружной медицинский центр» ФМБА России//Медицина экстремальных ситуаций. – 2019;21(2) – 220.
7. Булгакова Н.Н, Волков Е.А., Позднякова Т.И. Аутофлуоресцентная стоматоскопия как метод онкоскрининга заболеваний слизистой оболочки полости рта. *Российский стоматологический журнал*. 2015; 19(1): 27–30.

DENTAL REHABILITATION PATIENT AFTER LIVER TRANSPLANTATION

Gazhva S.I., Kasumov N.S., Gazhva Yu.V., Vasileva L.N., Pelin O.V.
Volga Research Medical University, Dentistry on the Boulevard of the World

The article visualized the growth of diffuse liver lesions, which often end with terminal stage and require non-standard methods of treatment, among which the most effective is the liver transplantation. The influence of dental status on the risk of postoperative complications is shown on the example of patients who have liver transplantation, the analysis of dental manifestations among patients without somatic pathology and patients with comorbid pathology is analyzed. The role of immunosuppressive therapy in the occurrence of periodontal disease is noted. The features of the provision of dental care at the stage of rehabilitation of this category of patients are noted.

The aim of the study: to identify the features of the dental status of patients who suffered liver transplantation in order to reduce the risk of transplant rejection and improve the quality of dental rehabilitation. The results of the study show that in patients after liver transplantation while receiving immunosuppressive therapy, xerostomia, destructive diseases of periodontal tissues, foci of odontogenic infection, removed teeth and fillings in the CPI index dominate in the structure of dental morbidity, the level of oral hygiene is normalized with a relatively high level of prevalence and intensity of hyperesthesia.

Keywords: liver, organ transplant, dental status, autofluorescence stomatoscopy, transplantation.

References

1. Gazhva S. I., Voronina A.I., Shkarednaya O.V. Analysis of the clinical and immunological status of the oral cavity in patients with chronic generalized periodontitis of mild and moderate severity using antibacterial agents. *Dentistry*.2010.T. 89, No. 3. Pp. 30–33.
2. Gautier S.V., Khomyakov S.M. Donorship and organ transplantation in the Russian Federation in 2017. Report from the register of the Russian Transplant Society. *Herald of transplantology and artificial organs [Vestnik transplantologii i iskusstvennyh organov]*. 2018; XX(2):6–28.
3. Klimusheva N. F., Badaev F.I., Bessonova E.N., Stolyar A.G., Iofin A.I. Transplantation technologies in a multidisciplinary clinic: experience and prospects of development. *Sverdlovsk regional clinical hospital No. 1, Yekaterinburg, Russia, Volume 6, No. 3,2014; 82–92.*
4. Gautier, S.V. Assessment of the population's need for organ transplantation, donor resource and planning of an effective network of transplantation centers / S.V. Gautier, S.M. Khomyakov // *Bulletin of Transplantology and artificial organs*. – 2013. – T. XV, No. 3. – Pp. 11–24.
5. Onghena L., Develtere W., Poppe C. Et al. Quality of life after liver transplantation: State of the art. *World J Hepatol*. 2016;8(18):749–756.
6. Ryabova E. N., Vasenin S.A., Kukosh V.M., Murtazalieva M.S., Rykhtik P.I., Belsky V.A., Zagainov V.E., Romanov S.V. ten-Year experience of liver transplantation in fbuz "Volga district medical center" FMBA of Russia // *Medicine of extreme situations*. – 2019; 21(2) – 220.
7. Bulgakova N. N., Volkov E.A., Pozdnyakova T.I. Autofluorescence stomatoscopy as a method of cancer screening of diseases of the oral mucosa. *Russian dental journal*. 2015; 19(1): 27–30.

Изучение эффективности действия капель Плетнева № 5 (препарата № 5) на модели синдрома сухого глаза у кроликов

Плетнев Владимир Владимирович,

кандидат медицинских наук, докторант, старший научный сотрудник ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр кардиологии» Минздрава России
E-mail: pletnevtreatment@mail.ru

На модели синдрома сухого глаза у кроликов показано, что препарат № 5 в дозе 0,05 мл/кг в разведении 1:15 стерильным физиологическим раствором при инстилляциях в оба глаза животным 2 раза в день в течение 30 суток оказывает сильное противовоспалительное, ранозаживляющее и ангиопротекторное действие, положительно влияя на течение репаративного процесса в конъюнктиве, роговице, осложненных состоянием не смыкания век. Установлено также, что препарат № 5 в испытанной дозе способствует стимуляции репаративных процессов в конъюнктиве, роговице, клинически проявляясь в ускорении восстановления дефектов переднего эпителия и стромы роговицы, в уменьшении частоты образования глубоких дефектов роговицы, снижения выраженности воспалительной реакции и васкуляризации. Отмечается замедление формирования помутнения роговицы, уменьшение количества и появление более жидкого слизистого отделяемого конъюнктивы по сравнению с контролем. На основании морфологических исследований показано положительное влияние препарата № 5 в испытанной дозе. Препарат не допускает развития тяжелых изменений и устраняет симптомы со стороны поверхностного эпителия, стромы роговицы, передней и задней камер глаза, сосудистой оболочки и сетчатки при синдроме сухого глаза. Препарат № 5 восстанавливает поверхностный эпителий и бокаловидные клетки конъюнктивы, получившие повреждения в результате развития синдрома сухого глаза.

Ключевые слова: синдром сухого глаза, капли Плетнева № 5, доктор Плетнев.

Введение. Актуальность проблемы связана с высокими показателями распространенности синдрома сухого глаза (ССГ) среди населения. В структуре первичных обращений к офтальмологу ССГ составляет от 35 до 45%. Этот синдром также распространен у пациентов пожилого возраста.

Пациенты с ССГ более подвержены инфекционно-воспалительным заболеваниям переднего отрезка глаза (конъюнктивиты, кератиты) и развитию таких серьезных осложнений, как кератоптоз, язва роговицы, кератомалация и др. Кроме того, эти лица представляют собой группу высокого риска при проведении контактных диагностических офтальмологических процедур (измерение внутриглазного давления, ультразвуковое исследование), ношении контактных линз, выполнении рефракционных (лазерная коррекция зрения) и других офтальмологических операций.

В этой связи является актуальным изучение противовоспалительного, ранозаживляющего и ангиопротекторного действия препарата № 5.

Капли Плетнева № 5 являются комплексным растительным препаратом внутриаптечного изготовления, запатентованным в России (Патент РФ на изобретение № 2578033 от 13.03.2015), для получения которого используются листья березы повислой – *Folia Betulae pendula* Roth., семейство березовые – *Betulaceae* [1; 2; 4; 5].

Целью исследования являлось экспериментальное изучение противовоспалительных, ранозаживляющих и ангиопротекторных свойств капель Плетнева № 5 на модели синдрома сухого глаза у кроликов.

Материалы и методы исследования. Исследование противовоспалительного, ранозаживляющего и ангиопротекторного действия препарата № 5 на модели синдрома сухого глаза кролика проведено в лаборатории пластической хирургии отдела травм и реконструктивной хирургии глаза ФГБУ «НМИЦ глазных болезней им. Гельмгольца» Минздрава России (руководитель отдела д.м.н., проф. Р.А. Гундорова) в соответствии с требованиями Руководства по проведению доклинических исследований лекарственных средств от 2012 года [3].

Исследование проведено на 45 кроликах (90 глаз) породы шиншилла (самцы и самки, масса тела 2,0–2,5 кг). Модель ССГ воспроизводили с подшиванием краев верхнего и нижнего века к коже лобной и щечной областей соответственно, для стойкого несмыкания век.

После создания модели ССГ оценивали общее поведение кроликов, проводили биомикроскопиче-

ские исследования с фоторегистрацией состояния структур аппарата глаза. Наблюдение за состоянием глаз кроликов осуществляли с помощью биомикроскопии щелевой лампой «Karl Zeiss» и «Opton SL-30» (Германия) с флюоресцеиновой пробой и фоторегистрацией цифровой камерой Canon 300D.

Через 5 суток, когда появились резко выраженные признаки развития сухости переднего отдела глаза, хемоз конъюнктивы, выраженная ее гиперемия, кератопатия и нитчатый кератит (в ряде случаев образование серозной дегенерации роговицы и конъюнктивы, полное несмыкание век), было начато лечение в экспериментальной группе препаратом № 5 и в двух группах в качестве референс-препаратов использовали 20% глазной актовегиновый гель (Никомед, Австрия) и стерильный физиологический раствор.

Клиническую оценку состояния глаз животных проводили на 2, 5, 10, 15, 20, 25 и 30 сутки лечения по следующим показателям: степень воспалительной дегенеративной реакции, площадь дефекта эпителия и стромы, интенсивность помутнения роговицы, прокрашивание роговой оболочки флюоресцеином, состояние век и их разведение, сохранение фиксационных швов.

Степень выраженности изменений конъюнктивы и роговицы оценивали по бальной системе [Ченцова Е.В., 1996]. Ширину глазной щели измеряли линейкой. Площадь дефекта стромы роговицы оценивали с помощью биомикроскопии. Дефект стромы по глубине изучали по схеме Венворта [Wenworth J.S., 1993].

Степень глубины проникновения патологического процесса в роговице и эффективность лечения определяли при биомикроскопии. Полученные данные представляли в виде графиков и диаграмм. Площадь окрашивания роговицы флюоресцеином, а также развития эрозии или серозной дегенерации оценивали с помощью калибровочной шкалы, встроенной в окуляр микроскопа [Ченцова Е.В., 1996].

Патогистологическое исследование глаз проводили следующим образом. После фиксации энуклеированного глазного яблока, ножницами через склеру вскрывали задняя камера глаза и удаляли стекловидное тело. Затем каждое глазное яблоко было правильно сориентировано и разделено безопасной бритвой на две части через зрительный нерв и центр оптической зоны роговицы. Парафиновые блоки готовили методом быстрой заливки по Циммерману. Для изучения тканей роговицы использовали метод окраски парафиновых срезов гематоксилином и зозином.

На окрашенных гистологических срезах проводили морфологические исследования на световом микроскопе «Фотомикроскоп-III» (Opton, Германия). Подсчет количества фибробластов и клеток сосудистого инфильтрата проводили в центральной оптической и парацентральной областях роговицы с помощью стандартной сетки на площади 5 мкм² в 20 полях. Измерение толщины роговицы осуществляли в центральной области роговицы

на 5 точках, расположенных на одинаковом расстоянии друг от друга и вычисляли среднее значение.

Съемку на цифровую камеру и морфологическую обработку изображений для биомикроскопического исследования производили с помощью аппаратно-программного комплекса автоматической морфоденситометрии «ДиаМорф Объектив» (компания ДиаМорф).

Результаты и обсуждение. Исследования проведены на 3-х группах кроликов шиншилла (45 животных (90 глаз), самцы и самки, масса тела 2,0–2,5 кг) по 15 животных (30 глаз) в каждой: 1 группа – контроль, стерильный физиологический раствор (СФР); 2 группа – препарат сравнения 20% глазной актовегиновый гель (АГ) (Никомед, Австрия); 3 группа – препарат № 5. Препарат № 5 в дозе 0,05 мл/кг в разведении 1:15 СФР инстиллировали животным в оба глаза 2 раза в день в течение 30 суток. По 1 капле АГ из тубы закладывали животным в оба глаза 2 раза в день в течение 30 суток. В оба глаз контрольных животных инстиллировали СФР 2 раза в день в течение 30 суток.

Предварительными исследованиями на интактных кроликах было установлено, что при введении препарата № 5 в глаза животных признаков токсико-аллергической реакции (дерматит век, реакция конъюнктивы, аллергические инфильтраты в лимбе или роговице) не наблюдается. Критериями оценки действия препарата служили: напряжение швов, фиксирующих расхождение век, состояние конъюнктивы и ее отделяемого, характеристика поверхностного слоя (с прокрашиванием флюоресцеином) и глубоких слоев роговицы.

На основании динамического наблюдения можно отметить, что в течение первых 5 суток эксперимента после создания модели ССГ у всех 45 кроликов контрольной и опытных групп, наблюдалась примерно одинаковая картина состояния век и их разведения, реакции конъюнктивы, стромы роговицы, ее поверхности с окрашиванием роговой оболочки флюоресцеином, отделяемому слизистой оболочки.

Тяжесть состояния усиливалась аутоотравматизацией придаточного аппарата глаза и самого глаза кроликов, от раздражающих его век и слизистой. В группе с препаратом № 5 веки разведены полностью (4 балла) и начинают деформироваться (3 балла). На конъюнктиве наблюдается ишемия по лимбу, сама ткань рыхлая (3 балла) и воспалительная реакция отсутствует (0 баллов). Выявлено обильное количество разного по консистенции отделяемого.

Состояние роговицы у разных кроликов неоднозначно, наблюдается как спокойное состояние без окрашивания эпителия, так и отмечается прокрашка поверхности эпителия и склонного к подвижности, много окрашиваемой слизи на поверхности роговицы, состояние повышенной кератопатии (2 балла).

Таким образом, выявленные изменения со стороны положения век, отсутствие их смыкания, со-

стояние конъюнктивы в виде застойных явлений, обильное количество разного по консистенции отделяемого, начальная кератопатия и формирование серозной дегенерации, появление абсцесса роговицы и формирование язвенного очага свидетельствует о возможности использования данной экспериментальной модели ССГ для изучения влияния препарата № 5 и АГ на патологический процесс.

2-е сутки лечения. В группе контроля – на 2 сутки инстилляций СФР конъюнктура выражено гиперемированная. В случаях, когда конъюнктура внешне была более спокойная, она была с суженными сосудами и бледной тканью. Отделяемое чаще комбинированное: сухое и влажное (2–3 балла), чисто влажное не более 1 балла.

На роговице – в центральной зоне наблюдается буллезная кератопатия в виде капли от 1 до 3 мм и флюоресцеиновая проба в 2 балла. Отмечено отсутствие изменений поверхностного слоя роговицы, но начинает страдать строма (1–3 балла) в верхних квадрантах без прокрашки флюоресцеином. В 2 случаях, когда изменение стромы роговицы оценивалось в 3 балла, появились явления эндофтальмита.

В группе с АГ на фоне гиперемии (3 балла) с неровной структурой ткани снижалась отечность конъюнктивы и в отдельных случаях наблюдалось восстановление ее нормального цвета.

Отмечалось более влажное и равномерное отделяемое, сухая его часть уменьшалась в объеме и уплотнялась.

Роговица – состояние спокойное, на поверхности остаточные явления мазеподобной слизи и прокрашка флюоресцеином не выявляется (1 балл), наблюдалась эпителизация, размер очагов не уменьшился. Сохраняется кератопатия около уплощаемой серозной дегенерации, которая уже не прокрашивается и строма роговицы теряет характерную опалесценцию, буллезная кератопатия разрешилась, сохраняется десцеметит (или кератопатия роговицы – общее название группы хронических патологий роговой оболочки глаз, которые проявляются в ее помутнении и уменьшении остроты зрения вследствие нарушения целостности слоев роговицы), в очаге «бублика» образовалась серозная дегенерация около 2 мм. В зоне абсцедирования определяется гиперплазия слизистой поверхности, очаг контурирует.

Серозная дегенерация трансформируется с удлинением очага и формированием вокруг него кератопатией (3 балла), флюоресцеин прокрашивает только сам измененный участок и слизь вокруг него (2 балла).

В группе с препаратом № 5 наблюдается выраженная деформация век, в $\frac{2}{3}$ случаях изменение тканей век различной интенсивности, более выраженное у верхних век. Отмечается гиперемия конъюнктивы, местами она становится рыхлой и отечной с узелковой деформацией в зоне фактически выворота, количество отделяемого составляет 3 балла. Структура отделяемого – от сухой

корочки до обильного слизистого. В тех случаях, где конъюнктура не повреждена отделяемого нет.

Отмечаются роговицы с дефектом поверхностного эпителия и развитием кератопатии (1 балл), флюоресцеиновая проба (2 балла). В других случаях роговица спокойная и флюоресцеиновая проба (1 балл), легко перемещается по поверхности. На 6 глазах сохраняется кератопатия (2 балла) и флюоресцеиновая проба (2 балла), уже определяется прокрашка самой ткани роговицы.

Конъюнктура в опытной группе под влиянием препарата № 5 менее раздражена.

Поверхность роговой оболочки не прокрашивается при назначении препарата № 5 у 53,6% глаз, малая доля в 2,9% случаев отмечена при закапывании СФР, окрашивание флюоресцеином в 1 балл определялось практически одинаково во всех группах. Однако, в группе с препаратом № 5 окрашивание в 2 балла отмечалось в 1,2% случаев, тогда как в группах с СФР и АГ в 22,9% и 35,8% случаев соответственно.

Полная прозрачность роговицы наблюдалась в 72,6% случаев в группе с препаратом № 5, в группах с СФР и АГ, соответственно в 27,8% и 45,7% случаев.

Первые инстилляции СФР, АГ и препарата № 5 на поверхность глаза показали преимущество препарата № 5: увеличение количества отделяемого, меньше раздражения конъюнктивы и прокрашивания поверхности роговицы, отсутствие патологических изменений стромы роговицы. Во всех группах преобладает обильное слизистое отделяемое.

Таким образом, введение препарата № 5 в дозе 0,05 мл/кг в разведении 1:15 СФР в конъюнктивальную полость обоих глаз 2 раза в день в течение 2 суток уже оказывает положительное влияние, в основном строма сохраняется прозрачной.

Введение актовегинового геля не оказывает фармакологического действия, размеры серозной дегенерации роговицы не уменьшаются.

30-е сутки лечения. В группах с СФР, АГ и препаратом № 5 отделяемое отсутствовало у 8,0%, 54,0% и 80,5% глаз соответственно.

Полностью прозрачная строма роговицы отмечена в группе с препаратом № 5, в то время как в группах с СФР и АГ она составляла от 1 до 3 баллов.

Серозная дегенерация роговицы остается в группе с СФР, где продолжает сохраняться распространенная кератопатия.

В группе с препаратом № 5 просматривается стабильный период состояния всех параметров исследования: почти отсутствует слизистое отделяемое, одновременно с этим снизилась опалесценция роговицы.

Морфологические исследования на 30 сутки лечения препаратами ССГ у кроликов подтверждают результаты, полученные при клиническом наблюдении.

Заключение. На модели синдрома сухого глаза у кроликов показано, что препарат № 5 в дозе

0,05 мл/кг в разведении 1:15 СФР при инстилляциях в оба глаза животным 2 раза в день в течение 30 суток оказывает сильное противовоспалительное, ранозаживляющее и ангиопротекторное действие, положительно влияя на течение репаративного процесса в конъюнктиве, роговице, осложненных состоянием не смыкания век.

Установлено также, что препарат № 5 в испытанной дозе способствует стимуляции репаративных процессов в конъюнктиве, роговице, клинически проявляясь в ускорении восстановления дефектов переднего эпителия и стромы роговицы, в уменьшении частоты образования глубоких дефектов роговицы, снижения выраженности воспалительной реакции и васкуляризации. Отмечается замедление формирования помутнения роговицы, уменьшение количества и появление более жидкого слизистого отделяемого конъюнктивы по сравнению с контролем.

На основании морфологических исследований показано положительное влияние препарата № 5 в испытанной дозе. Препарат не допускает развития тяжелых изменений и устраняет симптомы со стороны поверхностного эпителия, стромы роговицы, передней и задней камер глаза, сосудистой оболочки и сетчатки при ССГ. Препарат № 5 восстанавливает поверхностный эпителий и бокаловидные клетки конъюнктивы, получившие повреждение в результате развития ССГ.

В результате проведенных сравнительных исследований на модели ССГ установлено также, что 20% актовегиновый глазной гель при закладывании по 1 капле из тубы животным в оба глаза 2 раза в день в течение 30 суток не обеспечивает должной защиты, как поверхностных, так и глубоких структур глазного яблока при отсутствии смыкания глазной щели из-за воспалительного процесса. Поражение поверхностного эпителия роговицы связано с исчезновением бокаловидных клеток роговицы в количестве не достаточном для нормального выделения слезы на поверхность глаза. Возникший при этом воспалительный процесс затрагивает почти все структуры глазного яблока, что свидетельствует об отсутствии терапевтического эффекта актовегинового геля для устранения вызванных повреждений.

Литература

1. Гончарова, Т.А. Энциклопедия лекарственных растений: в 2 т. – М.: Изд-во Дом МСП, 2004. – Т. 1. – С. 159–161.

2. Мазнев, Н.И. Лекарственные растения. – М.: ООО ИКТЦ «ЛАДА», 2006. – С. 218–230.
3. Миронов, А.Н., Бунатян, Н.Д. и др. Руководство по проведению доклинических исследований лекарственных средств. – М.: Гриф и К. – 2012. – 944 с
4. Муравьева, Д.А., Самылина, И.А., Яковлев Г.П. Фармакогнозия. – М.: Медицина, 2002 – С. 246.
5. Путырский, И.Н., Прохоров, В.Н. Лекарственные растения. Энциклопедия / И.Н. Путырский, В.Н. Прохоров. – Мн.: Книжный дом, 2003. – С. 77–81.

STUDY OF THE EFFECTIVENESS OF PLETNEV DROPS NO. 5 (DRUG NO. 5) ON A MODEL OF DRY EYE SYNDROME IN RABBITS

Pletnev V.V.

National medical research center of cardiology of the Ministry of health of the Russian Federation

On the model of dry eye syndrome in rabbits, it is shown that the drug No. 5 at a dose of 0.05 ml/kg in 1:15 dilution with sterile saline solution when instilled into both eyes of animals 2 times a day for 30 days has a strong anti-inflammatory, wound-healing and angioprotective effects, positively affecting the course of the reparative process in the conjunctiva, cornea, complicated by the condition of non-closing of the eyelids. It was also found that the drug No. 5 in the tested dose promotes the stimulation of reparative processes in the conjunctiva, cornea, clinically manifesting itself in accelerating the recovery of defects in the anterior epithelium and corneal stroma, in reducing the frequency of formation of deep corneal defects, reducing the severity of inflammatory response and vascularization. There is a slowdown in the formation of corneal opacities, a decrease in the amount and appearance of a more liquid mucous discharge of the conjunctiva compared to the control. Based on morphological studies, the positive effect of the drug No. 5 in the tested dose is shown. The drug does not allow the development of severe changes and eliminates symptoms from the surface epithelium, corneal stroma, anterior and posterior chambers of the eye, vasculature and retina in dry eye syndrome. Drug No. 5 restores the surface epithelium and goblet cells of the conjunctiva, damaged as a result of the development of dry eye syndrome.

Keywords: dry eye syndrome, Pletnev drops No. 5, doctor Pletnev.

References

1. Goncharova, T.A. Encyclopedia of medicinal plants: in 2 vols. – Moscow: publishing House of MSP, 2004. – Vol. 1. – P. 159–161.
2. Maznev, N.I. Medicinal plants. – Moscow: LLC ICTC “LADA”, 2006. – Pp. 218–230.
3. Mironov, A.N., Bunatyan, N.D., and others. Guidelines for conducting preclinical research of medicinal products. – M.: Grif and K.-2012. – 944 p.
4. Muraveva, D.A., Samyilina, I.A., Yakovlev, G.P. Pharmacognosy. – Moscow: Meditsina, 2002. P. 246.
5. Putyrsky, I.N., Prokhorov, V.N. Medicinal plants. Encyclopedia / I.N. Putyrsky, V.N. Prokhorov. – Mn.: Book house, 2003. – P. 77–81.

Потребности в восполнении энергозатрат у пациентов после перенесенного инсульта

Залетова Татьяна Сергеевна,

научный сотрудник отделения персонализированной терапии и диетологии, ФИЦ питания и биотехнологии
E-mail: Tatyana.zaletova@ya.ru

Диетическое сопровождение может дополнять реабилитацию после инсульта и улучшать результаты восстановления. Потребность в энергии должна рассчитываться для каждого пациента, перенесшего инсульт, с учетом возраста, пола и ИМТ, чтобы обеспечить соответствие энергозатратам. Однако, остается открытым вопрос по оптимальной калорийности рациона таких пациентов. В статье описаны существующие данные об энергозатратах покоя пациентов с перенесенным инсультом.

Ключевые слова: инсульт, реабилитация, питание, энергозатраты покоя, саркопения.

Ежегодная смертность от инсульта в России – одна из наиболее высоких в мире (175 случаев на 100 тыс. населения в год). Доля острых нарушений мозгового кровообращения в структуре общей смертности в нашей стране составляет 21,4%. Ранняя 30-дневная летальность после инсульта составляет 34,6%, а в течение года умирают около 50% больных, т.е. каждый второй заболевший. Инвалидизация после перенесенного инсульта достигает 3,2 на 10 тыс. населения, занимая первое место среди всех причин первичной инвалидизации, т.е. из выживших лишь 20% в состоянии вернуться к прежней работе [1].

Хорошо известно, что правильное питание, регулярная физическая активность, отказ от курения и нормализация массы тела являются важными факторами снижения риска сердечно-сосудистых заболеваний, а также предикторами эффективной реабилитации данной группы пациентов [2]. Независимо от уровня восстановления, продукты питания должны обеспечивать поступление энергии, пластического материала (белков), минералов и витаминов. Эти компоненты можно также давать в виде энтерального питания и пероральных пищевых добавок [3]. При этом существуют убедительные доказательства того, что питание большей части пациентов, перенесших инсульт, не соответствует предполагаемой потребности в энергии как в больнице, так и после выписки [4].

Большинство пациентов, перенесших инсульт, подвержены ухудшению условий питания и значительной потере тканей тела [5, 6]. Исследования, оценивающие состояние питания выживших после инсульта при выписке, сообщали о частоте недоедания в диапазоне от 6,1% до 49% [7, 8, 9]. Кроме того, пожилые более склонны к дефициту питательных веществ из-за изменений в эффективности физиологических функций, наличия хронических заболеваний и социальной изоляции [10, 11]. На этапе реабилитации пациенты, испытывающие нарушение контроля равновесия или движения, показывают более высокие энергозатраты [12]. Также наблюдается увеличение расхода энергозатрат покоя у пациентов с инсультом, особенно у пациентов с субарахноидальным кровоизлиянием [13].

Ранее проведенные исследования показывают противоречивые данные. Например, исследования на грызунах показывали положительную взаимос-

вязь между интервальным голоданием или снижением потребления энергии с пищей и предотвращением неврологического повреждения от ишемического инсульта и улучшения восстановления [14]. У крыс с ограниченным количеством калорий потеря веса была связана с улучшением поведенческого восстановления и пространственной памяти [15]. Противоположные данные свидетельствуют о том, что отрицательный энергетический баланс и потеря веса связаны с плохим восстановлением функции у пациентов с цереброваскулярными нарушениями [16]. Согласно клиническим данным, добавка калорий может помочь пациентам, перенесшим инсульт, благодаря предотвращению отрицательного энергетического баланса из-за более высокого расхода энергии. Диетическое вмешательство может дополнять реабилитацию после инсульта и улучшать результаты восстановления.

Вопрос о том, меняет ли инсульт расход энергии покоя (ЭП) пациента по-прежнему является спорным. В исследовании 91 пациента с инсультом Finestone et al. было обнаружено, что у пациентов, перенесших инсульт, ЭП не отличались от контрольных, и что не было никакой связи между характеристиками инсульта и ЭП [17]. Одним из недостатков этого исследования было то, что, хотя ЭП измеряли для пациентов, перенесших инсульт, во многих временных точках, контрольные пациенты проводили только одно измерение. В исследовании 95 пациентов Kawakami et al. также обнаружили, что не было никаких существенных различий в ЭП у пациентов с инсультом по сравнению с контролем (ЭП пациентов с инсультом в среднем составляли 1271 ± 284 ккал / день, в то время как в группе контроля – 1128 ± 231 ккал / день, $p = 0,18$). Однако, было обнаружено, что наличие инсульта в левом полушарии отрицательно коррелировало с ЭП, что позволило вынести гипотезу от том, что это может быть результатом доминантной дисфункции рук и ассоциации повреждения левого полушария и депрессии [18].

В исследовании 67 пациентов Леоне и Пенчарц обнаружили, что среднее значение ЭП у 10 пациентов с инсультом при энтеральном питании было значительно ниже, чем у 57 контрольных пациентов ($p < 0,02$). Тем не менее, здесь также небольшой размер выборки [19]. Исследование Nagano et al., где измеряли ЭП методом непрямой калориметрии у 12 пациентов, перенесших эндоваскулярное вмешательство при разорвавшейся аневризме, связанной с субарахноидальным кровоизлиянием (САК), и у 30 пациентов с острым инфарктом головного мозга (ОИГМ) показало, что потребности в ЭП группы САК были статистически значимо повышены на 12% по сравнению с прогнозируемым значением по уравнению Харриса – Бенедикта ($p < 0,05$), что позволяет предположить, что процесс заболевания или хирургическое вмешательство могли быть причиной этого увеличения [13]. Понимание роли инсульта во влиянии на энерготраты покоя жизненно важно для обеспечения

того, чтобы пациент после инсульта получал адекватное питание.

В дополнение к вопросу о ЭП у пациентов с инсультом, исследователи стремились количественно оценить расход энергии у пациентов с инсультом при выполнении определенных двигательных задач. Houdijk et al. обнаружили, что у 10 пациентов, перенесших инсульт, было в среднем на 125% больше расхода энергии, чем у 12 контрольных в различных задачах с постоянным балансом ($p < 0,05$), вероятно, из-за влияния перенесенного инсульта на вестибулярную функцию и фокусировку, необходимую для преодоления этих дефицитов [20]. Кроме того, Serra et al. обнаружили, что пациенты, перенесшие инсульт, потребляли более высокие уровни кислорода во время физической активности, такой как шаг на месте, ходьба по земле и ходьба по беговой дорожке по сравнению с потреблением кислорода в покое по сравнению со здоровой группой контроля ($p < 0,05$) [12].

Выжившие после инсульта часто сталкиваются с атрофией мышц из-за физической нетрудоспособности, временной или постоянной, а также с постоянной потерей мышечной массы из-за старения. Саркопения ослабляет мышечную силу и физическую работоспособность, сильно влияя на повседневную деятельность, восстановление после инсульта и метаболические потребности [21]. Исследования показали противоречивые данные и о влиянии мышечной атрофии на ЭП. Serra, Hafer-Macko и Ryan оценили уровень метаболизма в покое и состав тела выживших после инсульта с хроническим гемипарезом ($n = 39$, средний возраст 61 ± 1 год) непрямой калориметрией и рентгеновской денситометрией (РД) соответственно. Измеренные ЭП сравнивали с предсказанными значениями ЭП, полученными с помощью уравнения Миффлина – Сент-Джора. Значения ЭП выживших после инсульта с хроническим гемипарезом ($n = 39$, средний возраст 61 ± 1 год) были на 14% ниже, чем прогнозируемые значения. В то время как возраст субъекта или латентность от инсульта не были связаны с ЭП [22].

Таким образом, учитывая отсутствие однозначных данных и крупных исследований, потребности в энергии должны рассчитываться индивидуально для каждого пациента, перенесшего инсульт, с учетом возраста, пола и ИМТ.

Литература

1. Клинические рекомендации по ведению больных с ишемическим инсультом и транзиторными ишемическими атаками. Национальная ассоциация по борьбе с инсультом. Москва 2017. <https://neuroreab.ru/wp-content/uploads/2020/01/klinicheskie-rekomendaczii-po-vedeniyu-bolnyhs-ishemicheskim-insultom-i-tranzitornymi-ishemicheskimi-atakami.pdf> (28.04.2020)
2. Spatz ES, Jiang X, Lu J, et al. Qingdao Port Cardiovascular Health Study: a prospective cohort

- studyBMJ Open 2015;5: e008403. doi: 10.1136/bmjopen-2015-008403
3. Ojo O. The use of oral nutritional supplements in the acute care setting. *Br.J. Nurs.* 2016; 25:664–666. doi: 10.12968/bjon.2016.25.12.664
 4. Nip W.F.R., Perry L., McLaren S., et al. Dietary intake, nutritional status and rehabilitation outcomes of stroke patients in hospital. *J. Hum. Nutr. Diet.* 2011;24:460–469. doi: 10.1111/j.1365-277X.2011.01173.x.
 5. Christine Baldwin, Katherine L Kimber, Michelle Gibbs et al. Supportive interventions for enhancing dietary intake in malnourished or nutritionally at-risk adults. *Cochrane Database Syst Rev.* 2016 Dec; 2016(12): doi: 10.1002/14651858.CD009840.pub2
 6. Finestone H.M., Greene-Finestone L.S., Wilson E.S., et al. Prolonged length of stay and reduced functional improvement rate in malnourished stroke rehabilitation patients. *Arch. Phys. Med. Rehabil.* 1996;77:340–345. doi: 10.1016/S0003-9993(96)90081-7.
 7. Daniela Talhada, Cecilia Reis Alves Santos, Isabel Gonçalves et al. Thyroid Hormones in the Brain and Their Impact in Recovery Mechanisms After Stroke. *Front Neurol.* 2019; 10: 1103. doi: 10.3389/fneur.2019.01103
 8. Aquilani R., Galli M., Guarnaschelli C., et al. Prevalence of malnutrition and inadequate food intake in self-feeding rehabilitation patients with stroke. *Eur. J. Phys. Rehabil. Med.* 1999;35:75.
 9. Toni Sabbouh, Michel T Torbey. Malnutrition in Stroke Patients: Risk Factors, Assessment, and Management. *Neurocrit Care.* 2018 Dec; 29(3): 374–384. doi: 10.1007/s12028-017-0436-1
 10. Brownie S. Why are elderly individuals at risk of nutritional deficiency? *Int. J. Nurs. Pract.* 2006;12:110–118. doi: 10.1111/j.1440-172X.2006.00557.x.
 11. Volkert D., Saeglit C., Gueldenzoph H., et al. Undiagnosed malnutrition and nutrition-related problems in geriatric patients. *J. Nutr. Health Aging.* 2010;14:387–392. doi: 10.1007/s12603-010-0085-y.
 12. Serra M.C., Treuth M.S., Hafer-Macko C.E., et al. Increased Energy Cost of Mobility in Chronic Stroke. *J. Gerontol. Geriatr Res.* 2016;5:356. doi: 10.4172/2167-7182.1000356.
 13. Nagano A., Yamada Y., Miyake H., et al. Increased Resting Energy Expenditure after Endovascular Coiling for Subarachnoid Hemorrhage. *J. Stroke Cerebrovasc. Dis.* 2016;25:813–818. doi: 10.1016/j.jstrokecerebrovasdis.2015.12.008.
 14. Arumugam T.V., Phillips T.M., Cheng A., et al. Age and energy intake interact to modify cell stress pathways and stroke outcome. *Ann. Neurol.* 2010;67:41–52. doi: 10.1002/ana.21798
 15. Ciobanu O., Elena Sandu R., Tudor Balseanu A., et al. Caloric restriction stabilizes body weight and accelerates behavioral recovery in aged rats after focal ischemia. *Aging Cell.* 2017;16:1394–1403. doi: 10.1111/acel.12678
 16. Nii M., Maeda K., Wakabayashi H., et al. Nutritional Improvement and Energy Intake Are Associated with Functional Recovery in Patients after Cerebrovascular Disorders. *J. Stroke Cerebrovasc. Dis.* 2016;25:57–62. doi: 10.1016/j.jstrokecerebrovasdis.2015.08.033.
 17. Finestone H.M., Greene-Finestone L.S., Foley N.C., et al. Measuring Longitudinally the Metabolic Demands of Stroke Patients: Resting Energy Expenditure Is Not Elevated. *Stroke.* 2003;34:502–507. doi: 10.1161/01.STR.0000053031.12332.FB.
 18. Kawakami M., Liu M., Wada A., et al. Resting Energy Expenditure in Patients with Stroke during the Subacute Phases-Relationships with Stroke Types, Location, Severity of Paresis, and Activities of Daily Living. *Cerebrovasc. Dis.* 2015;39:170–175. doi: 10.1159/000375155.
 19. Leone A., Pencharz P.B. Resting energy expenditure in stroke patients who are dependent on tube feeding: A pilot study. *Clin. Nutr.* 2010;29:370–372. doi: 10.1016/j.clnu.2009.10.006.
 20. Houdijk H., ter Hoeve N., Nooijen C., et al. Energy expenditure of stroke patients during postural control tasks. *Gait Posture.* 2010;32:321–326. doi: 10.1016/j.gaitpost.2010.05.016
 21. Sisto I.R., Hauck M., Plentz R.D.M. Muscular Atrophy in Cardiovascular Disease. *Adv. Exp. Med. Biol.* 2018;1088:369–391.
 22. Serra M.C., Hafer-Macko C.E., Ryan A.S. Reduced Resting Metabolic Rate in Adults with Hemiparetic Chronic Stroke. *J. Neurol. Neurophysiol.* 2015;6:1000341. doi: 10.4172/2155-9562.1000341.

NEEDS TO REPLENISH ENERGY CONSUMPTION IN PATIENTS AFTER A STROKE

Zaletova T.S.

Federal research centre of nutrition, biotechnology and food safety

Dietary support can complement rehabilitation after a stroke and improve recovery results. Energy needs should be calculated for each stroke patient, taking into account age, gender and BMI, to ensure compliance with energy consumption. However, the question remains of the optimal caloric intake of such patients. The article describes the existing data on the resting energy expenditure of patients with stroke.

Keywords: stroke, rehabilitation, nutrition, basal metabolism, sarcopenia.

References

1. Clinical recommendations for the management of patients with ischemic stroke and transient ischemic attacks. National Stroke Association. Moscow 2017. <https://neuroreab.ru/wp-content/uploads/2020/01/klinicheskie-rekomendaczii-po-vedeniyu-bolnyh-s-ishemicheskim-insultom-i-tranzitornymi-ishemicheskimi-atakami.pdf> (04.04.2020).
2. Spatz ES, Jiang X, Lu J, et al. Qingdao Port Cardiovascular Health Study: a prospective cohort studyBMJ Open 2015;5: e008403. doi: 10.1136/bmjopen-2015-008403
3. Ojo O. The use of oral nutritional supplements in the acute care setting. *Br.J. Nurs.* 2016; 25:664–666. doi: 10.12968/bjon.2016.25.12.664
4. Nip W.F.R., Perry L., McLaren S., et al. Dietary intake, nutritional status and rehabilitation outcomes of stroke patients in hospital. *J. Hum. Nutr. Diet.* 2011;24:460–469. doi: 10.1111/j.1365-277X.2011.01173.x.
5. Christine Baldwin, Katherine L Kimber, Michelle Gibbs et al. Supportive interventions for enhancing dietary intake in malnourished or nutritionally at-risk adults. *Cochrane Database Syst*

- Rev. 2016 Dec; 2016(12): doi: 10.1002/14651858.CD009840.pub2
6. Finestone H.M., Greene-Finestone L.S., Wilson E.S., et al. Prolonged length of stay and reduced functional improvement rate in malnourished stroke rehabilitation patients. *Arch. Phys. Med. Rehabil.* 1996;77:340–345. doi: 10.1016/S0003-9993(96)90081-7.
 7. Daniela Talhada, Cecília Reis Alves Santos, Isabel Gonçalves et al. Thyroid Hormones in the Brain and Their Impact in Recovery Mechanisms After Stroke. *Front Neurol.* 2019; 10: 1103. doi: 10.3389/fneur.2019.01103
 8. Aquilani R., Galli M., Guarnaschelli C., et al. Prevalence of malnutrition and inadequate food intake in self-feeding rehabilitation patients with stroke. *Eur. J. Phys. Rehabil. Med.* 1999;35:75.
 9. Toni Sabbouh, Michel T Torbey. Malnutrition in Stroke Patients: Risk Factors, Assessment, and Management. *Neurocrit Care.* 2018 Dec; 29(3): 374–384. doi: 10.1007/s12028-017-0436-1
 10. Brownie S. Why are elderly individuals at risk of nutritional deficiency? *Int. J. Nurs. Pract.* 2006;12:110–118. doi: 10.1111/j.1440-172X.2006.00557.x.
 11. Volkert D., Saeglitz C., Gueldenzoph H., et al. Undiagnosed malnutrition and nutrition-related problems in geriatric patients. *J. Nutr. Health Aging.* 2010;14:387–392. doi: 10.1007/s12603-010-0085-y.
 12. Serra M.C., Treuth M.S., Hafer-Macko C.E., et al. Increased Energy Cost of Mobility in Chronic Stroke. *J. Gerontol. Geriatr Res.* 2016;5:356. doi: 10.4172/2167-7182.1000356.
 13. Nagano A., Yamada Y., Miyake H., et al. Increased Resting Energy Expenditure after Endovascular Coiling for Subarachnoid Hemorrhage. *J. Stroke Cerebrovasc. Dis.* 2016;25:813–818. doi: 10.1016/j.jstrokecerebrovasdis.2015.12.008.
 14. Arumugam T.V., Phillips T.M., Cheng A., et al. Age and energy intake interact to modify cell stress pathways and stroke outcome. *Ann. Neurol.* 2010;67:41–52. doi: 10.1002/ana.21798
 15. Ciobanu O., Elena Sandu R., Tudor Balseanu A., et al. Caloric restriction stabilizes body weight and accelerates behavioral recovery in aged rats after focal ischemia. *Aging Cell.* 2017;16:1394–1403. doi: 10.1111/ace1.12678
 16. Nii M., Maeda K., Wakabayashi H., et al. Nutritional Improvement and Energy Intake Are Associated with Functional Recovery in Patients after Cerebrovascular Disorders. *J. Stroke Cerebrovasc. Dis.* 2016;25:57–62. doi: 10.1016/j.jstrokecerebrovasdis.2015.08.033.
 17. Finestone H.M., Greene-Finestone L.S., Foley N.C., et al. Measuring Longitudinally the Metabolic Demands of Stroke Patients: Resting Energy Expenditure Is Not Elevated. *Stroke.* 2003;34:502–507. doi: 10.1161/01.STR.0000053031.12332.FB.
 18. Kawakami M., Liu M., Wada A., et al. Resting Energy Expenditure in Patients with Stroke during the Subacute Phases – Relationships with Stroke Types, Location, Severity of Paresis, and Activities of Daily Living. *Cerebrovasc. Dis.* 2015;39:170–175. doi: 10.1159/000375155.
 19. Leone A., Pencharz P.B. Resting energy expenditure in stroke patients who are dependent on tube feeding: A pilot study. *Clin. Nutr.* 2010;29:370–372. doi: 10.1016/j.clnu.2009.10.006.
 20. Houdijk H., ter Hoeve N., Nooijen C., et al. Energy expenditure of stroke patients during postural control tasks. *Gait Posture.* 2010;32:321–326. doi: 10.1016/j.gaitpost.2010.05.016
 21. Sisto I.R., Hauck M., Plentz R.D.M. Muscular Atrophy in Cardiovascular Disease. *Adv. Exp. Med. Biol.* 2018;1088:369–391.
 22. Serra M.C., Hafer-Macko C.E., Ryan A.S. Reduced Resting Metabolic Rate in Adults with Hemiparetic Chronic Stroke. *J. Neurol. Neurophysiol.* 2015;6:1000341. doi: 10.4172/2155-9562.1000341.

Механизмы развития студенческого спортивного туризма в Российской Федерации

Кутын Илья Викторович,

к.п.н., доцент Института туризма и гостеприимства,
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет
туризма и сервиса»
E-mail: ilya-kutin@yandex.ru

Андропова Елена Михайловна,

ст. преподаватель кафедры «Рекреации и спортивно-оздоровительного туризма», ФГБОУ ВО «Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодежи и туризма» (ГЦОЛИФК)
E-mail: andropova007@yandex.ru

Романенков Алексей Игоревич,

доцент кафедры «Защита в чрезвычайных ситуациях»,
ФГБОУ ВО Российский государственный аграрный
университет – МСХА имени К.А. Тимирязева
E-mail: svetalom@rambler.ru

Голушко Татьяна Викторовна,

к.псих.н., доцент кафедры «Физического воспитания и здоровья»,
Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ (РАНХиГС)
E-mail: golushko-tv@ranepa.ru

Колганова Елизавета Юрьевна,

к.п.н., доцент кафедры «Физического воспитания и здоровья»,
Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ (РАНХиГС)
E-mail: kolganova9@yandex.ru

В статье предпринята попытка определения механизмов развития студенческого спортивного туризма в РФ. Спортивный студенческий туризм является уникальной комплексной технологией нравственного и физического воспитания молодежи, оздоровления населения, требующей минимальных государственных вложений со стороны государства и самого туриста. Высокая эффективность данной технологии определяется тем, что спортивный студенческий туризм развивает наиболее значимые качества личности студенческой молодежи, важные для него и современной России, имеет военно-прикладное значение для вузовской молодежи.

Дальнейшее формирование идеологии развития спортивного туризма целесообразно структурировать в виде перечня основных целей, проблем и особенностей движения, условно разделить их на базовые, внешние и внутренние. Их решение сегодня и в будущем будет в итоге реализацией идеологии развития спортивного студенческого туризма. На сегодня необходимо принятие следующих стратегических решений в рамках данной идеологии: при региональных студенческих общественных образованиях по спортивному туризму активизировать работу по созданию студенческих лиг и вузовских турклубов; организовать учебную и научно-методическую работу по студенческому и спортивно-оздоровительному туризму в вузах РФ; развивать Лигу студенческого спортивного туризма России [4, 9].

Ключевые слова: студенческий спортивный туризм, студенты, турклуб, федерация спортивного туризма, студенческий спорт, туристские дестинации, туристская отрасль.

Спортивный туризм – это общенациональный вид спорта в России, отражающий традиции нашего народа. Спортивным туризмом в России занимаются около 3 млн человек.

Федерация спортивного туризма России (рис. 1) объединяет 72 региональные федерации и отделения субъектов Российской Федерации. Вид спорта «Спортивный туризм» включен во Всероссийский реестр видов спорта под номером 0840005411Я.

Федерация спортивного туризма России

Рис. 1. Официальный логотип Федерации спортивного туризма России

В соответствии с приказом Министерства спорта РФ (далее – Минспорта) от 19 марта 2018 г. Федерация спортивного туризма России прошла государственную аккредитацию по виду спорта «спортивный туризм» до 31 марта 2022 года и включена в реестр общероссийских спортивных федераций.

Главным механизмом регулирования как всей туристской отрасли в целом, так и спортивного туризма в частности является реализация мер по поддержке программ и проектов развития туризма в Российской Федерации, в том числе мер по развитию специальной спортивной туристской инфраструктуры, мер по повышению инвестиционной привлекательности спортивной туристской индустрии на территории Российской Федерации в том числе реализация мер по развитию системы продвижения спортивной туристской отрасли на внутренний и внешний рынки [7].

Особую тревогу вызывает малая численность разрядников и спортсменов, имеющих спортивные звания (табл. 1). Тревожным фактором является нестабильность выполнения спортивных разрядов высокого уровня.

В данном исследовании была предпринята попытка создания наиболее эффективной структуры взаимодействия ФСТР с федеральными министерствами и федеральными агентствами для создания эффективной базы (в том числе нормативно-правовой) для развития студенческого спортивного туризма (рис. 2).

Таблица 1. Численность разрядников и спортсменов, имеющих спортивные звания за период 2016–2019 гг.

Численность разрядников и спортсменов, имеющих спортивные звания	Массовые разряды	Первый разряд	КМС	МС	ЗМС
2016	2632	127	110	19	0
2017	2891	153	101	27	0
2018	2507	117	62	25	0
2019	2909	154	108	37	0

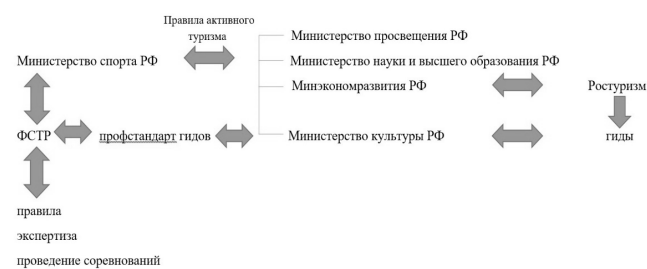

Рис. 2. Структура взаимодействия ФСТР с федеральными министерствами и федеральными агентствами

Сочетание эффективной структуры взаимодействия ФСТР с федеральными министерствами и федеральными агентствами есть ключ к формированию полноценного движения.

Гармоничность функционирования данной структуры может быть обеспечена выполнением ряда условий и принципов, а именно:

- тесная взаимосвязь структуры взаимодействия ФСТР с федеральными министерствами и федеральными агентствами и отсутствие разрывов и не охваченных зон с точки зрения управления, контроля и единства системы проведения мероприятий;
- наличие широкой номенклатуры знаков отличия и званий;
- единых нормативных требований, и т.д.

В настоящее время в сфере спортивного студенческого туризма накопилось значительное количество проблем. С точки зрения идеологии спортивного студенческого туризма необходимо отметить следующие основные ориентиры, проблемы и цели:

- заметно ухудшилось состояние дел по части проведения учебных мероприятий по подготовке всей номенклатуры кадров от туристского организатора до инструкторов и гидов-проводников высшего уровня;
- имеет место высокий уровень ведомственности в сфере управления активным туризмом, нет единого органа, занимающегося координацией всех процессов, происходящих в движении. Всё это происходит на фоне отсутствия чёткого понятийного аппарата и отсутствия реального финансирования. При этом основная доля проблем по отработке нормативной базы спортивного студенческого туризма и роль ключевого координатора возложены на общественную ор-

ганизацию – ФСТР и её структурные подразделения. При этом ФСТР лишена реальных прав по любому из направлений развития активного туризма. С другой стороны, смысловые аспекты принятия решений в сфере спортивного туризма и накопленный интеллектуальный потенциал аккумулирован именно в рамках Федерации спортивного туризма. Идеологически было бы оправданным ФСТР взять на себя функции координатора и основного разработчика единой системы обеспечения безопасности сферы активного туризма, привлекая в неё представителей МЧС, местные органы власти, Минобрнауки, Минэкономразвития, руководителей ССУЗов и ВУЗов и другие заинтересованные ведомства и общественные движения [1, 6, 8].

Исходя из вышесказанного, целесообразно выстроить единую систему, которая могла бы решить следующий ряд важных проблем:

- создать единую нормативную базу активного туризма, основанную на прозрачности понятийного аппарата;
- воссоздать под эгидой Федерации современную всероссийскую систему подготовки кадров для активного туризма;
- доработать существующую на сегодня систему профилактики, контроля и спасения туристов на активных маршрутах, независимо от ведомств за них отвечающих.

Для решения задач подготовки спортивного резерва необходимо:

- проведение работы по увеличению количества турклубов при ВУЗах, осуществляющих подготовку спортивного резерва;
- содействие организациям, использующим в названии словосочетание студенческий спортивный туризм;
- совершенствование системы соревновательной деятельности для студенческой молодежи;
- разработка и внедрение федерального стандарта спортивной подготовки студенческой молодежи по спортивному туризму.

Высказанное по содержанию вопроса об идеологии развития спортивного студенческого туризма не есть окончательный вариант решения этой непростой проблемы. Это достаточно личностный материал, требующий дополнений и иных, возможно альтернативных мнений. Его нужно воспринять спокойно и работать над приданием ему более чёткого и точного облика, используя все виды и уровни общений между активом ФСТР и студенческими турклубами.

Кроме всего прочего, с целью популяризации студенческого спортивного туризма в России, а также для привлечения как можно более широкого круга участников соревнований следует проводить первенства между организациями высшего образования.

Предпринятая попытка определения механизмов развития студенческого спортивного туризма в Российской Федерации способствовала откры-

тию нового органа самоуправления студенческих турклубов, работающих в системе Федерации спортивного туризма России – Ассоциация студенческих турклубов России (рис. 3).

Рис. 3. Официальный логотип ассоциации студенческих клубов

Теперь руководители более 100 студенческих турклубов коллегиально могут принимать стратегически важные решения для развития студенческого спортивного туризма на территории РФ. Члены Ассоциации получают поддержку от Федерации спортивного туризма России, содействуют появлению новых туристских клубов, проводят соревнования по спортивному туризму среди студентов [3, 5].

Целесообразно также создание Общероссийской студенческой лиги спортивного туризма. Задача Общероссийской студенческой лиги спортивного туризма должна заключаться в проведении соревнований по единому Регламенту, вовлечение в структуру их проведения всех существующих студенческих команд, повышение качества проведения соревнований, а также содействие созданию новых команд в большем количестве субъектов Российской Федерации.

Перспективным является также формирование Центров спортивного туризма на базе федеральных профильных организаций высшего образования, прежде всего на базе организаций высшего образования, находящихся в ведении Минспорта России:

ФГБОУ ВО «Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодежи и туризма» (ГЦОЛИФК);

Национальный исследовательский университет физической культуры, спорта и здоровья им. П.Ф. Лесгафта (НГУ им. П.Ф. Лесгафта);

ФГБОУ ВО «Сибирский государственный университет физической культуры, спорта и туризма»;

ФГБОУ ВО «Дальневосточная государственная академия физической культуры»;

ФГБОУ ВО «Смоленская государственная академия физической культуры».

Важнейшими критериями развития системы подготовки спортивного резерва в стране являются количество и квалификационный уровень спортсменов, занимающихся в турклубах при ВУЗах и иных организациях, осуществляющих спортивную подготовку.

Динамика числа отделений по спортивному туризму в ВУЗах и занимающихся в них спортсменов в период 2016–2019 гг. приведена в таблице 2.

Таблица 2. Динамика числа отделений по спортивному туризму в ВУЗах и занимающихся в них спортсменов в период 2016–2019 гг.

Год	Всего отделений	Всего занимающихся
2016	258	16,7 тыс.
2017	140	10,5 тыс.
2018	142	10,3 тыс.
2019	158	10,2 тыс.

Таким образом, число отделений спортивного туризма с 2016 по 2019 год увеличилось на 12%, число спортсменов сократилось на 3%.

Идеология развития спортивного студенческого туризма по каждому блоку или направлению предполагает конкретный перечень реальных дел и шагов по её реализации. Многие из них могли бы быть уже сейчас сформулированы, но нужно понимание того, все ли они нужны или их нужно существенно дополнить и выбрать наиболее эффективную форму их реализации.

Литература

1. Востоков И.Е. Основные концептуальные аспекты системы развития спортивного туризма в России [Текст] / И.Е. Востоков. М.: 2006. С. 6.
2. Квартальнов В.А. Методика профессионального обучения и подготовка специалистов по туризму в России // Туризм: теория и практика. М.: Финансы и статистика, 1998. Т. 5. 248 с.
3. Квартальнов В.А., Зорин И.В., Чепик В.Д. и др. Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по специальности «Рекреация и туризм»: Проект // Актуальные проблемы туризма. М.: РМАТ, 1997. С. 8–18
4. Кутьин И.В., Андропова Е.М., Романенков А.И. Проблемы и перспективы развития молодежного спортивно-оздоровительного туризма в Крыму // Научный журнал «Сервис в России и за рубежом» 2016. Т. 10, № 8 (69). С. 42–50.
5. Лагусев Ю.М. Социально-педагогические основы подготовки специалистов в сфере туризма // Актуальные проблемы туризма. Программно-целевые принципы реализации концепции развития туризма в Подмосковье. М., 1999.
6. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 13.09.2013 № 1065 «Об утверждении порядка осуществления деятельности школьных и студенческих спортивных клубов».
7. Приказ Министерства спорта Российской Федерации от 22 июля 2013 года № 571 «Об утверждении правил вида спорта «спортивный туризм».
8. Приказ Минспорта России от 21.11.2017 № 1007 об утверждении Концепции развития

студенческого спорта в Российской Федерации на период до 2025 года».

9. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 года № 2403-р об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года и План мероприятий по реализации Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденный распоряжением Правительства Российской Федерации от 12.12.2015 № 2570-р.

MECHANISMS FOR THE DEVELOPMENT OF STUDENT SPORTS TOURISM IN THE RUSSIAN FEDERATION

Kutin I.V., Andropova E.M., Romanenkov A.I., Golushko T.V., Kolganova E. Yu.

Russian State University of Tourism and Service

The article attempts to determine the mechanisms for the development of student sports tourism in the Russian Federation. Sports student tourism is a unique complex technology of moral and physical education, youth, health improvement of the population, requiring minimal state investments from the state and the tourist himself. The high efficiency of this technology is determined by the fact that sports student tourism develops the most landmark personality qualities of student youth, important for him and modern Russia, has military-applied importance for higher education youth.

For any mass socially significant movement, a generalizing goal must be formulated in shaping its ideology. In student sports tourism it can consist in achievement of high sports results at the level of Russian national team, as well as mass sports to attract to active healthy lifestyle of student youth. Further formation of ideology of development of sports tourism it is advisable to structure in the form of a list of main goals, problems and peculiarities of movement, to conditionally divide them into basic, external and internal. At the same time their decision today and in the future will eventually be the implementation of ideology of development of sports student tourism. To date, it is necessary to adopt the following strategic decisions within the framework of this ideology: in the regional student public entities on sports tourism, intensify the work on the creation of student leagues, and higher educational institutions of tourist clubs;

organize educational and scientific and methodological work on student and sports tourism in higher education institutions of the Russian Federation; development of the League of student sports tourism of Russia [4, 9].

Keywords: student sports tourism, students, tourist club, federation of sports tourism, student sports, tourist destinations, tourism industry.

References

1. Vostokov I.E. Main conceptual aspects of the system of sports tourism development in Russia [Text] / I.E. Vostokov. M.: 2006. P. 6.
2. Kwartalnov V.A. Methods of professional training and training of specialists in tourism in Russia // Tourism: theory and practice. Moscow: Finance and statistics, 1998. Vol. 5. 248 p.
3. Kwartalnov V. A., Zorin I.V., Chepik V.D. and others. State educational standard of higher professional education in the specialty "Recreation and tourism": Project // Actual problems of tourism. Moscow: rmat, 1997. Pp. 8–18
4. Kutin I. V., Andropova E.M., Romanenkov A.I. Problems and prospects of development of youth sports and health tourism in the Crimea // Scientific journal "Service in Russia and abroad" 2016. Vol. 10, No. 8 (69). Pp. 42–50.
5. Lagusev Yu.M. Socio-pedagogical bases of training specialists in the field of tourism // Current problems of tourism. Program-target principles for implementing the concept of tourism development in the Moscow region. Moscow, 1999.
6. Order of the Ministry of education and science of the Russian Federation of 13.09.2013 No. 1065 "On approval of the procedure for the implementation of school and student sports clubs".
7. Order of the Ministry of sports of the Russian Federation of July 22, 2013 No. 571 "On approval of the rules of the sport "sports tourism".
8. Order of the Ministry of sports of Russia dated 21.11.2017 No. 1007 "On approval of the Concept of development of student sports in the Russian Federation for the period up to 2020".
9. The government of the Russian Federation of 29 November 2014 No. 2403-R on approval of the Fundamentals of state youth policy of the Russian Federation for the period until 2025 and the action Plan for implementation of the framework of the state youth policy of the Russian Federation for the period till 2025, approved by decree of the Government of the Russian Federation from 12.12.2015 No. 2570-R.

Особенности вторичной социализации лиц с ментальными нарушениями в условиях стационарного учреждения: социологический анализ

Мецлер Андрей Владимирович,

аспирант, Российский государственный гуманитарный университет

E-mail: avmetsler@mail.ru

В данной статье автор на основе восьми социологических исследований проанализировал особенности вторичной социализации лиц с ментальными нарушениями в условиях стационарного учреждения социальной защиты населения города Москвы и развития субъект-объектных отношений при проведении реабилитационных мероприятий. В современной России существует свыше 400 стационарных учреждений, предназначенных для постоянного проживания лиц с ментальными нарушениями. Современные подходы к организации долговременного ухода сформируются в последние 2 года. Система долговременного ухода – это комплексная программа поддержки людей, полностью или частично утративших способность к самообслуживанию. В рамках программы гражданам пожилого возраста и инвалидам оказываются социальные услуги и медицинская помощь в стационарной или полустационарной форме, а также на дому – с привлечением сиделок. Понимание природы воздействия реабилитационных мероприятий является основополагающим для организации надлежащей работы стационарного учреждения социальной защиты населения, предназначенного для лиц с ментальными нарушениями. Полученные результаты подтвердили гипотезу автора о существовании в стационарном пространстве стационарного учреждения четырех устойчивых субгрупп, отличающихся между собой по возрасту и типологии ментальных нарушений. Данная типология обуславливает различные возможности и готовность к участию в процессах вторичной социализации. Исследования установили наличие в субкультурном пространстве лиц с ментальными нарушениями четырех реабилитационных уровней, имеющих различный реабилитационный потенциал и требующих применения сбалансированных социальных практик вторичной социализации.

Ключевые слова: лица с ментальными нарушениями, реабилитация, стационарное учреждение психоневрологического профиля, социум, вторичная социализация лиц с ментальными нарушениями.

В современной России существует свыше 400 стационарных учреждений, предназначенных для постоянного или временного проживания лиц с ментальными нарушениями. Современные подходы к организации долговременного ухода формируются в последние 2 года. Система долговременного ухода – это комплексная программа поддержки людей, полностью или частично утративших способность к самообслуживанию. В рамках программы гражданам пожилого возраста и инвалидам оказываются социальные услуги и медицинская помощь в стационарной или полустационарной форме, а также на дому – с привлечением сиделок.

О необходимости создания такой системы говорилось в поручениях президента РФ, данных в 2017 году по итогам встречи с представителями социально ориентированных НКО, благотворительных организаций и волонтеров. На этой встрече о необходимости развития системы долговременной помощи заявила директор БФ «Старость в радость» Е. Олескина¹.

В 2018 году создание системы долговременного ухода стало частью Национального проекта «Демография».

Это связано том числе с тем, что возрастает число лиц, страдающих ментальными нарушениями и нуждающихся в специализированной помощи на долговременной основе. По данным ГНЦСиСП им. В.П. Сербского количество лиц, в той или иной степени подверженных психическим заболеваниям, варьируется в пределах миллиона граждан России, при этом 1,5–2% граждан от общего числа лиц с ментальными нарушениями проживают в стационарных учреждениях. Столь значительное количество «нетипичных» граждан обуславливает необходимость постоянного совершенствования и трансформирования структур и компонентов системы социальной защиты населения, в том числе в вопросах осуществления вторичной социализации лиц с ментальными нарушениями как единственного способа полностью или частично интегрировать их в «типичное» социальное пространство.

В настоящее время стационарное социальное обслуживание лиц с ментальными нарушениями в городе Москве представляет собой довольно успешный и динамически развивающийся кластер многоуровневого института социальной защиты населения, трансформирующийся в гуманистиче-

¹ <https://www.miloserdie.ru/news/kak-rabotaet-sistema-dolgovremennogo-uhoda-rasskazali-v-op-rf/> – дата обращения 08.04.2020

ском направлении, в т.ч. в плане развития системы поддерживаемого и сопровождаемого проживания. По условиям и качеству жизни в ПНИ и ПВТ города Москвы планомерная финансовая и хозяйственная модернизация стационарных учреждений позволила достичь уровня благоустроенности и материальной обеспеченности, вполне сопоставимого с общемировыми нормами и стандартами.

Основной целью деятельности стационарного учреждения является создание для лиц с ментальными нарушениями, так называемых «нетипичных» граждан, наиболее адекватных типу их ментального расстройства, возрасту и общесоматическому состоянию здоровья внешних искусственных условий социального функционирования и жизнедеятельности, включающих в себя комплекс социальных реабилитационных практик, направленных на развитие инклюзивного образа жизни, сохранение социальной идентичности, сохранение интереса к жизни, более осознанное формирование собственной идентичности в субкультурном пространстве стационарного учреждения.

Тем не менее, несмотря на значительные усилия по осуществлению различных практик интеграции лиц с ментальными нарушениями в социум, в настоящее время остро стоит вопрос применения на практике пролонгированного системного подхода к социальному сопровождению лиц с ментальными нарушениями, что обусловлено отсутствием единой методологической рефлексии полимодальной деятельности смежных специалистов, отсутствием достаточного количества самих специалистов, а также объективных организационных условий в учреждениях для создания энвайроменталистической внешней среды.

Успешность государственной социальной политики в области предоставления социальных услуг лицам с ментальными нарушениями зависит напрямую от осуществления перманентных социологических исследований вопросов и проблем конструирования институтов, конструктов, методов и приемов вписывания «нетипичных» граждан в социальное пространство.

При всем многообразии форм и видов социальных услуг, их востребованность в социуме, значимость для создания оптимальных условий для вписывания лиц с ментальными нарушениями в приемлемое адаптивное социальное пространство постоянно возрастает, что обусловлено общим гуманистическим вектором развития ценностных ориентиров социума – к гуманности, приоритетности и адресности добавляются непрерывность, толерантность и конфиденциальность.

Полемика для авторского социологического исследования стало Государственное бюджетное учреждение города Москвы Психоневрологический интернат № 22 Департамента труда и социальной защиты населения города Москвы (далее по тексту – ГБУ ПНИ № 22). Исследование проводилось с июня 2014 года по декабрь 2016 года, охватив таким образом промежуток времени в два с по-

ловиной года. В течение этого времени автором было организовано и осуществлено 8 социологических опросов с целью выявления основных потребностей респондентов, определения уровня их удовлетворенности условиями проживания в стационарном учреждении, а также были выявлены их основные жизненные ориентиры на момент исследований.

Генеральная совокупность респондентов социологического исследования была сформирована из числа всех лиц с ментальными нарушениями, проживающих в ГБУ ПНИ № 22, общим количеством в 551 человек. Что позволило осуществить практически сплошное анкетирование.

Возрастная структура генеральной совокупности была репрезентативно отражена в выборке исследований:

- до 55 лет – 2,5%,
- 55–59 лет – 2,5%,
- 60–64 года – 3,6%,
- 65–72 года – 14,9%,
- свыше 72 лет – 76,1%.

Теоретическая и эмпирическая валидность инструментария была верифицирована в лонгитюдном исследовании, когда результаты каждого последующего социологического опроса апробировали результаты предыдущего. Все респонденты имели возможность выказать свое отношение к себе и социальному пространству, в котором они находились, с указанием имени и анонимно. Что позволило сделать более репрезентативным анализ полученных результатов.

В качестве основного социологического инструментария был выбран метод анкетирования и интервьюирования. Анкетирование состояло из четырех этапов.

На первом этапе анкетный лист содержал четыре вопроса, позволяющие респондентам раскрыть свое отношение к стационарному учреждению, к специалистам, к окружающему социальному пространству и к самому себе. Анкетный лист имел унифицированный характер, не подразделяя вопросы в соответствии с типологией ментального нарушения индивида.

На втором этапе, анкетирование носило закрытый характер. Были изменены вопросы с целью выявить наиболее негативно воспринимаемые факторы пребывания в стационарном учреждении.

В ходе третьего и четвертого анкетирования, все анкетные листы были категоризованы в соответствии с возрастом и типологией основных ментальных нарушений их носителей: шизофрения, органическое поражение центральной нервной системы, умеренная и глубокая умственная отсталость.

Интересны результаты, полученные в ходе 3 и 4 социологического опроса:

а) лица, страдающие органическим поражением центральной нервной системы, относящиеся к «третьему возрасту», выказали слабое проявление интереса к происходящим вокруг них событи-

ям, не смогли оценить свое состояние, состояние окружающего социального пространства, однако, в целом выразили положительное восприятие стационарного учреждения. Общее количество респондентов с данным типом ментального нарушения составило 132 человека;

б) лица, страдающие шизофреническими расстройствами, в возрасте от 30 до 65 лет, дали наиболее противоречивые оценки в ходе анкетирования. Резко негативное восприятие социального пространства стационарного учреждения, условий пребывания сочеталось с довольно высокой степенью оценки своего состояния, своей социальной роли и возможностей реабилитационного потенциала, но характерной особенностью стал показатель ярко выраженного депривационного отношения к возможности личной вторичной социализации и возвращению в обычное социальное пространство города. Общее количество респондентов с данным типом ментального нарушения составило 286 человек;

в) лица с глубокой умственной отсталостью проявили вполне характерные для данного типа ментального нарушения свое отношение – благоприятное отношение к окружающей действительности, неумение дифференцировать собственную социальную роль, невозможность самоидентификации, что характерно для низкого реабилитационного потенциала. Общее количество респондентов с данным типом ментального нарушения составило 44 человека;

г) лица с умеренной умственной отсталостью, средний возраст которых в ГБУ ПНИ № 22 составил 30 лет, показали высокий уровень самооценки, критичное отношение к социальному пространству стационарного учреждения, стремление к повышению собственной социальной роли и интеграции к социуму, высокий уровень социальной мобильности, но при этом отсутствие понимания значения и условий вторичной социализации, боязнь процесса активного включения индивида в различные социальные реабилитационные мероприятия. Общее количество респондентов с данным типом ментального нарушения составило 88 человек.

В целом результаты социологического исследования методом анкетирования показали непротиворечивые данные существования в едином социальном пространстве стационарного учреждения единой социальной агрегации лиц с ментальными нарушениями, состоящей из устойчивых групп с различными ценностными ориентирами, способностями, возможностями и стремлением к участию в процессах вторичной социализации.

Для дополнения полученной картины «социальной нуждаемости» автор провел дополнительные социологические исследования методом интервьюирования малой группы респондентов, отобранных путем неслучайной выборки. Были сформированы две фокус-группы из числа лиц с ментальными нарушениями, проживающие в ГБУ ПНИ № 22.

В первую малую группу вошли лица с умеренной умственной отсталостью, пришедшие в ГБУ

ПНИ № 22 из детских домов-интернатов и отличающиеся наиболее высоким реабилитационным потенциалом и устойчивым реабилитационным уровнем, общим числом – 11 человек. Во вторую малую группу вошли лица, страдающие шизофреническими расстройствами, в возрасте до 65 лет, общим числом – 20 человек.

Автор путем глубинного погружения в фокус-группу респондентов в течение двух лет проводил прикладное социологическое исследование, опрашивая респондентов на предмет понимания их роли в процессах вторичной социализации, целей и задач вторичной социализации, возможностей самостоятельного проживания вне социального пространства стационарного учреждения.

Кроме того, для выработки наиболее эффективных социальных практик вторичной социализации для различных категорий лиц с ментальными нарушениями две сформированные фокус-группы приняли участие в различных социальных реабилитационных мероприятиях. В ходе проведения мероприятий по адаптивной физической культуре, трудотерапии, культурно-массового характера было выявлена статистическая закономерность: фокус-группа из лиц, страдающих ментальными нарушениями по типу шизофрении, более активно включалась в процессы вторичной социализации, но при этом проявленный реабилитационный потенциал оставался на одном уровне.

Фокус-группа из лиц с умеренной умственной отсталостью с меньшей готовностью стремилась принимать участие в процессах вторичной социализации, стремясь сохранить изоляционное положение и дистанцию с остальными респондентами социологического исследования.

Для того, чтобы подтвердить полученные эмпирическим путем результаты востребованности социальных практик вторичной социализации, автор предложил всем лицам с ментальными нарушениями, проживающими в ГБУ ПНИ № 22, пройти заключительное анкетирование с целью выявления «индекса социальной нуждаемости» во вторичной социализации у разных типов респондентов. Анкетный лист был составлен по унифицированному образцу, носил открытый характер и предлагал респондентам выбрать из шести предложений, одно наиболее привлекательное с его точки зрения. Выборка респондентов анкетирования равнялась генеральной совокупности лиц с ментальными нарушениями, проживающих в ГБУ ПНИ № 22.

Результаты анкетирования подтверди теорию неоднородности восприятия необходимости вторичной социализации. Наибольшую заинтересованность проявили представители субгрупп лиц с ментальными нарушениями, относящиеся по типу психического расстройства к лицам с умеренной умственной отсталостью и шизофреникам. В ходе данного социологического исследования автор получил практические результаты, позволившие сформировать валентные представления о реальном «индексе социальной нуждаемости» лиц с ментальными нарушениями, проживающих

в ГБУ ПНИ № 22, в соответствии с типологией их ментальных нарушений.

Полученные результаты подтвердили предположение о существовании в стационарном пространстве стационарного учреждения четырех устойчивых субгрупп, отличающихся между собой по возрасту и типологии ментальных нарушений, что обуславливает различные способности, возможности и готовность к участию в процессах вторичной социализации. Совокупность этих дефиниций определила наличие в субкультурном пространстве лиц с ментальными нарушениями четырех реабилитационных уровней, имеющих различный реабилитационный потенциал и требующих применения сбалансированных социальных практик вторичной социализации.

Литература

1. Дом-интернат для престарелых и инвалидов // Социальная политика и социальная работа в изменяющейся России – М., 2002.
2. Маслоу А. Дальние пределы человеческой психики: Пер. с англ. М., 1997.
3. Метцлер А.В. Когнитивный подход к вторичной социализации лиц с ментальными нарушениями // Историческая и социально-образовательная мысль. Том 7, № 5, часть 2 – М., 2015.
4. Наберушкина Э.К. Инвалиды в большом городе: проблемы социального гражданства. М.: «Вариант», 2012.
5. Петросян В.А. Социальная реабилитация инвалидов в стационарных учреждениях социального обслуживания (социологический аспект): Диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук, М., 2004.
6. Романов П., Ярская-Смирнова Е. Политика инвалидности: социальное гражданство инвалидов в современной России / Саратов: Научная книга, 2006.
7. Смирнова Е.Р. Стратификационный анализ инвалидности // Преодолевая барьеры инвалидности. М., 1997.
8. Стигма: Заметки об управлении испорченной идентичностью (переведённые главы из Goffman E. Stigma: Notes on the Management of the Spoiled Identity. – N.J., Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1963.) // Социологический форум. 2001.
9. Тощенко Ж.Т. Социология: Общий курс. М.: Прометей, 1998.
10. Энциклопедия социальных практик поддержки инвалидов в Российской Федерации / Под ред. проф. Е.И. Холостовой, проф. Г.И. Климантовой. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2015. – 824 с. ISBN 978-5-394-02553-2.

FEATURES OF SECONDARY SOCIALIZATION OF PERSONS WITH MENTAL VIOLATIONS IN THE CONDITIONS OF STATIONARY ESTABLISHMENT: SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Metzler A.V.

Russian state humanities university

In modern Russia there are more than 400 stationary institutions intended for permanent or temporary residence of persons with mental disorders. Modern approaches to the organization of long-term care will be formed in the last 2 years. The long-term care system is a comprehensive programme of support for people who have completely or partially lost their ability to self-care. Under the programme, elderly citizens and persons with disabilities are provided with social services and medical care in hospital or semi-stationary form, as well as at home – with the involvement of nurses. In this article the author on the basis of eight sociological researches analysed features of secondary socialization of persons with mental violations in the conditions of stationary establishment of social protection of the population of the city of Moscow and development the subject – the object relations when holding rehabilitation actions. Understanding of the nature of influence of rehabilitation actions is fundamental for the organization of appropriate work of stationary establishment of social protection of the population intended for persons with mental violations. The received results confirmed the author's hypothesis about existence in stationary space of stationary establishment of four steady subgroups differing among themselves in age and typology of mental violations. This typology causes various opportunities and readiness for participation in processes of secondary socialization. Researches established existence in sub-cultural space of persons with mental violations of four rehabilitation levels having various rehabilitation potential and demanding application balanced social the practitioner of secondary socialization.

Keywords: persons with mental violations, rehabilitation, stationary establishment of a psychoneurological profile, society, secondary socialization of persons with mental violations.

References

1. Residential home for the elderly and disabled // Social policy and social work in a changing Russia-Moscow, 2002.
2. Maslow A. the Far limits of the human psyche: TRANS. with eng. M., 1997.
3. Metzler AV Cognitive approach to secondary socialization of persons with mental disorders // Historical and socio-educational thought. Volume 7, no. 5, part 2-M., 2015.
4. Naberushkina E.K. Invalids in the big city: problems of social citizenship. Moscow: "Option", 2012.
5. Petrosyan V.A. Social rehabilitation of disabled people in inpatient social service institutions (sociological aspect): Dissertation for the degree of candidate of sociological Sciences, Moscow, 2004.
6. Romanov P., Yarskaya-Smirnova E. disability Policy: social citizenship of disabled people in modern Russia / Saratov: Scientific book, 2006.
7. Smirnova E.R. Stratification analysis of disability // Overcoming barriers of disability. Moscow, 1997.
8. Stigma: Notes on the management of the spoilt identity (translated chapters from Goffman E. Stigma: Notes on the Management of the Spoilt Identity. – N. J., Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1963.) // Sociological forum. 2001.
9. Toshchenko Zh.T. Sociology: General course. M.: Prometheus, 1998.
10. Encyclopedia of social practices for supporting disabled people in the Russian Federation / edited by prof. E.I. Kholostova, prof. G.I. Klimantova. – Moscow: publishing and trading Corporation "Dashkov and Co.", 2015. – 824 p. ISBN 978-5-394-02553-2.

Факторы, формирующие здоровье студентов высшего учебного заведения в условиях крупного города

Попова Татьяна Васильевна,

кандидат медицинских наук, доцент, кафедра теоретических основ физического воспитания, Академия физической культуры и спорта, ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»
E-mail: popova_tv77754@mail.ru

В статье представлен комплекс факторов, действующих на здоровье студентов высших учебных заведений в крупном городе (на примере города Ростова-на-Дону). Рассмотрены эколого-гигиенические факторы окружающей и вузовской сред.

Дана информация по психологическим аспектам учебного стресса студентов; о загрязненности атмосферного воздуха, водных объектов, почв, продуктов питания, радиационному загрязнению сред, по шуму, вибрации, электромагнитным полям в г. Ростове-на-Дону за 5 лет. Представлены данные о комплексной антропогенной нагрузке в городе, об экологически зависимой заболеваемости. Описаны результаты исследований образа жизни студентов, параметров окружающей среды (микроклимата, освещенности, шума, электромагнитных полей, уровня аэроионизации) в аудиториях университета на территориях высокой и низкой антропогенной нагрузками. Представлены данные о результатах изучения функционального состояния студентов в зависимости от антропогенной нагрузки. Определены факторы, формирующие здоровье студентов высшего учебного заведения в условиях крупного города.

Ключевые слова: студенты, высшее учебное заведение, здоровье, функциональное состояние организма, факторы окружающей среды, антропогенная нагрузка.

Введение

Изучение здоровья студенческой молодежи и факторов, влияющих на него, является актуальным, так как будущее нашей страны связано именно с этой категорией населения. В городе Ростове-на-Дону более 134 тысяч человек обучается в 12 высших учебных заведениях [13].

По данным экспертов Всемирной организации здравоохранения здоровье человека на 18–20% – от состояния окружающей среды. Годы обучения сказываются отрицательно на здоровье молодых людей. Здоровье – это состояние полного физического, психического и социального благополучия [20]. Утомляемость, снижение работоспособности, психоэмоциональное состояние также важны для характеристики состояния здоровья студентов, так как от них зависит способность к обучению, возможность дальнейшей реализации себя.

Большее значение для здоровья имеют стрессогенные факторы образовательного процесса. Основные трудности обучения в вузе связаны с усвоением большого объема знаний, выработкой умений и навыков, необходимых для будущей профессии. Особенно перенапряжены адаптационные ресурсы студентов во время экзаменационных сессий, когда возникают дистрессовые состояния студентов. Такие состояния также могут возникнуть в ситуациях, когда не учитываются особенности этапов обучения в вузе: для первого курса – адаптация к студенческой жизни, третий курс – начало специализации, повышение интереса к научной работе, пятый курс – формирование установок на будущую деятельность, на семью и место работы.

Более 70% старшекурсников, порядка 43% студентов младших курсов находятся в состоянии стресса, которое проявляется плохим настроением и депрессией. Студентам старших курсов присуще меньшая стрессоустойчивость, чем у студентов младших курсов.

Типичными приемами для минимизации стресса являются не только полезные для организма действия – сон, приятное общение, прогулки и др., но и вредные действия – употребление алкоголя, психоактивных веществ, курение, переедание или недоедание и др. [8].

На здоровье студентов также влияет комплекс техногенных факторов городской среды. Санитарно-гигиеническая ситуация в городе Ростове-на-Дону в течение многих лет остается напряженной. Приоритетные факторы среды вносят вклад в суммарную комплексную антропогенную нагрузку: шум – порядка 40%; питьевая вода – 38%; почва – 15%; атмосферный воздух – 12%.

Шум вызывает нарушение слуха, способствует нервно-психическим расстройствам у населения, в том числе у детей. Минеральный состав питьевой воды влияет на возникновение патологии мочеполовой системы, органов пищеварения у населения.

Повышенное содержание взвешенных веществ в атмосферном воздухе способствует возникновению заболеваний верхних дыхательных путей, которые находятся на первом месте среди всех возрастных групп населения [3, с. 56–58].

Основные источники загрязнения атмосферного воздуха г. Ростова-на-Дону: транспорт (автомобильный и железнодорожный), предприятия топливно-энергетического комплекса, машиностроительные, сельскохозяйственные, строительные предприятия [12, с. 14].

Атмосферный воздух в центральной части города и других районах вблизи автотранспортных магистралей загрязнен такими вредными примесями как: бенз(а)пирен, формальдегид, окислы азота и пыль, уровень которых превышает среднесуточную предельно-допустимую концентрацию (ПДКсс) (табл. 1).

Таблица 1. Уровень загрязнения воздуха различными примесями за период 2018–2014 годы (мг/м³) [12, с. 15]

Примесь	Годы					ПДКсс***
	2014	2015	2016	2017	2018	
Пыль	0,2	0,3	0,2	0,2	0,3	PM *10–0,06 PM* 2,5–0,035
Диоксид серы	0,004	0,003	0,003	0,004	0,005	0,05
Оксид углерода	1	2	2	1,9	1,3	3
Диоксид азота	0,05	0,04	0,04	0,05	0,04	0,04
Оксид азота	0,07	0,02	0,02	0,03	0,02	0,06
Сероводород	0,001	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000
Фенол	0,001	0,001	0,005	0,000	0,000	0,006
Сажа	0,05	0,06	0,08	0,09	0,04	0,05
Фторид водорода	0,005	0,006	0,008	0,009	0,01	0,05
Аммиак	0,03	0,02	0,02	0,03	0,03	0,04
Формальдегид	0,009	0,009	0,014	0,013	0,011	0,01
Бенз(а)пирен (10–6)	0,9	0,4	0,5	1,7	0,6	1x10–6
В целом по городу ИЗА5**	5	6	7	9	7	

*PM – диаметр частиц в мкм **В России загрязнение низкое – при ИЗА <5, повышенное – при ИЗА от 5 до 6, высокое – при ИЗА от 7 до 13, очень высокое – при ИЗА ≥14. ПДКсс***- предельно-допустимая среднесуточная концентрация в соответствии с ГН 2.1.6.3492–17

Другие территории города загрязнены меньше. Однако вблизи оптовых баз, холодильников регистрируются превышения ПДКсс аммиака, на открытых площадках, подверженных солнечной радиации – формальдегида.

Выбросы диоксида азота являются наибольшей потенциальной угрозой для здоровья населения города, так как это вещество негативно воздействует на дыхательные пути и иммунитет населения [1]. Большую опасность для здоровья населения представляет в центре города сажа и взвешенные вещества, а в северном районе – формальдегид [18].

Сезон года влияет на характер загрязнения атмосферного воздуха г. Ростова-на-Дону: в летний период преобладают взвешенные вещества, в зимний период регистрируются превышения ПДК диоксида азота, серы, оксида углерода. В зимний период загрязнения атмосферы выше, чем в летний [1].

В городе Ростове-на-Дону на территории ЮФУ вблизи автомагистралей, проходящих в Западном жилом массиве, где обучаются и живут студенты в структуре атмосферного воздуха, не отвечающей гигиеническим нормативам, наибольший вес приходится на взвешенные вещества 40,7%; азота диоксида –10,5%; формальдегида – 0,34%; серы диоксида – 0,16%; углерода оксида – 15,5% [17]. Транспортная проблема города с каждым годом усугубляется из-за моноцентричности пространственной организации города.

В крупных спальных районах города на объектах отсутствуют рабочие места в достаточном количестве, что создает огромные транспортные потоки с периферийных частей города в центральные районы города, где находится основная масса рабочих мест [6]. Общая суточная миграция в Ростов-на-Дону, составляют порядка 25% населения города. Транспортное сообщение между частями города осуществляется по одной или двум магистральным улицам. Возникает эффект «бутылочного горлышка» [7].

Развитие экологически чистого транспорта затруднено из-за отсутствия необходимой инфраструктуры для эксплуатации подвижного состава, работающего на газомоторном топливе.

Основной источник загрязнения почв – примеси атмосферного воздуха. Почвы являются индикатором экологического неблагополучия городских территорий [15, с. 7].

Тяжёлые металлы и металлоиды (ТММ) являются наиболее опасными. Загрязнения ТММ выявляются на территории промышленных, селитебных, рекреационных ландшафтов, чаще всего цинком, ванадием, медью. Цинк – индикаторный элемент загрязнения почв Ростова-на-Дону. Он чаще других металлов определяется в количествах, превышающих ориентировочно допустимые концентрации. Концентрации этого элемента на отдельных участках почвы достигают высокого и очень высокого уровня [19, с. 82].

Загрязнению почв способствует отсутствие системы селективного сбора и переработки отходов,

полигонов для размещения промышленных отходов и др. [5, с. 22]. Рост количества твердых коммунальных отходов, образуемых на территории города Ростова-на-Дону, составляет 15–25% в год [15].

Реки Дон и Темерник и близлежащие водоемы загрязнены выше допустимого уровня по многим показателям. Вода реки Дон загрязнена нефтепродуктами, нитратным азотом (превышения ПДК до 2 раз), сульфатными ионами и органическими веществами (превышения ПДК 2–3 раза). Среднегодовые значения содержания соединений железа регистрировались до 3 ПДК, летучих фенолов – до 2–5 ПДК, соединений меди – до 2–3 ПДК. В 2018 году в пробах воды была найдена растворенная ртуть (максимальные значения до 4,5 ПДК) [12, с. 56].

Большое количество вредных веществ и микроорганизмов поступает в организм жителей Ростова-на-Дону через желудочно-кишечный тракт при употреблении некачественной воды и пищевых продуктов.

Основные загрязнители питьевой воды: железо, натрий, сульфаты, хлориды, марганец. Мочекаменная болезнь, гипертоническая болезнь, полиартриты обменного характера – следствие употребления воды с повышенным уровнем минерализации. Повышенное содержание железа в воде вызывает зуд и сухость кожи [5, с. 115].

Город Ростов-на-Дону занимает первое ранговое место по количеству несоответствующих проб пищевых продуктов по органолептическим и физико-химическим показателям (доля не соответствующих проб в 2018 году составила 6,37%) [5, с. 27] и по микробиологическим показателям (доля не соответствующих проб составила 33,77%) [5, с. 33].

Высокий уровень шума регистрируется на крупных автомагистралях из-за заторов автотранспорта, отсутствия шумозащитных конструкций, зеленых насаждений. Превышения составляют 5–20 дБА.

В Ростове-на-Дону с каждым годом увеличивается число передающих радиотехнических объектов (ПРТО), в 3,9% случаев выявлено превышение допустимого уровня в местах размещения антенн ПРТО на крышах жилых и общественных зданий [5, с. 58].

Исследования, выполненные у девятиэтажного дома в районе телецентра по ул. Баррикадная 1-я г. Ростова-на-Дону, показали, что жители, дома подвергаются электромагнитному воздействию, соответствующему классу условий труда 3.4. с вероятностью 0,9. (для девяти из десяти жителей) Имеется риск появления и развития заболеваний [10].

При длительном пользовании сотовым телефоном электромагнитное поле негативно влияет на орган слуха, хрусталик, центральную нервную систему человека, на кровь, на гормональную систему и др. органы и системы организма [2, с. 38].

Среднегодовые значения мощности амбиентной эквивалентной дозы гамма-излучения (МЭД

гамма-излучения) в течение 5 лет оставались в пределах 0,11–0,13 мкЗв/ч и не превышали значений естественного радиационного фона Ростовской области [12, с. 41].

По показателям комплексной антропогенной нагрузки приоритетными факторами среды обитания с позиции ущерба здоровью населения являются качество питьевой воды, атмосферного воздуха, шумовая нагрузка [12, с. 78]. Было проведено ранжирование по показателям комплексной антропогенной нагрузки приоритетными факторами среды обитания. Было определено, что в городе Ростове-на-Дону ситуация напряженная, город занимает 5 место среди городов Ростовской области [5].

На территориях с высокой антропогенной нагрузкой большое значение имеют зеленые насаждения. Общая площадь зеленых насаждений города Ростова-на-Дону составляет более 34% от всей площади Ростова-на-Дону, что для города явно недостаточно. По мнению специалистов, в городе мало территорий, подходящих для степной зоны с густыми парковыми массивами [9].

Дворовые территории занимают 25% общей городской территории. Частичное благоустройство дворовых территорий не привело к должному результату. В Ростове-на-Дону не создана система мониторинга текущей ситуации в сфере озеленения, уровня освещенности и иных параметров благоустройства, позволяющая своевременно получать информацию о происходящем и устранять возникающие проблемы [15].

Город Ростов-на-Дону относится к городам с высоким уровнем заболеваемости детского и взрослого населения. Город занимает третье – четвертое место среди административных центров регионов Южного федерального округа по показателям уровней смертности [15]. За пять лет выросла первичная заболеваемость всего населения города органов дыхания, астмой, болезнями системы кровообращения, мочеполовой системы, злокачественными новообразованиями, эндокринной системы, повысилась заболеваемость, связанная с микронутриентной недостаточностью [5, с. 90].

Многочисленные эпидемиологические данные свидетельствуют о том, что не только высокие, но и низкие концентрации химических примесей в атмосферном воздухе крупных городов могут неблагоприятно воздействовать на здоровье человека, приводить к повышению показателей заболеваемости и смертности [5, с. 114].

При оценке зависимости состояния здоровья от влияния факторов окружающей среды была установлена прямая средняя корреляционная зависимость между показателями загрязнения атмосферного воздуха и заболеваемостью населения болезнями органов дыхания, взвешенными веществами и заболеваемостью аллергическими ринитами в городе Ростове-на-Дону (коэффициент ранговой корреляции $r = 0.612–0.694$ и $r = 0.460–0.677$ соответственно). Наибольший

неканцерогенный риск на исследуемых территориях отмечается от воздействия азота диоксид, взвешенных веществ, сера диоксид и формальдегида [5, с. 114].

В Ростовской области растет уровень воздушно-капельных инфекций, увеличилась заболеваемость активными формами туберкулеза с бактериовыделением, хроническим вирусным гепатитом С [5, с. 131].

Уровень заболеваемости ВИЧ-инфекцией с 2014 года вырос в 2 раза. Больше всего выявляется больных в г. Ростове-на-Дону. Основная часть пациентов – молодые люди в возрасте 20–40 лет – 61,1% [5, с. 127].

Регистрируются паразитарные заболевания. Приоритетными инвазиями в г. Ростове-на-Дону являются лямблиоз, энтеробиоз, аскаридоз, токсокароз [16, с. 45–48].

По данным экспертов Всемирной организации здравоохранения здоровье человека на 50–52% зависит от образа жизни. В связи с необходимостью совмещать учебу с работой, дефицитом времени, физической и психологической усталостью, студенты не всегда имеют возможность придерживаться здорового образа жизни. Как показали многочисленные исследования, питание большинства студентов не сбалансировано как по энергетической составляющей, так и по содержанию макро-микронутриентов; не соблюдается режим приема пищи [5, с. 38].

Как показали социологические исследования, около ста тысяч жителей области периодически употребляют наркотические вещества, из них 17–20 тысяч употребляют регулярно. В настоящее время самые распространенные наркотики – марихуана и курительные смеси. Марихуану потребляют 65,0%, человек, курительные смеси – 24,3% [4].

В сравнении с 2018 годом выросло количество отравлений спиртосодержащей продукцией среди населения городов Ростов-на-Дону [5].

Культура поведения населения города в отношении собственного здоровья характеризуется недостаточной степенью ответственности. Человек может длительное время не обращать внимания на свое здоровье, не проходить обязательную диспансеризацию даже при наличии у него какого-либо хронического заболевания [15].

Перечень факторов риска здоровью, связанных с образом жизни студентов высшего учебного заведения следующий: безответственное гигиеническое поведение (не соблюдение режима труда и отдыха, правил гигиены, небезопасное сексуальное поведение и др.); нарушения двигательной активности; неправильное питание; аддиктивное поведение (курение, злоупотребление алкоголем и др.) [11].

Цель исследования

Цель исследования заключалась в определении комплекса факторов, формирующих здоровье сту-

денческой молодежи в условиях крупного города, на примере г. Ростова-на-Дону.

Материалы и методы исследования

В работе использованы результаты исследования параметров факторов: электромагнитных полей, микроклимата, уровня аэроионизации, шума, радиационного фона.

Мощность амбиентной дозы гамма-излучения измерялась прибором ДРГБ-04Н, результаты оценивались в соответствии с требованиями Норм радиационной безопасности НРБ-99/2009.

Параметры физических факторов (микроклимата, шума, электрических полей промышленной частоты, освещения) оценивались в соответствии с СанПиН 2.2.4.3359–16 Санитарно-эпидемиологические требования к физическим факторам на рабочих местах.

Использовалась также нормативная документация: СанПиН 2.2.1/2.1.1.1278–03 «Гигиенические требования к естественному, искусственному и совмещенному освещению жилых и общественных зданий»; СН 2.2.4/2.1.8.562–96 «Шум на рабочих местах, в помещениях жилых, общественных зданий и на территории жилой застройки. Санитарные нормы»; СанПиН 2.2.2/2.4.1340–03 «Гигиенические требования к персональным электронно-вычислительным машинам и организации работы»; СанПиН 2.1.8/2.2.4.1190–03 «Гигиенические требования к размещению и эксплуатации средств сухопутной подвижной радиосвязи».

Определение концентрации аэроионов в аудиториях осуществлялось с помощью счетчика аэроионов МАС-01, оценка результатов исследования выполнялась в соответствии с СанПиН 2.2.4.1294–03 «Гигиенические требования к аэроионному составу воздуха производственных и общественных помещений».

Измерение параметров электромагнитных полей ПЭВМ выполнялось приборами «ВЕ-МЕТР-АТ-002» и «ПЗ-50», освещенности и микроклимата прибором «ТКА ПКМ». Измерение уровней звука проводилось с помощью шумомера ШИ-01. Измерение параметров электромагнитных полей мобильных телефонов осуществлялось прибором ИПМ 101М.

Исследования выполнялись на двух территориях: на территории с высокой антропогенной нагрузкой – на территории города Ростова-на-Дону вблизи городских автомагистралей и на территории с низкой антропогенной нагрузкой – на территории базы практики и спортивно-оздоровительного туризма «Лиманчик», находящейся на берегу Черного моря.

В исследовании приняли участие 87 студент Южного федерального университета в возрасте 18–22 года: исследуемые группы (И) территорий с высокой антропогенной нагрузкой были представлены 74 студентами, контрольная группа (К) территории с низкой антропогенной нагрузкой – 13 студентами. Исследования проводились в июне-августе.

Изучалась и анализировалась информация о состоянии здоровья студентов по данным функциональных проб и исследований (пробы Руфье, Штанге, Генчи, четырехступенчатое исследование статической координации, определялся адаптационный потенциал по формуле Р.М. Баевского); по результатам опроса студентов; по данным статистической отчетности и государственным докладом Управления Роспотребнадзора по Ростовской области.

В основу гигиенической оценки качества окружающей среды положены результаты лабораторных, инструментальных исследований, данные «Комитета по охране окружающей среды и природных ресурсов Ростовской области» и Управления Роспотребнадзора по Ростовской области.

Изучалась и анализировалась научная литература о факторах окружающей среды, о здоровье населения города Ростова-на-Дону. Опрос студентов проводился путем анкетирования. Обработка первичного материала и статистический анализ данных осуществлялись с помощью программы MS EXCEL.

Результаты исследования

Результаты исследования показали, что параметры факторов окружающей среды в аудиториях контрольной группы регистрировались в пределах нормируемых величин по: освещенности, аэроионизации, мощности амбиентной дозы гамма-излучения, шуму. На территориях с высокой антропогенной нагрузкой параметры факторов превышали нормируемые показатели, кроме освещенности и мощности амбиентной дозы (табл. 2).

Таблица 2. Параметры факторов окружающей среды

Факторы окружающей среды	И	К
Естественная освещенность (КЕО)	1,2–1,4%	1,3–1,4%
Параметры аэроионизации	У-1,4–1,6	У-0,88–1,0
Температура, влажность, скорость движения воздуха	t = 22,7–26,5 °C φ = 41–46% v = 0,1 м/с	t = 25,3–29,2 °C φ = 44–52% v = 0,1 м/с
Мощность амбиентной дозы гамма-излучения	0,09–0,15 мкЗв/ч	0,13–0,16 мкЗв/ч
Шум	46–52 дБА	27–32 дБА

У – коэффициент униполярности У = ρ_{o+} / ρ_{o-} ; ρ_{o+} – положительные аэроионы; ρ_{o-} – отрицательные аэроионы

Уровень шума на территориях с высокой антропогенной нагрузкой превышал предельно-допустимые уровни (ПДУ) на 5–20 дБА, на территории с низкой антропогенной нагрузкой шум регистрировался в пределах ПДУ.

По статистике, более 3 часов времени в сети Интернет проводят 35% подростков, более 5 часов – 20% подростков, 7–8 часов и более – 45% подростков [15]. Выполнялись исследования параметров электромагнитного поля у ПЭВМ, у мобильных телефонов.

В результате проведенных инструментальных измерений в соответствии с СанПиН 2.2.2/2.4.1340–03 было установлено, что уровень напряженности электрического поля в диапазоне частот 5 Гц – 2 кГц не соответствует предельно допустимым значениям на рабочих местах ($N = 25В/м$) на исследуемых территориях в 2,2% – 2,6% случаев исследований на рабочих местах у 327 ПЭВМ, на контрольной территории – в 3% исследований у 6 ПЭВМ.

Замеры электромагнитного поля мобильных телефонов студентов показали, что у 17,6% телефонов студентов плотность потока энергии превышает 100 мкВт/см², следовательно, параметры мобильных телефонов не удовлетворяют требованиям, изложенным в СанПиН 2.1.8/2.2.4.1190-03.

На исследуемых и контрольной территории определялся уровень состояния здоровья с помощью функциональных проб: Штанге, Генчи четырехступенчатого исследования статической координации с постепенно нарастающей трудностью, определялся индекс Руфье. Были выявлены лучшие показатели по дыхательным пробам Штанге (30–33 против 34–37 – для женщин 49–53 и против 51–59 – для мужчин), Генчи (28–37 против 22–26) на контрольной территории.

Индексы Руфье и адаптационный потенциал на всех территориях примерно были в одинаковых диапазонах величин.

По индексу Руфье «атлетическое сердце» определялось у 11,2–15,7%; «хорошее сердце» – у 72,5–81,3%; сердечная недостаточность регистрировалась у 7,4–9,7%.

При оценке уровня адаптации по Р.М. Баевскому было выявлено, что к III–IV группам (неудовлетворительная адаптация и срыв адаптации) относится от 7,7% до 12,2% студентов.

Возможна причина такой ситуации – непродолжительное пребывание студентов на территории с низкой антропогенной нагрузкой (в течение 12 дней) и длительное пребывание на территории с высокой антропогенной нагрузкой (в течение всего учебного года).

Опрос студентов показал, что:

- часть студентов не объективно оценивают свое здоровье: из групп III–IV (неудовлетворительная адаптация и срыв адаптации) порядка 21–30% студентов считали, что у них со здоровьем все в порядке.
- многие студенты (68,0–81,3%) бывают на открытом воздухе только в период времени, потраченного на дорогу к вузу и обратно. Во время каникул, только часть студентов выезжают за город (38,1–49,7%).
- после учебных занятий более 1/3 студентов (33,5–46,1%), в основном старших курсов, отправляется на работу;
- не соблюдается режим труда и отдыха 63–95% студентами;
- питание нерациональное и неадекватное по микро- макро-нутриентному состав и вос-

полнению энергии у большей части студентов (72–89%);

- большой период времени суток использования мобильного телефона студентами (контакт с телефоном порядка 1,5–7 часов);
- регулярно занимаются физической культурой, не считая учебных занятий по физической культуре, только 42,7–68,4%.

Значительное повышение комфортности и качества жизни населения, в том числе по минимизации антропогенного прессинга, города Ростова-на-Дону предусмотрено в «Стратегии социально-экономического развития города Ростова-на-Дону на период до 2035 года» утвержденной Решением Ростовской-на-Дону городской Думой от 21 декабря 2018 года № 603.

Созданием условий для улучшения состояния здоровья и ведения здорового образа жизни студентами занимаются руководство вуза и профессорско-преподавательский состав путем: обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия в вузах, возможности рационально питаться в стенах вуза; повышения доступности занятий физической культурой, в том числе на открытом воздухе; осуществления образования студенческой молодежи по основам здорового образа жизни, здорового питания.

Выводы

1. На студенческую молодежь высших учебных заведений крупного города действует комплекс факторов: стрессогенные факторы образовательного процесса; экологические, социально-гигиенические факторы, факторы, обусловленных образом жизни студентов.

2. Особенности факторов, формирующих здоровье студентов в условиях крупного города: – многообразие и интенсивность, сочетанное действие факторов окружающей среды, формирующих здоровье; – параметры большинства факторов, влияющих на здоровье студентов, превышают нормируемые величины; – наличие условий, позволяющих исключить или уменьшить влияние на здоровье части факторов; – основная часть факторов действует на здоровье студентов, находящихся в помещениях, так как на открытом воздухе студенты бывают 1–2 часа; – у большинства студентов старших курсов присутствуют дополнительные факторы на рабочих местах, действующие на их здоровье, из-за необходимости совмещать учебу с работой; – возникновению острых респираторных вирусных инфекций способствует большое скопление студентов в аудиториях, в общежитиях и др. местах.

Литература

1. Андреева Е.С., Климов П.В., Андреев С.С., Ларина Т.А., Липовицкая И.Н. Аспекты загрязнения атмосферного воздуха Ростова-на-Дону (на примере периода времени с 2015

по 2017 г.) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Естественные науки. 2019. № 3 (203). [Электронный ресурс]. – <https://cyberleninka.ru/article/n/aspekty-zagryazneniya-atmosfernogo-vozduha-rostova-na-donu-na-primere-perioda-vremeni-s-2015-po-2017-g> (дата обращения: 19.04.2020).

2. Бондин В.И., Карпова Г.Ф., Лысенко А.В., Мареев В.И., Пономарева И.А., Толстокова О.Н. Культура здоровья молодежи. Монография – М.: Мир науки, 2018. – [Электронный ресурс]. – <http://izd-mn.com/PDF/30MNNPM18.pdf>
3. Гуменюк В.Т., Аухимович С.Г., Лопухина Л.В., Колчева Г.А., Михайлова Т.А. Мониторинг факторов среды обитания, влияющих на состояние неинфекционной заболеваемости населения в г. Ростове-на-Дону / В.Т. Гуменюк, С.Г. Аухимович, Л.В. Лопухина, Г.А. Колчева, Т.А. Михайлова // В сб.: Актуальные вопросы эпидемиологии, микробиологии и диагностики инфекционных и паразитарных заболеваний в Ростовской области. Сборник материалов региональной научно-практической конференции. – 2017. – С. 56–58.
4. Доклад о наркоситуации в Ростовской области в 2018 году, утв. решением антинаркотической комиссии Ростовской области от 28 марта 2019 г. протокол № 1. [Электронный ресурс]. – <https://www.donland.ru/upload/uf/82e/doklad-onarkosituatsii-v-2018-godu.pdf> (дата обращения: 19.04.2020).
5. Доклад о состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения Ростовской области в 2018 году [Электронный ресурс]. – [file:///C:/Users/yurap/AppData/Local/Temp/Par\\$DIa11084.27958/35_ГД_2018_Ростовская%20область.pdf](file:///C:/Users/yurap/AppData/Local/Temp/Par$DIa11084.27958/35_ГД_2018_Ростовская%20область.pdf) (дата обращения: 11.04.2020).
6. Иванова П.В. Анализ пространственной организации города ростов-на-Дону и тенденции его развития // ИВД. 2013. № 3 (26). [Электронный ресурс]. – <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-prostranstvennoy-organizatsii-goroda-rostov-na-donu-i-tendentsii-ego-razvitiya> (дата обращения: 16.04.2020).
7. Караблин О.В. Особенности современного транспортного развития города Ростова-на-Дону // Московский экономический журнал. 2019. № 10. [Электронный ресурс]. – <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-sovremennogo-transportnogo-razvitiya-goroda-rostova-na-donu> (дата обращения: 17.04.2020).
8. Карякина С.Н. Психологические аспекты учебного стресса студентов на разных этапах обучения в вузе / С.Н. Карякина, О.С. Забабурина // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2016. – № 3–6. – С. 59–62.
9. Козловский Б.Л., Куропятников М.В., Федорова О.И. Приоритетные задачи зеленого строительства в Ростове-на-Дону // ИВД. 2013. № 1 (24). [Электронный ресурс]. – <https://>

- cyberleninka.ru/article/n/prioritetnye-zadachi-zelenogo-stroitelstva-v-rostove-na-donu (дата обращения: 16.04.2020).
10. Кухта А.И., Маматченко Н.С. Инженерная оценка опасности электромагнитной обстановки в районе телецентра города Ростов-на-Дону // Безопасность техногенных и природных систем. 2019. № 2. [Электронный ресурс]. – <https://cyberleninka.ru/article/n/inzhenernaya-otsenka-opasnosti-elektromagnitnoy-obstanovki-v-rayone-teletsentra-goroda-rostov-na-donu> (дата обращения: 15.04.2020).
 11. МР 2.1.10.0033–11 Оценка риска, связанного с воздействием факторов образа жизни на здоровье населения [Электронный ресурс]. – <http://docs.cntd.ru/document/1200111974> (дата обращения: 19.04.2020).
 12. Правительство Ростовской области, Министерство природных ресурсов и экологии Ростовской области «Экологический вестник Дона» «О состоянии окружающей среды и природных ресурсов Ростовской области в 2018 году» [Электронный ресурс]. – <https://xn--d1ahaoghbejbc5k.xn--p1ai/projects/19/> (дата обращения: 11.04.2020).
 13. Самойлова М.А., Исаева Е.А., Иванченко Н.Н. Ростовская область в цифрах: Крат. стат. сб. / Ростовстат. – Ростов-н/Д, 2019. [Электронный ресурс]. – <https://rostov.gks.ru/storage/mediabank/maket!2018.pdf> (дата обращения: 12.04.2020).
 14. Степанова Т.А., Попова Т.В., Почекаева Е.И. Безопасность питания и здоровье населения: учебно-методическое пособие / Т.А. Степанова, Т.В. Попова, Е.И. Почекаева – Ростов н/Д: ЮФУ, – 2016. – 172 с.
 15. Стратегии социально-экономического развития города Ростова-на-Дону на период до 2035 года, утв. Решением Ростовской-на-Дону городской Думой от 21.12.2018 года № 603 [Электронный ресурс]. – <https://rostovgorod.ru/documents/regulations/71885/> (дата обращения: 17.04.2020).
 16. Твердохлебова Т.И. Черниговец Л.Ф., Гуменюк В.Т., Пархоменко Л.Г., Говорина С.В. Анализ эпидемиологических параметров при паразитарных инвазиях в г. Ростове-на-Дону / Твердохлебова Т.И., Черниговец Л.Ф., Гуменюк В.Т., Пархоменко Л.Г., Говорина С.В. // В сб.: Актуальные вопросы эпидемиологии, микробиологии и диагностики инфекционных и паразитарных заболеваний в Ростовской области. Сборник материалов региональной научно-практической конференции. – 2017. – С. 45–48.
 17. Толстоко́ра О.Н., Бондин В.И., Кибенко Е.И. Функциональное состояние кардиореспираторной системы у студентов при выполнении физических нагрузок в различных условиях окружающей среды // Глобальный научный потенциал. Физическое воспитание и физическая культура. – № 8(101). – 2019. С. 58.
 18. Чепцова А.А. Оценка рисков здоровью населения г. Ростова-на-Дону от загрязнения атмосферного воздуха // Вестник современных исследований. – 2018. – № 12.10 (27). – С. 390–394.
 19. Шишкина Д.Ю. Тяжёлые металлы в почвах Ростова-на-Дону: монография / Д.Ю. Шишкина; ЮФУ. – Ростов н/Д; Таганрог: Изд-во ЮФУ, 2017. – 98 с.
 20. World Health Organization. (2006). Constitution of the World Health Organization – Basic Documents, Forty-fifth edition, Supplement, October 2006. [Электронный ресурс]. – https://www.who.int/governance/eb/who_constitution_en.pdf (дата обращения: 19.04.2020).

FACTORS THAT SHAPE THE HEALTH OF HIGHER EDUCATION STUDENTS IN A LARGE CITY

Popova T.V.

Southern Federal University

The article presents a set of factors that affect the health of students of higher education institutions in a large city (for example, the city of Rostov-on-don). Ecological and hygienic factors of the environment and University environment are considered.

Information is given on the psychological aspects of educational stress of students; on air pollution, water bodies, soil, food, radiation pollution, noise, vibration, electromagnetic fields in Rostov-on-don for 5 years. Data on the complex anthropogenic load in the city and on the environmentally dependent incidence are presented. The article describes the results of studies of students' lifestyle, environmental parameters (microclimate, light, noise, electromagnetic fields, air ionization level) in the University classrooms in areas of high and low anthropogenic loads. Data on the results of studying the functional state of students depending on the anthropogenic load are presented. The factors that shape the health of students of higher education institutions in a large city are determined.

Keywords: students, higher education institution, health, functional state of the body, environmental factors, anthropotechnogenic load.

References

1. Andreeva E. S., Klimov P.V., Andreev S.S., Larina T.A., Lipovitskaya I.N. Aspects of atmospheric air pollution in Rostov-on-don (on the example of the time period from 2015 to 2017) // *Izvestiya vuzov. North Caucasus region. Series: Natural Sciences*. 2019. № 3 (203). [Electronic resource]. – <https://cyberleninka.ru/article/n/aspekty-zagryazneniya-atmosfernogo-vozdusha-rostov-na-donu-na-primere-perioda-vremeni-s-2015-po-2017-g> (date accessed: 19.04.2020).
2. Bondin V. I., Karpova G.F., Lysenko A.V., Mareev V.I., Ponomareva I.A., Tolstokora O.N. Culture of youth health. Monograph-Moscow: Mir nauki, 2018. – [Electronic resource]. – <http://izd-mn.com/PDF/30MNNPM18.pdf>
3. Gumenyuk V. T., Aukhimovich S.G., Lopukhina L.V., kolcheva G. A., Mikhailova T.A. Monitoring of habitat factors affecting the state of non-infectious morbidity of the population in Rostov-on-don / V.T. Gumenyuk, S.G. Aukhimovich, L.V. Lopukhina, G. A. kolcheva, T.A. Mikhailova // In SB.: Actual issues of epidemiology, Microbiology and diagnostics of infectious and parasitic diseases in the Rostov region. Collection of materials of the regional scientific and practical conference. – 2017. – P. 56–58.
4. Report on the drug situation in the Rostov region in 2018, approved by the decision of the anti-drug Commission of the Rostov region of March 28, 2019. Protocol No. 1. [Electronic resource]. – <https://www.donland.ru/upload/uf/82e/doklad-o-narkosituat-sii-v-2018-godu.pdf> (accessed: 19.04.2020).
5. Report on the state of sanitary and epidemiological welfare of the population of the Rostov region in 2018 [Electronic resource]. – file:// with: / Users/yurap / folder AppData/local / temp/RAR\$DIa11084. 27958/35_gd_2018_rostovskaya%20oblast. pdf (accessed: 11.04.2020).

6. Ivanova P.V. Analysis of the spatial organization of the city of Rostov-on-don and trends in its development // IVD. 2013. № 3 (26). [Electronic resource]. – <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-prostranstvennoy-organizatsii-goroda-rostov-na-donu-i-tendentsii-ego-razvitiya> (accessed: 16.04.2020).
7. Karablin O.V. Features of modern transport development of the city of Rostov-on-don // Moscow economic journal. 2019. № 10. [Electronic resource]. – <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-sovremennogo-transportnogo-razvitiya-goroda-rostova-na-donu> (date accessed: 17.04.2020).
8. Karyakina S.N. Psychological aspects of educational stress of students at different stages of training in higher education / S.N. Karyakina, O.S. Zababurina // Actual problems of Humanities and natural Sciences, 2016, no. 3–6, Pp. 59–62.
9. Kozlovsky B. L., Kuropyatnikov M.V., Fedorinova O.I. Priority tasks of green construction in Rostov-on-don // IVD. 2013. № 1 (24). [Electronic resource]. – <https://cyberleninka.ru/article/n/prioritetnye-zadachi-zelenogo-stroitelstva-v-rostove-na-donu> (date accessed: 16.04.2020).
10. Kukhta A. I., Mamatchenko N.S. Engineering assessment of the danger of the electromagnetic environment in the area of the TV center of the city of Rostov-on-don // Safety of technogenic and natural systems. 2019. № 2. [Electronic resource]. – <https://cyberleninka.ru/article/n/inzhenernaya-otsenka-opasnosti-elektromagnitnoy-obstanovki-v-rayone-teletsentra-goroda-rostov-na-donu> (accessed: 15.04.2020).
11. MR2.1.10.0033–11 Assessment of the risk associated with the impact of lifestyle factors on the health of the population [Electronic resource]. <http://docs.cntd.ru/document/1200111974> (date accessed: 19.04.2020).
12. Government of the Rostov region, Ministry of natural resources and ecology of the Rostov region “Ecological Bulletin of the don” “on the state of the environment and natural resources of the Rostov region in 2018” [Electronic resource]. <https://xn--d1a-haoghbejbc5k.xn--p1ai/projects/19/>(accessed: 11.04.2020).
13. Samoylova M. A., Isaeva E.A., Ivanchenko N.N. Rostov region in numbers: Krat. stat. SB. / Rostovstat. – Rostov-n/D, 2019. [Electronic resource]. – <https://rostov.gks.ru/storage/media-bank/maket!2018.PDF> format (accessed 12.04.2020).
14. Stepanova T. A., Popova T.V., Pochechueva E.I. Food Safety and health: textbook / T.A. Stepanova, T.V. Popova, E.I. Potekaev – Rostov n/D: SFU – 2016. – 172 p.
15. Strategies for socio-economic development of the city of Rostov-on-don for the period up to 2035, approved by the government of the Russian Federation. By the decision of the Rostov-on-don city Duma of 21.12.2018 No. 603 [Electronic resource]. <https://rostov-gorod.ru/documents/regulations/71885/> (accessed: 17.04.2020).
16. Tverdokhlebova T. I., Chernihiv L.F., Gumenyuk V.T., Parkhomenko L.G., Govorina S.V. Analysis of epidemiological parameters in parasitic infestations in Rostov-on-don / Tverdokhlebova T.I., Chernihiv L.F., Gumenyuk V.T., Parkhomenko L.G., Govorina S.V. // In SB.: Actual issues of epidemiology, Microbiology and diagnostics of infectious and parasitic diseases in the Rostov region. Collection of materials of the regional scientific and practical conference. – 2017. – P. 45–48.
17. Tolstokora O. N., Bondin V.I., Kibenko E.I. Functional state of the cardiorespiratory system in students when performing physical loads in various environmental conditions // Global scientific potential. Physical education and physical culture. – № 8(101). – 2019. P. 58.
18. Cheptsova A.A. Assessment of risks to the health of the population of Rostov-on-don from atmospheric air pollution // Bulletin of modern research. – 2018. – № 12.10 (27). – Pp. 390–394.
19. Shishkina D. Yu. Heavy metals in the soils of Rostov-on-don: monograph / D. Yu. Shishkina; SFU. – Rostov n / D; Taganrog: SFU Publishing house, 2017. – 98 p.
20. World health organization. (2006). Constitution of the world Health Organization-basic documents, forty-fifth edition, Supplement, October 2006. [Electronic resource]. – https://www.who.int/governance/eb/who_constitution_en.pdf (date accessed: 19.04.2020).

Использование оздоровительно-коррекционных занятий студентами специальной медицинской группы в структуре дисциплины «Физическая культура» высших учебных заведений

Шувалов Александр Михайлович,

к.п.н., заведующий кафедрой «Физического воспитания и здоровья», Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС)

E-mail: shuvalov-am@ranepa.ru

Евдокимов Олег Валерьевич,

ст. преподаватель кафедры «Физического воспитания и здоровья», Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС)

E-mail: evdokimov-ov@ranepa.ru

Шиманский Оскар Викторович,

ст. преподаватель кафедры «Физического воспитания и здоровья», Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС)

E-mail: oskar9145@rambler.ru

Архипкин Иван Владимирович,

ст. преподаватель кафедры «Физического воспитания и здоровья», Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС)

E-mail: arkhypkin-iv@ranepa.ru

Солнышкина Юлия Олеговна,

ст. преподаватель кафедры «Физического воспитания и здоровья», Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС)

E-mail: solnyshkina-yo@ranepa.ru

В статье рассмотрена специфика использования оздоровительно-коррекционных занятий студентами специальной медицинской группы в структуре дисциплины «Физическая культура» высших учебных заведений. Одним из перспективных направлений инновационных педагогических технологий в физическом воспитании студентов специальных медицинских групп может явиться технология модульного обучения. Необходимо изучить непосредственно сами системообразующие категории и понятия рассматриваемого вида педагогической технологии – модульного обучения.

Таким образом, модули в данном исследовании будут представлены в виде взаимосвязанных логических блоков, на которые дробиться содержание учебной программы дисциплины «Физическая культура». В качестве самостоятельных модулей могут рассматриваться дополняющие основной материал, темы, разделы и индивидуальные задания для самостоятельного изучения теоретического материала, при этом для модулей разрабатываются граничные рейтинговые значения в баллах, которые выставляются студентам как оценка в зависимости от качества и сроков выполнения задания [7].

Ключевые слова: физическая культура, специальная медицинская группа, студенты, высшие учебные заведения, спортивно-оздоровительные занятия, физическое воспитание, учебная дисциплина.

Основой при разработке методики и содержания оздоровительно-коррекционных занятий студентов специальной медицинской группы послужили отличия в направленности учебных занятий студентов. С одной стороны, существует учебная программа физического воспитания студентов СМГ по которой они должны учиться, с другой стороны автор сделал попытку разработать новую авторскую методику обучения этих студентов [2, 3].

Экспериментальная работа по обоснованию разработанной методики оздоровительно-коррекционных занятий для студентов СМГ осуществлялась на 2 курсе. Далее представлено содержание учебных занятий в III и IV семестрах.

Учебный процесс **III семестра** для студентов СМГ 2 курса обучения – 17 недель.

1. Втягивающая часть – 4 недели. Базовая часть – 10 недель. Контрольная часть – 3 недели.
2. Количество оздоровительно-коррекционных занятий – 32 занятия.
3. Количество оздоровительно-коррекционных занятий по физкультурному воздействию на организм студента: 19 – Корректирующих; 6 – развивающих, 7 – стабилизирующих.

Задачи оздоровительно-коррекционных занятий для студентов СМГ в III семестре:

1. Расширить знания и умения студентов, полученные на занятиях по физическому воспитанию, увеличить двигательную активность.
2. Научить выполнять корректирующие упражнения оздоровительной гимнастики, напрягать и расслаблять определенные группы мышц, совершенствовать осанку, выполнять упражнения в изменяющихся условиях.
3. Увеличить роль циклических упражнений оздоровительной ходьбы в коррекции патологий опорно-двигательного аппарата.
4. Повысить мотивацию у студентов к оздоровительно-коррекционным занятиям подвижными играми.

В III семестре 2 года обучения важно научить студентов локально напрягать и расслаблять разные группы мышц, особенно в месте патологии. Правильно с соблюдением рациональной техники выполнять корректирующие упражнения оздоровительной гимнастики, совершенствовать разновидности оздоровительной ходьбы, бега, и др. Воспитание правильной осанки, умение принять и поддерживать заданное положение тела, широко применялись в этом семестре, с обучением студентов самоконтроля над своей позой при ходьбе, сидением на скамье, за учебной партой и т.д.

Для коррекции патологий в позвоночном столбе использовались комплексы гимнастических упражнений и заданий, постепенно усложняя их, меняя внешние условия выполнения; разнообразности ходьбы и бега с преодолением легких препятствий, упражнений с предметами (гимнастической палкой). Для улучшения состояния в коленных суставах, также применялись и использовались комплексы гимнастических упражнений и заданий, которые как правило выполнялись на полу, матах. В подвижных играх использовались как короткие повторные действия, так и непрерывные действия со значительной затратой сил и энергии. В таблице 1 представлено содержание учебного материала программы физического воспитания, используемой для студентов СМГ и авторской методики оздоровительно-коррекционных занятий.

Таблица 1. Содержание программы физического воспитания, используемой для студентов СМГ и авторской методики оздоровительно-коррекционных занятий для студентов 2 курса СМГ в III семестре

Программа физического воспитания, используемая в РАНХиГС для студентов СМГ	Авторская методика оздоровительно-коррекционных занятий физической культуры
<p>Легкоатлетические упражнения:</p> <ul style="list-style-type: none"> • ходьба и её разновидности; • бег и его разновидности; • бег 60 метров без учета времени; • обычная ходьба без учета времени; • шестиминутный бег. 	<ul style="list-style-type: none"> • Упражнения оздоровительной ходьбы (бега), направленные на отклонения в опорно-двигательном аппарате: • ходьба и её разновидности; • общеразвивающие и корригирующие упражнения в движении; • ходьба с различной скоростью (2, 4, 6 км/ч); • упражнения для совершенствования техники оздоровительной ходьбы и бега; • оздоровительная ходьба 6, 8, 10 минут; • ходьба с чередованием бега (250 м. – 100 м; 250 м – 250 м и т.д.); • бег и его разновидности; • бег на 30 м, 60 м с высококого старта; • бег 60 метров на результат; • 3, 6-минутный бег.
<p>Гимнастические упражнения, направленные на отклонения в опорно-двигательном аппарате, не применяются.</p> <p>В основном это упражнения силового характера:</p> <ul style="list-style-type: none"> • отжимания в упоре лежа, в упоре сзади; • статические упражнения непродолжительного выполнения по времени; • упражнения на мышцы живота: пресс; • приседания. 	<p>Упражнения оздоровительной гимнастики, направленные на отклонения в опорно-двигательном аппарате:</p> <ul style="list-style-type: none"> • выполнение коррекционных упражнений в различных исходных положениях с правильной постановкой дыхания; • разучивание комплексов гимнастических упражнений, в том числе и для утренней зарядки; • обучение напрягать и расслаблять различные группы мышц; • переходы из одного исходного положения в другое; • упражнения на формирование правильной осанки;

Программа физического воспитания, используемая в РАНХиГС для студентов СМГ	Авторская методика оздоровительно-коррекционных занятий физической культуры
	<ul style="list-style-type: none"> • динамические дыхательные упражнения; • простейшие упражнения с предметами (гимнастической палкой); • простые упражнения на гимнастической скамейке: отжимания с упором руками на скамейку, ходьба по скамейке; • комплексы упражнений по локализации патологий на полу, матах: шейный отдел, грудной, поясничный, коленный сустав, голеностопный сустав; • упражнения на гимнастической стенке: различные висы (спиной, животом к стенке) с отведением ног (ноги) в разные стороны; • элементы степ-аэробики для повышения общей выносливости, координации; • силовые упражнения с небольшими отягощениями (на развитие собственно силовых способностей и силовой выносливости)
<p>Подвижные игры, учитывающие отклонения в опорно-двигательном аппарате не применяются.</p>	<p>Подвижные игры, учитывающие отклонения в опорно-двигательном аппарате:</p> <ul style="list-style-type: none"> • общеразвивающие упражнения в игре: «Запрещенное движение»; • игровые задания на внимание, координацию, мотивацию и т.д.: «Делай, как я»; • упражнения на развитие пространственной устойчивости (игровые упражнения на равновесие); • подвижная игра с теннисным мячом «Попади в цель»; • подвижные игры по ЧСС: в зоне ЧСС до 110 уд. мин: «Номера», «Подвижная цель», «Успей подобрать» и др.; в зоне ЧСС 110–130 уд. мин: «Передача мяча со сменой мест», «Салки», «Мяч в круг», «Лабиринт» и др.; в зоне ЧСС 130–150 уд./мин.: «Охотники и утки», «Третий лишний» и т.д.

В III семестре второго года обучения расширяются разнообразные виды упражнений оздоровительной гимнастики с сохранением упражнений оздоровительной ходьбы и подвижных игр.

Упражнения оздоровительной гимнастики должны выполняться при четком соблюдении команд подаваемых преподавателем во время выполнения упражнений. Студенты должны принимать правильное положение головы, туловища, ног, в исходных положениях стоя, сидя, лежа на спине, на животе; уметь выполнять простейшие упражнения в вытяжении; выполнять динамические дыхательные упражнения сидя, стоя, в ходьбе.

Упражнения в этом семестре подбираются таким образом, чтобы включить как можно больше групп мышц и звеньев тела студента. Рекомендуется вводить комплексы несложных упражнений, направленные на коррекцию опорно-двигательного аппарата.

Подвижные игры, рекомендованные в методической литературе, адаптируются исходя из уровня здоровья и нозологии заболевания студентов. Применяются следующие приемы адаптации: уменьшение времени проведения игры; упрощение правил и условий игры; деление игроков на группы в соответствии с физической подготовленностью; включение пауз отдыха, запрет чрезмерных физических напряжений; запрет резких прыжковых движений и др.

Студентам, приступившим к занятиям после болезни или длительного пропуска ограничить физическую нагрузку. Систематически осуществлять текущий педагогический контроль и самоконтроль, обеспечивающий информацией об изменениях сердечно-сосудистой системы по ЧСС.

Учебный процесс **IV семестра** для студентов СМГ 2 курса обучения – 17 недель.

1. Втягивающая часть – 4 недели. Базовая часть – 10 недель. Контрольная часть – 3 недели.
2. Количество оздоровительно-коррекционных занятий – 32 занятия.
3. Количество оздоровительно-коррекционных занятий по физкультурному воздействию на организм студента: 12 – корригирующих; 10 – развивающих, 10 – стабилизирующих.

Задачи оздоровительно-коррекционных занятий для студентов СМГ в IV семестре:

1. Расширить знания и умения студентов, полученные на занятиях по физическому воспитанию, увеличить двигательную активность.
2. Научить выполнять циклические упражнения оздоровительной ходьбы в меняющихся условиях внешней среды, статические упражнения на определенные группы мышц, совершенствовать осанку.
3. Увеличить роль корригирующих упражнений оздоровительной гимнастики в коррекции патологий опорно-двигательного аппарата.
4. Повысить мотивацию у студентов к оздоровительно-коррекционным занятиям подвижными играми.

В IV семестре 2 года обучения важно закрепить у студентов навык локально напрягать и расслаблять разные группы мышц, особенно в месте патологии. Свободно без излишнего напряжения выполнять корригирующие упражнения оздоровительной гимнастики; продолжать совершенствовать разновидности оздоровительной ходьбы, бега; увеличить двигательный фонд студента за счёт включения на занятиях новых упражнений. Воспитание правильной осанки широко применялись в этом семестре с самоконтролем у зеркала дома или взаимоконтролем студентов на учебных занятиях.

Для коррекции патологий в позвоночном столбе на занятиях продолжалось использование ком-

плексов гимнастических упражнений и заданий, вводились задания в парах, усложнялись за счёт сочетания динамического и статического режима работы, усложнялось выполнение упражнений с применением спортивного инвентаря; разновидности ходьбы и бега с преодолением усложненных препятствий, упражнений с предметами, направленные на силовую выносливость (набивной мяч, медицинбол разного веса – для девушек, слэмбол разного веса – для юношей, бодибары по 2, 3, 4 кг – для девушек, 5, 6, 8 кг – для юношей). Для улучшения состояния в коленных суставах также применялись использовались комплексы гимнастических упражнений и заданий, которые выполнялись не только на матах, но и на гимнастической скамейке для статического выполнения упражнения, футбол для динамического режима выполнения упражнения. В подвижных играх продолжалось использование как коротких повторных действий, так и непрерывных действий со значительным проявлением выносливости. В таблице 2 представлено содержание учебного материала программы физического воспитания, используемой для студентов СМГ и авторской методики оздоровительно-коррекционных занятий.

Таблица 2. Содержание программы физического воспитания, используемой для студентов СМГ и авторской методики оздоровительно-коррекционных занятий для студентов 2 курса СМГ в IV семестре

Программа физического воспитания, используемая в РАНХиГС для студентов СМГ	Авторская методика оздоровительно-коррекционных занятий физической культуры
<p>Легкоатлетические упражнения:</p> <ul style="list-style-type: none"> • ходьба и её разновидности; • бег и его разновидности; • бег на 30 или 60 метров на результат; • обычная ходьба 3, 6, 9 минут; • бег без учета времени (в сочетании с ходьбой, по самочувствию). 	<p>Упражнения оздоровительной ходьбы (бега), направленные на отклонения в опорно-двигательном аппарате:</p> <ul style="list-style-type: none"> • ходьба и её разновидности; • общеразвивающие и корригирующие упражнения в движении разной траектории; • ходьба с переменной скоростью (2–4–2 км/ч; 4–2–4 км/ч; 2–4–6 км/ч; 4–2–8 км/ч); • оздоровительная ходьба 6, 9, 12 минут; • ходьба с чередованием бега; • бег и его разновидности (500 м – 250 м; 500 м – 500 м и т.д.); • бег на 60 м, 100 м. с высокого старта; • бег 60 метров на результат; • 6, 8-минутный бег; • ходьба (бег) на тредбане с изменением угла беговой дорожки
<p>Гимнастические упражнения, направленные на отклонения в опорно-двигательном аппарате, не применяются.</p> <p>В основном это упражнения силового характера:</p>	<p>Упражнения оздоровительной гимнастики, направленные на отклонения в опорно-двигательном аппарате:</p> <p>выполнение в подготовительной части занятия общеразвивающих упражнений, проводимые</p>

Программа физического воспитания, используемая в РАНХиГС для студентов СМГ	Авторская методика оздоровительно-коррекционных занятий физической культуры
<ul style="list-style-type: none"> • отжимания в упоре лежа, в упоре сзади; • упражнение «планка»; • упражнения на мышцы живота: пресс; • приседания; • статические упражнения • упражнения с партнером. 	<ul style="list-style-type: none"> • назначенным преподавателем студентами; • выполнение коррекционных упражнений в различных исходных положениях в сочетании с дыхательными упражнениями; • разучивание комплексов гимнастических упражнений, в том числе из стретчинга, пилатеса; • обучение напрягать и расслаблять различные группы мышц на время в быстром темпе; • упражнения на мышцы для формирования правильной осанки; • дыхательные упражнения в различных исходных положениях; • коррекционные упражнения с предметами (набивной мяч, медбол, слэмбол, бодибары); • простые упражнения на фитболе: отжимания с упором руками на скамейку, ходьба по скамейке; • комплексы упражнений по локализации патологии на гимнастической скамейке, фитболе: шейный отдел, грудной, поясничный, коленный сустав, голеностопный сустав; • упражнения на перекладине (турнике): различные висы (спиной, животом к стенке) с отведением ног (ноги) в разные стороны; • простейший комплекс степ-аэробики для повышения силовой выносливости, координации; • силовые упражнения с небольшими отягощениями по локализации патологии.
<p>Подвижные игры, учитывающие отклонения в опорно-двигательном аппарате не применяются.</p>	<p>Подвижные игры, учитывающие отклонения в опорно-двигательном аппарате:</p> <ul style="list-style-type: none"> • общеразвивающие упражнения в игре: «Запрещенное движение»; • игровые задания на внимание, координацию, мотивацию и т.д.: «Соревнование скороходов»; • упражнения на развитие пространственной устойчивости (игровые упражнения на равновесие); • подвижная игра с теннисным мячом «Передай другу»; • включение соревновательных мероприятий: «Веселые старты», «Весёлая эстафета»; • подвижные игры по ЧСС: в зоне ЧСС до 110 уд. мин: «Передай мяч», «Слалом», «Мяч в центре», «Гонка мячей по кругу» и др.; в зоне ЧСС 110–130 уд. мин: «Борьба за мяч», «Слушай сигнал», «Передал – садись», «Эстафета с мячом», «Третий лишний» и др.; в зоне ЧСС 130–150 уд./мин.: «Перестрелка» и т.д.

В IV семестре 2 года обучения расширяются коррекционные виды упражнений оздоровительной гимнастики в сочетании с дыхательными упражнениями, также усложняется физическая нагрузка в упражнениях оздоровительной ходьбы, усложняются условия, правила в подвижных играх.

Упражнения оздоровительной гимнастики должны выполняться при контроле преподавателя, взаимном контроле самими студентами и самоконтроле во время выполнения упражнений. Студенты должны уметь контролировать напряжение и расслабление костно-мышечного аппарата; соблюдать правильное положение головы, туловища, ног при выполнении различных упражнений; уметь выполнять усложненные упражнения на увеличение гибкости в различных звеньях опорно-двигательного аппарата; выполнять дыхательные упражнения с движениями рук, плечевого пояса, туловища в различных исходных положениях.

Упражнения в этом семестре подбираются таким образом, чтобы включить как можно больше групп мышц и звеньев тела студента. Вводятся комплексы упражнений, направленные на коррекцию патологий опорно-двигательного аппарата, развитие костно-мышечного аппарата.

Подвижные игры, также адаптируются исходя из уровня физической подготовленности и нозологии заболевания студентов. Применяются следующие приемы адаптации (помимо приемов, раскрытых для III семестра): изменение числа участников в игре; деление игроков на группы в соответствии с патологией; уменьшение размеров игровой площадки; исключение игр, требующих физического контакта между участниками; деление игроков на 3 команды, для отдыха одной из команд; включение дыхательных упражнений в процесс игры и др. Вместе с этим, в IV семестре усложнялся блок «Подвижные игры» за счёт включения новых игр, требующей большей физической подготовленности, включающей элемент соревнования.

Студентам, приступившим к занятиям после болезни или длительного пропуска, также рекомендуется снизить физическую нагрузку. Систематически осуществлять текущий педагогический контроль и самоконтроль, обеспечивающий информацией об изменениях сердечно-сосудистой системы по ЧСС

Литература

1. Андропова Е.М., Шиманский О.В., Романенков А.И., Реутин Т.В., Кутын И.В. Прикладное значение использования индивидуально-подхода к построению занятий по физической культуре для студентов специальной медицинской группы // Научный рецензируемый журнал о проблемах и перспективах образования в России и зарубежом «Педагогический журнал». М.: Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» Московская область, г. Ногинск – Том 8, № 5А, 2018. С. 34–42.

2. Андропова Е.М., Юдашкина Е.Е., Шиманский О.В., Стеблев А.А., Кутын И.В. Влияние оздоровительно-коррекционных занятий по физической культуре студентов специальных медицинских групп на уровень их мотивации к дисциплине «Физическая культура» // Научный журнал «Современное педагогическое образование». М.: Издательство «РУСАЙНС» Москва, № 3, 2019. С. 98–102.
3. Андропова Е.М., Шиманский О.В., Голушко Т.В., Колганова Е.Ю., Кутын И.В. Формирование универсальной компетенции на занятиях физической культурой у студентов специальной медицинской группы непрофильного университета // Научный журнал «Современное педагогическое образование». М.: Издательство «РУСАЙНС» Москва, № 8, 2019. С. 57–60.
4. Кутын И.В. Педагогическая физкультурно-оздоровительная коррекция нарушений произвольной регуляции деятельности у младших школьников: монография / [Кутын И.В., Еремин М.В., Андропова Е.М., Горшков А.Г., Романенков А.И.]. М.: Русайнс. Москва, 2017. 130 с.
5. Шиманский О.В., Козлов А.В., Кутын И.В. Программно-содержательное обеспечение процесса физкультурного образования студентов специальной медицинской группы // Успехи современной науки. 2017. Т. 1. № 4. С. 163–166.
6. Шиманский О.В., Колганова Е.Ю., Андропова Е.М., Кутын И.В. Научно-методическое обоснование построения занятий физической культурой студентов специальной медицинской группы с учетом использования блочно-модульного принципа // Современный ученый. 2017. № 3. С. 153–157.
7. Шиманский О.В., Архипкин И.В., Кутын И.В. Улучшение социального статуса студентов специальной медицинской группы в процессе занятий оздоровительной физической культурой // Современный ученый. 2017. № 4. С. 144–147.
8. Шиманский О.В., Голушко Т.В., Журина И.И., Кутын И.В. Формирование мотивации студентов специальной медицинской группы к занятиям физической культурой в высшем образовании // Современный ученый. 2017. № 4. С. 160–163.

USE OF REHABILITATION AND CORRECTION CLASSES BY STUDENTS OF SPECIAL MEDICAL GROUP IN THE STRUCTURE OF THE DISCIPLINE «PHYSICAL CULTURE» OF HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS

Shuvalov A.M., Evdokimov O.V., Shimansky O.V., Arkhipkin I.V., Solnyshkina Y.O.
Russian academy of national economy and state service under the President of the Russian Federation (RANEPA)

The article considers the specifics of the use of health and correction classes by students of the special medical group in the structure of the discipline “physical culture” of higher educational institutions. One of the promising directions of innovative pedagogical technologies in physical education of students of special medical groups can be the technology of modular education.

It is necessary to study directly the systemically important categories and concepts of the type of pedagogical technology in question – modular training.

Thus, the modules in this study will be presented in the form of inter-related logical blocks, into which the content of the curriculum of the discipline “Physical Culture. Additional basic material, topics, sections and individual tasks for independent study of theoretical material can be considered as independent modules, at the same time boundary rating values in points are developed for modules, which are presented to students as an assessment depending on the quality and time of completion of the task [3].

Keywords: physical culture, special medical group, students, higher educational institutions, sports and health classes, physical education, educational discipline.

References

1. Andropova E. M., Shimansky O.V., Romanenkov A.I., Reutina T.V., Kutin I.V. The Applied value of using an individual approach to the construction of physical culture classes for students of a special medical group // Scientific peer-reviewed journal on problems and prospects of education in Russia and abroad “Pedagogical journal”. Moscow: publishing house “ANALITIKA RODIS” Moscow region, Noginsk-Volume 8, no. 5A, 2018. Pp. 34–42.
2. Andropov E. M., Yudashkin E.E., Szymanski, O. V., stem, A.A. Kutin, I.V. Influence of health and corrective physical training students of special medical groups on their level of motivation for the discipline “Physical culture” // Scientific journal “Modern education”. M.: Publishing house “RUSYNS” Moscow, No. 3, 2019. P. 98–102.
3. Andropova E. M., Shimansky O.V., Golushko T.V., Kolganova E. Yu., Kutin I.V. Formation of universal competence in physical culture classes for students of a special medical group of a non-core University // Scientific journal “Modern pedagogical education”. Moscow: RUSAINS Publishing house Moscow, no. 8, 2019. Pp. 57–60.
4. Kutyn I.V. Pedagogical physical culture and health correction of violations of arbitrary regulation of activity in younger schoolchildren: monograph / [Kutyn I.V., Eremin M.V., Andropova E.M., Gorshkov A.G., Romanenkov A.I.]. Moscow, 2017. 130 p.
5. Shimansky O. V., Kozlov A.V., Kutin I.V. Software and content support of the process of physical education of students of a special medical group // Success of modern science. 2017. Vol. 1. No. 4. Pp. 163–166.
6. Shimansky O. V., Kolganova E. Yu., Andropova E.M., Kutin I.V. Scientific and methodological substantiation of the construction of physical culture classes for students of a special medical group, taking into account the use of the block-modular principle // Modern scientist. 2017. no. 3. Pp. 153–157.
7. Shimansky O. V., Arkhipkin I.V., Kutin I.V. Improving the social status of students of a special medical group in the process of health-improving physical culture // Modern scientist. 2017. no. 4. Pp. 144–147.
8. Shimansky O. V., Golushko T.V., Zhurina I.I., Kutin I.V. Formation of motivation of students of a special medical group to physical culture classes in higher education // Modern scientist. 2017. no. 4. Pp. 160–163.

Влияние арт-терапии на социализацию детей с ОВЗ

Анисимова Кристина Семеновна,

студент Института психологии, ФГАОУ ВПО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова»
E-mail: anisiks000@mail.ru

Михайлова Виктория Власьевна,

к. филос.н., зав. кафедрой общих гуманитарных и социально-экономических дисциплин, ФГАОУ ВПО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова»
E-mail: philos-svfu@mail.ru

Данная статья посвящена изучению влияния арт-терапии на социализацию детей с ОВЗ. Детям с ОВЗ в силу своих физических и психологических особенностей трудно социализироваться в нашем обществе, зачастую такие дети замкнуты, не общительны и кроме близких родственников, они не имеют друзей. Мы в данной статье дали определению понятия «социализация», а также изучили особенности социализации детей с ОВЗ. В ходе изучения теоретических источников особенностей социализации детей с ОВЗ мы пришли к выводу, что арт-терапия оказывает положительное влияние на социализацию детей с ОВЗ.

Ключевые слова: арт-терапия, дети с ОВЗ, социализация, самооценка, особенности социализации детей с ОВЗ, самооценка.

Проблема социализации детей с ограниченными возможностями остро возникла в современной социально-экономической ситуации. В настоящее время социализация детей с ограниченными возможностями имеет определенные специфики в зависимости от следующих факторов: характер способностей ребенка и объем ресурсов социальной реабилитации. Социализация оказывает положительное влияние на специфические особенности и навыки детей с ограниченными возможностями здоровья (коммуникативные навыки, развитие мелкой моторики и т.д.) и, в целом, на детей с ограниченными возможностями. Но дети с ограниченными возможностями испытывают трудности в общении, овладении навыками, обучении и самообслуживании. Многие психические и физические отклонения делают ребенка пассивным, его круг интересов сужается, а потребность во взаимодействии с миром уменьшается. В результате этого, снижается адаптивность.

Одним из методов, который помогает решить эту проблему, является арт-терапия, основной целью которой является гармонизация личности, психологического и эмоционального состояния.

Шипицына, Л.М в своей работе дает такое определение: «Социализация – процесс становления личности, усвоения индивидом языка, социальных ценностей и опыта (норм, установок, образцов поведения), культуры, присущих данному обществу, социальной общности, группе, воспроизводство и обогащение им социальных связей и социального опыта» [7, с.43].

Мудрик А.В. в своей книге «Социализация человека», определяет социализацию как развитие и самоизменение человека в процессе усвоения и воспроизводства культуры, что происходит во взаимодействии человека со стихийными, относительно направляемыми и целенаправленно создаваемыми условиями жизни на всех возрастных этапах [6, с. 9].

Отечественная традиционная социология рассматривает социализацию как процесс саморазвития личности, который взаимодействует со следующими структурами: социальными группами, институтами, организациями.

В ходе анализа литературы было выявлено, что ученые выделяют у детей с ОВЗ 3 типа особенностей, связанных с социализацией детей с ОВЗ. В первую группу «Я как самоценность» входит такая особенность как неадекватная самооценка. Вторая группа «Я и ты» характеризуется низ-

ким уровнем эмоционального интеллекта. И в 3 группу особенностей социализации детей с ОВЗ «Я и мир», входит в целом сам уровень социализации.

Арт-терапия – это специализированная форма психотерапии, основанная на искусстве, в первую очередь изобразительной и творческой деятельности [4].

Понятие «арт-терапия» впервые было употреблено в 20 веке. В 1938 году художник Адриан Хилл обнаружил, что искусство помогает рассеивать проблемы пациентов и справляться с болезнями. Поэтому первой областью, использующей арт-терапию, является психоанализ.

Основная цель арттерапевтического метода заключается в создании гармонии в личности, развивая познания и выражения себя. Один из основателей психоанализа считает, что единственный механизм, который оказывает корректирующее воздействие в арттерапевтическом методе это сублимация. Карл Юнг считает, что искусство и арт-терапия, заметное оказывает влияние на саморазвитие человека.

В настоящее время существуют различные формы арт-терапии для людей с ограниченными возможностями. В некоторых случаях эта задача является только «клинической» (например, умственная отсталость, аутизм, тяжелые эмоциональные и поведенческие расстройства детей с ОВЗ). Это своего рода реабилитация. Естественно, это способствует социальному образованию и социально-культурной реабилитации детей с ограниченными возможностями.

Несмотря на то, что существуют разнообразные формы арт-терапии, которые подходят способностям и потребностям детей с ОВЗ, при работе с ними необходимо учитывать их особенности.

Н.В. Бибикина в арт-терапии с детьми с ОВЗ выделяет такие особенности:

1. Длительную работу с больными из-за устойчивого характера заболевания, а также снижение вероятности достижения заметных улучшений;
2. Дети с ОВЗ могут нерегулярно посещать занятия по-арт-терапии, в результате своего заболевания, кроме того они могут не иметь заинтересованность в занятиях, что подразумевает жесткую директивность;
3. В связи с нарушением коммуникативной функции, дети с ОВЗ затрудняются в установлении контакта с арт-терапевтом и в участии групповых формах арт-терапии. [1, с. 28]

Исследователи выделяют следующие влияния арт-терапии на детей с ОВЗ:

1. На физиологическое развитие детей с ОВЗ, то есть развитие моторики, коррекция звукопроизношения, расслабляет мышцы;
2. На интеллектуальное развитие. В ходе занятий ребенок с ОВЗ описывая рисунки, краски, предметы, картины, прилагательные и т.д расширяет свой словарный запас и получает новые знания;
3. На эмоциональное благополучие.

4. На чувство своей вины. Помогает избавиться от осознания себя виновным;
5. На раскрытие творческого потенциала детей с ОВЗ;
6. На самооценку и на общее психоэмоциональное состояние (снижает тревожность и агрессивность) детей с ОВЗ;
7. На установку отношений. Во время групповых занятий арт-терапии ребенок с ОВЗ, не только учиться выражать и познавать себя, но и знакомиться с другими детьми, тем самым повышая и развивая коммуникативную функцию. Здесь он может найти себе друзей.

Таким образом, можно сделать вывод, что арт-терапия оказывает влияние на социализацию детей с ОВЗ тремя способами. Во-первых, повышая самооценку ребенка с ОВЗ, арт-терапия учит его познать и выражать себя, а также самоутвердиться. Ребенок с адекватной самооценкой не будет испытывать дискомфорт при общении с другими детьми и людьми. Во-вторых, улучшая психоэмоциональное состояние и эмоциональный интеллект. Благодаря тому, что ребенок правильно понимает свои и эмоции других людей, у него не возникнет недопониманий с окружающими. Кроме того, повышая свое эмоциональное благополучие, ребенок с ОВЗ не будет испытывать тревожность и агрессивность при общении со сверстниками. И, в-третьих, арт-терапия оказывает влияние на сам уровень социализации, повышая коммуникативные навыки ребенка и находя ему друзей во время групповых занятий.

Исходя из этого, можно сделать вывод, что процесс социализации детей с ограниченными возможностями здоровья является эффективным, если с детьми с ОВЗ применять комплексный подход, в том числе и методы арт-терапии.

Литература

1. Басов, Н.Ф. Основы социальной работы / Н.Ф. Басова. – Москва: Академия. 2007. – 288 с.
2. Бибикина, Н.В. Арт-терапия как технология социальной реадaptации людей с ограниченными возможностями / Н.В. Бибикина // Современные науки и проблемы образования. – 2014. – № 4 – С. 28–32.
3. Бурно, М.Е. Терапия творческим самовыражением / М.Е. Бурно – М.: Медицина, 1989. – 304 с.
4. Копытин, А.И. Системная арт-терапия / А.И. Копытин. – Санкт-Петербург: Изд-во Питер. 2011. – 283 с.
5. Медведева, Е.Л, Левченко, И. Ю, Комиссарова, Л.Н, Добровольская, Т.А. Артпедагогика и арттерапия в специальном образовании / – М.: Издательский центр «Академия», 2001–248 с.
6. Мудрик, А.В. Социализация человека. / А.В. Мудрик. – М.: Академия, 2005. – 172 с.

7. Холостова, Е.И. Зарубежный опыт социальной работы / Е.И. Холостова, А.Н. Дашкина, И.В. Малофеев. – М.: Дашков и Ко, 2018. – 368 с.

THE EFFECT OF ART THERAPY ON THE SOCIALIZATION OF CHILDREN WITH DISABILITIES

Anisimova K.S., Mikhailova V.V.

North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosova

This article is devoted to the study of the effect of art therapy on the socialization of children with disabilities. Due to their physical and psychological characteristics, children with disabilities are difficult to socialize in our society, often such children are closed, not sociable, and apart from close relatives, they have no friends. In this article we gave the definition of the concept of "socialization", and also studied the features of socialization of children with disabilities. In the study of theoretical sources of the features of socialization of children with disabilities, we came to the conclusion that art therapy has a positive effect on the socialization of children with disabilities.

Keywords: art therapy, children with disabilities, socialization, self-esteem, features of socialization of children with disabilities, self-esteem.

Bibliography

1. Basov N.F. Fundamentals of social work / N.F. Basova. – Moscow: Academy. 2007. – 288 p.
2. Bibikova N.V. Art therapy as a technology of social rehabilitation of people with disabilities / N.V. Bibikova // Modern sciences and problems of education. – 2014. – No. 4 – P. 28–32.
3. Stormy M.E. Therapy of creative expression / M.E. Stormy – M.: Medicine, 1989. – 304 p.
4. Kopytin A.I. System art therapy / A.I. Kopytin. – St. Petersburg: Publishing House Peter. 2011. – 283 p.
5. Medvedeva E.L., Levchenko I. Yu., Komissarova L.N., Dobrovolskaya T.A. Art pedagogy and art therapy in special education. – M.: Publishing Center "Academy", 2001–248 p.
6. Mudrik A.V. Socialization of man / A.V. Mudrik. – M.: Academy, 2005. – 172 p.
7. Kholostova E.I. Foreign experience of social work / E.I. Kholostova, A.N. Dashkina, I.V. Malofeev. – M.: Dashkov and Co., 2018. – 368 p.

Использование натуральных растительных ингредиентов при лечении больных сахарным диабетом

Корейба Константин Александрович,

к.м.н., доцент, кафедра хирургических болезней, ФГБОУ ВО «Казанский государственный медицинский университет» Минздрава России, засл. врач РТ, заведующий центром «Диабетическая стопа»
E-mail: korejba_k@mail.ru

Цыплаков Дмитрий Эдуардович,

доктор медицинских наук, профессор кафедры общей патологии ФГБОУ ВО «Казанский государственный медицинский университет» Минздрава России, врач-патологоанатом высшей квалификационной категории
E-mail: dr.allakazan@yandex.ru

Минабутдинов Айдар Рамилевич,

хирург центра «Диабетическая стопа», ГАУЗ «Клиника медицинского университета»
E-mail: aidodctor@mail.ru

Агаджанова Кристина Викторовна,

кандидат биологических наук, преподаватель, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина
E-mail: korejba_k@mail.ru

Статья посвящена проблеме использования натуральных растительных ингредиентов при лечении больных сахарным диабетом. Показана актуальность проблемы разработки эффективных лекарственных средств для лечения больных сахарным диабетом по причине роста распространенности заболевания и осложнений, которые становятся причиной инвалидизации и смертности больных. Поиск противодиабетических средств растительного происхождения и изучение механизма их терапевтического действия является важной задачей лечения сахарного диабета. Описаны преимущества растительных натуральных ингредиентов лекарственных препаратов, к которым относятся фармакологическая активность в сочетании с низкой токсичностью и возможностью длительного применения при лечении сахарного диабета. Проведен анализ экспериментальных данных по использованию натуральных растительных ингредиентов при лечении больных сахарным диабетом. Показано, что натуральные растительные ингредиенты при лечении больных сахарным диабетом оказывают комплексное терапевтическое действие, являясь дополнением или альтернативой синтетическим противодиабетическим средствам.

Ключевые слова: сахарный диабет, растительные препараты, натуральные ингредиенты, противодиабетическое действие.

Проблема эффективного лечения сахарного диабета не теряет своей важности по причине роста распространенности данного заболевания. За последние 10 лет в мире численность людей с сахарным диабетом выросло вдвое. Международная диабетическая федерация сделала прогноз, согласно которому к 2035 году численность больных сахарным диабетом возрастет до 592 млн человек. Социально значимыми негативными последствиями сахарного диабета являются инвалидизация и смертность больных по причине сопутствующих данному заболеванию системных осложнений [3].

Одной из актуальных проблем медицины является поиск и разработка эффективных лекарственных средств лечения сахарного диабета. Понимание этиологии и патогенеза сахарного диабета на современном этапе развития медицины позволяет осуществить поиск новых мишеней противодиабетических лекарственных средств [6].

В этой связи интерес представляет анализ экспериментальных данных по проблеме использования натуральных растительных ингредиентов в лекарственных средствах при лечении больных сахарным диабетом, в частности натуральных ингредиентов растительного происхождения. Для лечения сахарного диабета в состав более чем 700 рецептов в настоящее время входят около 400 растений [8]. Препараты растительного происхождения оказывают активное и направленное действие, практически не проявляют аллергических, мутагенных свойств, стимулируют защитные силы организма, совместимы с синтетическими лекарственными препаратами. При этом наблюдается достаточно высокое и стойкое лечебно-профилактическое воздействие при практическом отсутствии побочных отрицательных эффектов. В растениях наибольшей лечебной активностью обладают фитоферменты, фитогормоны и другие вещества белковой и полисахаридной природы, являющиеся водорастворимыми биологически активными веществами [5].

На современном этапе проводятся многочисленные клинические исследования по проблеме сахароснижающего действия при сахарном диабете препаратов, содержащих ингредиенты натурального растительного происхождения. Одним из эффективных растений с противодиабетическим действием является гимнема лесная. В настоящее время запатентованы лекарственные препараты для лечения сахарного диабета, содер-

жащие натуральные ингредиенты гимнемы лесной. В США запатентован препарат «ProBeta». Его эффективность, которая проявила себя в гипогликемическом эффекте, было подтверждено клиническими испытаниями. В России клинические исследования прошел продукт «Диабета», который представляет комплексный натуральный растительный продукт, в состав которого входят сухие экстракты листьев гимнемы лесной, корня солодки, цветков девясила высокого, гребней винограда, магния и цинка сульфаты, витамин В6. Клинические испытания продукта «Диабета» среди пациентов с сахарным диабетом 2 типа, которые на фоне сахароснижающей терапии метформинном получали комплексный натуральный растительный продукт «Диабета», показали снижение содержания глюкозы в крови натощак, снижение инсулинорезистентности, повышение уровня ЛВП [2].

Для лечения сахарного диабета широкое применение нашла галега лекарственная или козлятник аптечный – многолетнее травянистое растение семейства бобовых. Фитохимическое исследование травы галеги лекарственной для изучения соединений, обладающих сахароснижающим эффектом, было проведено Л.А. Лапыниной. Наряду с гипогликемическим действием у безалкогоидного экстракта галеги лекарственной выявлена его нетоксичность. Дальнейшее исследование методом препаративной хроматографии выявило аммиачную и этанольную фракции, обладающие сахароснижающим эффектом. Сахароснижающее действие аммиачной фракции обусловлено эффектами аминокислот; этанольной фракции – кемпферолом и его производными, гуанидином и фенолкарбоновыми кислотами [4].

Способность водных извлечений из травы галеги лекарственной понижать концентрацию глюкозы в крови при сахарном диабете, что была подтверждена в ходе клинических испытаний. Водный экстракт галеги лекарственной имеет низкую антиоксидантную и антигипоксическую активность, блокирует накопление продуктов перекисного окисления липидов (ПОЛ) в крови, является нетоксичным и показан для длительного применения [3].

Сахароснижающее действие оказывает крапива двудомная. Химические соединения крапивы, обладающие противодиабетическими эффектами, недостаточно изучены. Проведенные клинические исследования могут стать основой для дальнейших исследований противодиабетических эффектов различных извлечений из крапивы двудомной [3]. Так, экспериментально исследована эффективность водно-спиртового экстракта крапивы при сахарном диабете 2 типа на фоне приема синтетических сахароснижающих лекарственных препаратов S. Kianbakht и соавт. [7].

Для лечения сахарного диабета применяется момордика харантия, или китайская горькая дыня, содержащая около 230 соединений, преимущественно пептиды и тритерпеноиды, многие из которых обладают сахароснижающим эффектом [8].

Противодиабетическим эффектом обладают растения общеукрепляющего типа действия. Препараты женьшеня, родиолы розовой и элеутерококка оказывают выраженное гипогликемическое и гликогенсберегающее действие при сахарном диабете 1 типа. Гинсенозиды женьшеня нормализуют концентрацию глюкозы в крови при сахарном диабете 2 типа, что было подтверждено экспериментально-клинических исследованиях. В частности, «длительное (несколько недель) назначение экстракта женьшеня больным, страдающим диабетом 2 типа, в сравнении с ответом на плацебо, снижало содержание глюкозы в крови и улучшало пероральный тест на толерантность к глюкозе с увеличением ее количества в эритроцитах... У пациентов в ответ на терапию параллельно поднимались настроение и физическая работоспособность без изменения памяти и сна» [1, с. 53].

Таким образом, натуральные растительные ингредиенты при лечении больных сахарным диабетом оказывают комплексное терапевтическое действие, являясь дополнением или альтернативой инсулину и синтетическим противодиабетическим средствам. Высокую фармакотерапевтическую эффективность имеют многокомпонентные натуральные лекарственные средства, что обусловлено взаимным усилением полезных фармакологических свойств каждого ингредиента.

Литература

1. Арушанян Э.Б. Лечебные возможности препаратов корня женьшеня при сахарном диабете // Экспериментальная и клиническая фармакология. – 2009. – Т. 72, № 6. – С. 52–56.
2. Воронкова М.П. Противодиабетическая активность гимненовых кислот: автореф. дис. ... доктора биологических. – Волгоград, 2009. – 46 с.
3. Дымбрылова О.Н. Влияние экстрактов крапивы двудомной и лопуха большого на метаболические процессы и функциональное состояние эритроцитов при экспериментальном сахарном диабете: дис. ... канд. мед. наук: 14.03.06. – Томск, 2016. – 149 с.
4. Лапынина Л.А. Выделение и изучение физиологически активных соединений галеги лекарственной как сырья для получения сахароснижающего препарата: автореф. дис. ... канд. биол. наук. – Харьков, 1972. – 15 с.
5. Никонов Г.К. Основы современной фитотерапии: учеб. пособие для слушателей системы послевуз. проф. образования врачей / Г.К. Никонов, Б.М. Мануйлов. – М.: Медицина, 2005. – 518 с.
6. Спасов А.А. Фундаментальные основы поиска лекарственных средств для терапии сахарного диабета 2-го типа / А.А. Спасов, В.И. Петров, Н.И. Чепляева, К.В. Ленская // Вестник Российской академии медицинских наук. – 2013. – № 2. – С. 43–49.

7. Kianbakht S. Improved glycemic control in patients with advanced type 2 diabetes mellitus taking *Urtica dioica* leaf extract: a randomized double-blind placebo-controlled clinical trial / S. Kianbakht, F. Khalighi-Sigaroodi, F.H. Dabaghian // *Clin. Lab.* – 2013. – Vol. 59, N9–10. – P. 1071–1076.
8. Medicinal chemistry of the anti-diabetic effects of *Momordica charantia*: active constituents and modes of actions / J. Singh, E. Cumming, G. Manoharan et al. // *Open Med. Chem. J.* – 2011. – Vol. 5, N2. – P. 70–77.

THE USE OF NATURAL HERBAL INGREDIENTS IN THE TREATMENT OF DIABETES

Koreyba K.A., Tsyplakov D.E., Minabutdinov A.R., Agadzhanova K.V.

Kazan State Medical University; GAUZ «Clinic of Medical University»; Moscow State Academy of Veterinary Medicine and Biotechnology named after K.I. Skryabin

The article is devoted to the problem of using natural herbal ingredients in the treatment of diabetes. The urgency of the problem of developing effective medicines for the treatment of patients with diabetes mellitus due to the increase in the prevalence of the disease and the complications that cause disability and mortality of patients is shown. The search for antidiabetic agents of plant origin and the study of the mechanism of their therapeutic action is an important task in the treatment of diabetes. The advantages of herbal natural ingredients of drugs are described, which include pharmacological activity in combination with low toxicity and the possibility of prolonged use in the treatment of diabetes mellitus. The analysis of experimental data on the use of natural herbal ingredients in the treatment of patients with diabetes mellitus. It is shown that natural herbal ingredients in the treatment of patients with diabetes have a

complex therapeutic effect, as an addition or alternative to synthetic antidiabetic agents.

Keywords: diabetes mellitus, herbal preparations, natural ingredients, antidiabetic effect.

References

1. Arushanyan E.B. The therapeutic possibilities of ginseng root preparations for diabetes mellitus // *Experimental and Clinical Pharmacology.* – 2009. – T. 72, No.6. – P. 52–56.
2. Voronkova M.P. Antidiabetic activity of hymnenic acids: abstract. dis. ... biological doctors. – Volgograd, 2009. – 46 p.
3. Dymbrylova O.N. The effect of extracts of *Urtica dioica* nettle and large burdock on metabolic processes and the functional state of red blood cells in experimental diabetes mellitus: dis. ... candidate of medical sciences. – Tomsk, 2016. – 149 p.
4. Lapyrina L.A. Isolation and study of physiologically active compounds of the medicinal galega as a raw material for obtaining a hypoglycemic drug: author. dis. ... cand. biol. sciences. – Kharkov, 1972. – 15 p.
5. Nikonov G.K. Fundamentals of modern herbal medicine: textbook. manual for students of the postgraduate system. prof. doctors' education / G.K. Nikonov, B.M. Manuylov. – M.: Medicine, 2005. – 518 p.
6. Spasov A.A. Fundamental principles of the search for drugs for the treatment of type 2 diabetes mellitus / A.A. Spasov, V.I. Petrov, N.I. Cheplyaeva, K.V. Lenskaya // *Bulletin of the Russian Academy of Medical Sciences.* – 2013. – No. 2. – P. 43–49.
7. Kianbakht S. Improved glycemic control in patients with advanced type 2 diabetes mellitus taking *Urtica dioica* leaf extract: a randomized double-blind placebo-controlled clinical trial / S. Kianbakht, F. Khalighi-Sigaroodi, F.H. Dabaghian // *Clin. Lab.* – 2013. – Vol. 59, N9–10. – P. 1071–1076.
8. Medicinal chemistry of the anti-diabetic effects of *Momordica charantia*: active constituents and modes of actions / J. Singh, E. Cumming, G. Manoharan et al. // *Open Med. Chem. J.* – 2011. – Vol. 5, N2. – P. 70–77.

Бедность и социальное исключение

Григорьев Константин Николаевич,

кандидат экономических наук, доцент кафедры «Производственный менеджмент», Институт экономики и управления, ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет»
E-mail: 006955@pnu.edu.ru

В данной статье рассматриваются основные концепции социальной эксклюзии и их взаимосвязь с феноменом бедности. Автором проанализированы особенности генезиса понятия «социальное исключение», выявлены различные его значения. Определены предпосылки к замене термина «бедность» термином «социальное исключение». Рассмотрены подходы к концепции социального исключения зарубежных и отечественных социологов. Обобщены выводы об основных характеристиках понятия «социальная эксклюзия».

Ключевые слова: бедность, социальная эксклюзия, андеркласс, социальная стратификация, социальная депривация, дискриминация.

Исследование проблемы социального неравенства и бедности как ее частного проявления занимает ведущее место в социологической теории. Активные трансформации общества, происходящие на период конца XX – начала XXI веков, сместили акценты исследования с вертикальных классовых стратификаций на горизонтальные дифференциации, разделившие социальные группы на «инсайдеров» и «аутсайдеров». Попытки описания социальных процессов ограничения или исключения доступа индивидуума или группы к ресурсам привели к появлению новых понятий. Одним из таких понятий, используемых для описания причин социального феномена бедности, стало понятие «социальное исключение» («социальная эксклюзия»).

Основоположником теории социального исключения считается Р. Ленуар (R. Lenoir). В 1974 году, занимая должность Государственного секретаря по социальной политике Французского правительства, он подготовил и опубликовал доклад, посвященный исключению десяти процентов населения Франции третьей четверти XX века из социальной жизни общества. К категории исключенных были отнесены люди, обладающие физическими и умственными недостатками, подвергшиеся насилию, преступники, наркоманы, а также люди, склонные к суициду.

В контексте доклада «социальное исключение» рассматривалось как неспособность государства обеспечить солидарные отношения между разными группами населения, а также разрыв общественных связей между отдельными индивидами и обществом [18].

Предпосылками к зарождению концепции социальной эксклюзии послужили идеи эволюции солидарности и разделения труда основателя французской социологической школы Э. Дюркгейма (É. Durkheim), [15, 17], концепция социальной стратификации М. Вебера, (M. Weber) [5], теории социального неравенства К. Маркса (K. Marx), Ф. Энгельса (F. Engels) [8], и Т. Парсонса (T. Parsons) [9], макроэкономическая теория «порочных кругов нищеты» Р. Нурксе (R. Nurkse) [21].

Начиная с 80-х годов XX века понятие «социальной эксклюзии» начинает активно использоваться не только политологами, но и социологами при описании процессов социальной депривации.

Первые исследования бедности и социальной исключенности были проведены в Великобритании в 1983 г. Дж. Маком и С. Ленсли (J. Mack,

S. Lansley). В рамках исследований домохозяйств планировалось определить степень обеспеченности населения ресурсами для «минимально приемлемого образа жизни».

В дальнейшем исследования были продолжены в 1990 г. Д. Гордоном и С. Пантазисом (D. Gordon, C. Pantazis) и в 1999 г. группой ученых из Великобритании в составе Д. Гордона, Л. Аделмана, К. Ашворса и др. (D. Gordon, L. Adelman, K. Ashworth and etc.).

Данные исследования предоставили возможность установить зависимость между социальной изоляцией, недостаточностью социального участия и бедностью, безработицей, изоляцией от услуг. При этом под понятием «социальная исключенность» понималось отсутствие доступа к доходам и другим материальным ресурсам, рынку труда, услугам, и социальным отношениям.

Другой английский ученый Э. Гидденс (A. Giddens) в работах, посвященных историческому развитию социальных институтов, рассматривает социальное исключение как следствие неоптимального распределения доходов и общественного богатства в пользу господствующего класса [16].

Данную идею разделял и немецкий социолог У. Бэк (U. Beck), указывая на отсутствие у системы распределения ресурсов способности защиты индивидуума от рисков их неполучения [14].

С. Погам (S. Pogam) видел причину социального исключения в безработице, ведущей к «социальной дисквалификации», приводящей к зависимости от социальной помощи и полному разрушению социальных связей [10].

С точки зрения Х. Сильвер (H. Silver) социальная эксклюзия представляет собой динамический процесс взаимодействия между исключаемыми и исключателями лицами или группами лиц. При этом исключатели посредством использования специфических механизмов лишают исключаемых доступа к ресурсам и социальным связям. В различных культурах проявление социальной эксклюзии будет отличаться в зависимости от смысла и значения отдельных видов поведения и социальных практик [22].

В работах Р. Мунка «социальная эксклюзия» рассматривается как эффективный механизм для изучения процессов по воспроизводству социального неравенства. Особое внимание им уделялось влиянию глобализации на процессы расслоения общества [20].

П. Таунсенд (P. Townsend) рассматривал социальную эксклюзию по показателю относительной депривированности, как ситуацию, схожую с бедностью. Причиной относительной депривированности он считал отсутствие у людей возможности обеспечить себя условиями жизни, стандарты которых приняты в конкретном обществе и позволяют участвовать в социальных взаимодействиях, при которых появляется возможность быть полноценными гражданами общества [23].

Подход к классификации ситуаций социального исключения разработал М. Вольф (M. Wolf). В его

классификацию входят следующие виды классификационных признаков: зависимость эксклюзий от средств к существованию; от социальных услуг, благосостояния и сетей социальной безопасности; от культуры потребления; от политического выбора; от массовых организаций и солидарностей; от способности понимания происходящего [24].

В концепции андеркласса к одним из ключевых характеристик отнесения субъекта к категории бедных является их добровольное или принудительное исключение из рынка труда, а также из доминирующей культуры [3].

Датский социолог П. Абрахамсон (P. Abrahamson) трактует бедность и социальную эксклюзию как два различных социальных феномена по следующим причинам. Во-первых, бедность характеризует статическое состояние индивидуума или группы, связанное с нехваткой экономических ресурсов, а социальная эксклюзия представляет собой динамический процесс исключения индивидуума или группы из участия в социальном обмене. Во-вторых, данные феномены характерны для конкретных исторических периодов, в эпоху ранней индустриализации – бедность, в постмодернистскую эпоху – социальная эксклюзия. В-третьих, «бедность» имеет вертикальную стратификацию социального неравенства (высшие – низшие классы), социальная эксклюзия – горизонтальную (инсайдеры – аутсайдеры). Горизонтальное неравенство характеризуется различиями между людьми, имеющими примерно одинаковый статус, но входящих в разные иерархические группы [1].

Английская исследовательница проблем бедности Р. Левитас указывает на изменение смыслового значения понятия «социальная эксклюзия» в современном контексте. Если в 70–80-е гг. XX века данная дефиниция использовалась для описания разнообразных последствий бедности и неравенства, то в 90-е гг. XX века в официальных документах Еврокомиссии оно принимает значение результата воздействия неблагоприятных условий, в следствии которых отдельные социальные группы и индивидуумы исключаются или ограничиваются в социальном и экономическом взаимодействиях [19].

В последние десятилетия широко получили известность работы отечественных ученых, посвященные исследованию социального исключения, таких, как Н.Е. Тихонова, Ф.М. Бородкин, М.Ю. Ефлова, В.Р. Шмидт, М.С. Астоянц, В.К. Антонова, Е.О. Смолева, Р.Г. Минзарипов.

По мнению Н.Е. Тихоновой описание процессов исключения индивидуума из российского общества возможно с позиции горизонтальной стратификации, выявления и анализа индивидуальных «факторов риска» возникновения и развития социальной эксклюзии (данные выводы были сделаны при проведении лонгитюдного панельного исследования домохозяйств, в 1996–2002 гг., показавшего у обследуемых семей не только нехватку денег или наличие переживаемых лишений, но и отсутствие доступа к основным механизмам интеграции в обществе) [12].

Согласно Ф.М. Бородину социальное исключение является генетически обусловленным механизмом отторжения одними социальными группами других, отличных от них по каким-либо идентифицирующим признакам. При этом для исключаемых индивидуумов эксклюзия характеризуется не только ситуацией отторжения, но и определенным состоянием, связанным с текущим социальным статусом и самовосприятием человека, включающим чувство неполноценности, озлобленности, страха, отчаяния, подавленности и стыда [4].

М.Ю. Ефлова в своей диссертации указывает, что «социальное исключение определяется как тенденция современного общества, реализующаяся на макро-, мезо- и микроуровне, направленная на подавление, игнорирование обществом сложностей существования определенной группы и лишения определенного сообщества полностью или частично социальных, экономических, политических и культурных прав и возможностей» [7].

В своих работах В.Р. Шмидт рассматривает проблему социальной эксклюзии с позиции междисциплинарного подхода, используя многоуровневый сравнительный анализ данного феномена. Основной акцент в его исследованиях сделан на выявление критериев для оценки степени социального исключения индивидуума из жизни общества и мерам государственного правового регулирования социальной политики, направленной на защиту незащищенных слоев населения [13].

Так же вызывают интерес исследования М.С. Астоянц по построению причинно-следственной модели социальной эксклюзии. В основу предлагаемой модели положен анализ причинно-следственной связи между «жизненной ситуацией» и тематически релевантным исходным пунктом, из которого в дальнейшем ведется наблюдение процесса эксклюзии и установление ее связи с конкретной подсистемой общества [25].

Современное понимание социальной эксклюзии с позиции мультикультурализма предлагается В.К. Антоновой. В данном подходе рассматривается не только структурное неравенство, но и культурные, идеологические, поведенческие аспекты, отвечающие за маргинальное состояние отдельных групп, сообществ и индивидов. В рамках деятельностной парадигмы особая роль уделяется наращиванию «капитала преодоления разрывов» в виде установления доверительных отношений между различными социальными группами, способствующих продвижению в обществе социальной интеграции [2].

Особое внимание заслуживают исследования Е.О. Смолевой по выявлению механизмов эксклюзии отдельных социальных групп населения. В ходе проведенных исследований было установлено наличие взаимосвязи между механизмами эксклюзии и определенными социальными установками и стереотипами, сложившимися в обществе. Особое внимание уделено экономическому исключению индивидуума через доступ к трудоустройству, выявлены и проанализированы фак-

торы, влияющие на такое исключение: «отчуждение», «внешние причины», «характеристики личности» [11].

В современном обществе к социально исключенным можно отнести следующие общности: безработных; низкооплачиваемых работников; заключенных; условно-осужденных; вышедших из мест лишения свободы; инвалидов; детей, выросших в проблемных семьях; иммигрантов; расовые, религиозные, языковые и этнические меньшинства; лиц без определенных занятий и места жительства; люди, чье поведение осуждается или считается отклонением от нормы (в потреблении алкоголя или наркотиков, соблюдении общественного порядка, стиле одежды, общении, манерах поведения) [6].

Анализ существующих концепций «социально-го исключения» позволяет сделать следующие выводы.

Понятие «социальная эксклюзия» отличается от смыслового значения понятия «бедность». «Бедность» имеет статический характер и описывает конкретное состояние индивидуума или группы, «социальная эксклюзия» – динамический и описывает не только состояние, но и процесс изменения социальных отношений, приведших к нему. Концепция бедности рассматривает неравенство доходов, а эксклюзии – ограничения доступа к правам, через дискриминацию.

Социально исключенным присущи общие признаки экономического, политического, социального и культурного неравенств, а также идеологические и поведенческие аспекты, отвечающие за состояние исключения отдельных групп, сообществ и индивидов.

Оценка «социальной эксклюзии» является многокомпонентной, включающей в себя помимо объективных критериев субъективную оценку индивидуума, учитывающую его самоидентификацию, психологические и культурные особенности.

К основным причинам социального исключения относятся: низкий уровень доходов и социальной мобильности; невозможность либо ограничение в получении социальных, образовательных, медицинских услуг; отсутствие адекватного государственного механизма социальной интеграции; отсутствие толерантности на уровне массового сознания; правовая дискриминация.

Уровень социальной эксклюзии регулируется посредством социального контроля и поддерживается социальными и культурными моделями поведения, принятыми в обществе. Управление социальной эксклюзии должно осуществляться государством и включать в себя процессы социальной интеграции исключаемых индивидуумов и групп.

Литература

1. Абрахамсон, П. Социальная эксклюзия и бедность [Текст] / С. Абрахамсон // Общественные науки и современность. – 2001. – № 2. – С. 158–166.

2. Антонова, В.К. Концепты социальной инклюзии и эксклюзии в глобальном обществе: дрейф по социальным институтам, акторам и практикам [Текст] / В.К. Антонова // Журнал исследований социальной политики. – 2013. – Том 11. – № 2. – С. 151–170.
3. Батуренко, С.А. Исследования андеркласса в современном российском обществе: основные методологические подходы [Текст] / С.А. Батуренко // Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 18. Социология и политология. – 2011. – № 1. – С. 44–52.
4. Бородкин, Ф.М. Социальные эксклюзии [Текст] / Ф.М. Бородкин // Социологический журнал. – 2000. – № 3/4. – С. 5–17.
5. Вебер, М. Основные понятия стратификации [Текст] / М. Вебер // Социологические исследования. – 1994. – № 5. – С. 147–156.
6. Ефлова, М.Ю., Минзарипов, Р.Г. Концептуализация феномена социального исключения в социологических теориях [Текст] / М.Ю. Ефлова, Р.Г. Минзарипов // Казанский социально-гуманитарный вестник. – 2017. – № 3. – С. 30–34.
7. Ефлова Мария Юрьевна. Социальная эксклюзия депривированных групп (наркозависимых и людей, живущих с вич) в российском обществе: стратегии институционализации и опыт интеграции: диссертация ... доктора социологических наук: 22.00.04 / Ефлова Мария Юрьевна; [Место защиты: Мордовский государственный университет им.Н.П.Огарева]. – Саранск, 2015. – 393 с.
8. Маркс, К. Капитал. Том 1. Книга 1: процесс производства капитала [Текст] / К. Маркс // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1960. – Т. 23. – 900 с.
9. Парсонс, Т. Аналитический подход к теории социальной стратификации [Текст] / Т. Парсонс // Социальная стратификация. Вып. 1. – М.: – 1992. – С. 114–137.
10. Погам, С. Исключение: социальная инструментализация и результаты исследования [Текст] / С. Погам // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1996. – Т. 2. – С. 140–156.
11. Смолева, Е.О. Многодетные семьи в регионе: механизмы эксклюзии и стереотипы [Текст] / Е.О. Смолева // Социологический журнал. – 2019. – Том 25. – № 2. – С. 116–137.
12. Тихонова, Н.Е. Феномен социальной эксклюзии в условиях России [Текст] / Н.Е. Тихонова // Мир России. – 2003. – № 1. – С. 36–83.
13. Шмидт, В.Р. Междисциплинарный подход к проблеме социальной эксклюзии [Текст] / В.Р. Шмидт // Журнал исследований социальной политики. – 2004. – Т. 2. – № 4. – С. 547–566.
14. Beck U. Risk Society: Towards a New Modernity. London, 1992
15. Craig J. Calhoun. Classical sociological theory. – Wiley-Blackwell, 2002. – С. 106.
16. Giddens A. Beyond Left and Right: The Future of Radical Politics. Cambridge, 1994.
17. Kenneth Allan; Kenneth D. Allan. Explorations in Classical Sociological Theory: Seeing the Social World. – Pine Forge Press, 2005. – P. 137.
18. Lenoir R. Les Exclus: Un Francais sur Dix 2nd ed. Paris: Editions du Seuil. 1989.
19. Levitas R. The concept of social exclusion and the new Durkheimian hegemony// Critical Social Policy. – 1996. – vol. 16.
20. Munck R. Globalization and Social Exclusion: a Transformationalist Perspective. Bloomfield: Kumarian Press, 2005.
21. Nurkse R. Op. cit.; Nurkse R. Equilibrium and Growth in the World Economy. Cambridge, 1961.
22. Silver H. The process of social exclusion: the dynamics of an evolving concept // Working Paper 95. Manchester: IDPM/Chronic Poverty Research Centre (CPRC), 2007. 25 p.
23. Townsend, P. The international analysis of poverty / P. Townsend. – New York: Harvester Wheatsceaf, 1993
24. Wolf M. Globalization and Social Exclusion: Some Paradoxes // Social Exclusion: Rhetoric Reality Responses / International Institute for labor Studies. Geneva, 1994. P. 81–102.
25. Астоянц, М.С. Социальная эксклюзия: возможность моделирования на основе концепции «жизненной ситуации» // Инженерный вестник Дона [Электронный ресурс]: электронный научный журнал. – 2018. – № 4. URL: [http:// www. ivdon. ru/ ru/ magazine/ archive/ n4y2018/ 5216. htm](http://www.ivdon.ru/ru/magazine/archive/n4y2018/5216.htm) (дата обращения: 27.04.2020).

POVERTY AND SOCIAL EXCLUSION

Grigorev K.N.
Pacific State University

This article discusses the basic concepts of social exclusion and their relationship with the phenomenon of poverty. The author analyzes the features of the genesis of the concept of «social exclusion», reveals its various meanings. The prerequisites for replacing the term “poverty” with the term “social exclusion” are defined. The approaches to the concept of social exclusion of foreign and domestic sociologists are considered. Conclusions about the main characteristics of the concept of «social exclusion» are summarized.

Keywords: poverty, social exclusion, underclass, social stratification, social deprivation, discrimination.

References

1. Abrahamson, P. Social exclusion and poverty [Text] / S. Abrahamson // Social Sciences and modernity, 2001, no. 2, Pp. 158–166.
2. Antonova, V.K. Concepts of social inclusion and exclusion in global society: drift on social institutions, actors and practices [Text] / V.K. Antonova // Journal of social policy research, 2013, Vol. 11, No. 2, Pp. 151–170.
3. Baturenko, S.A. Research of the underclass in modern Russian society: basic methodological approaches [Text] / S.A. Baturenko // Vestn. Mosk. UN-TA. Ser. 18. Sociology and political science. – 2011. – № 1. – P. 44–52.
4. Borodkin, F.M. Social exclusions [Text] / F.M. Borodkin // Sociological journal, 2000, no. 3/4, Pp. 5–17.
5. Weber, M. Basic concepts of stratification [Text] / M. Weber // Sociological research. – 1994. – № 5. – P. 147–156.
6. Eflova, M. Yu., Minzaripov, R.G. Conceptualization of the phenomenon of social exclusion in sociological theories [Text] /

- M. Yu. Eflova, R.G. Minzaripov // *Kazan socio-humanitarian Bulletin*, 2017, no. 3, Pp. 30–34.
7. Eflova Maria Yurievna. Social exclusion of deprived groups (drug addicts and people living with HIV) in Russian society: institutionalization strategies and integration experience: dissertation ... doctor of social Sciences: 22.00.04 / Eflova Maria Yuryevna; [Place of protection: N. p. Ogarev Mordovian state University]. Saransk, 2015, 393 p.
 8. Marx, K. *Capital*. Volume 1. Book 1: the process of capital production [Text] / K. Marx // K. Marx, F. Engels. *Essays*. 2. – Moscow: State publishing house of political literature, 1960. – Vol. 23. – 900 p.
 9. Parsons, T. Analytical approach to the theory of social stratification [Text] / T. Parsons // *Social stratification*. Issue 1. – Moscow: – 1992. – Pp. 114–137.
 10. Pogam, S. Exception: social instrumentalization and research results [Text] / S. Pogam // *Journal of sociology and social anthropology*. – 1996. – Vol. 2. – P. 140–156.
 11. Smoleva, E.O. Large families in the region: mechanisms of exclusion and stereotypes [Text] / E.O. Smoleva // *Sociological journal*, 2019, Vol. 25, No. 2, Pp. 116–137.
 12. Tikhonova, N.E. the Phenomenon of social exclusion in Russia [Text] / N.E. Tikhonova // *Mir Rossii*. – 2003. – no. 1. – Pp. 36–83.
 13. Schmidt, V. R. an Interdisciplinary approach to the problem of social exclusion [Text] / V.R. Schmidt // *Journal of social policy research*, 2004, Vol. 2, No. 4, Pp. 547–566.
 14. Beck U. *Risk Society: Towards a New Modernity*. London, 1992
 15. Craig J. Calhoun. *Classical sociological theory*. – Wiley-Blackwell, 2002. – P. 106.
 16. Giddens A. *Beyond Left and Right: The Future of Radical Politics*. Cambridge, 1994.
 17. Kenneth Allan; Kenneth D. Allan. *Explorations in Classical Sociological Theory: Seeing the Social World*. – Pine Forge Press, 2005. – P. 137.
 18. Lenoir R. *Les Exclus: Un Francais sur Dix* 2nd ed. Paris: Editions du Seuil. 1989.
 19. Levitas R. The concept of social exclusion and the new Durkheimian hegemony // *Critical Social Policy*. – 1996. – vol. 16.
 20. Munck R. *Globalization and Social Exclusion: a Transformationalist Perspective*. Bloomfield: Kumarian Press, 2005.
 21. Nurkse R. *Op. cit.*; Nurkse R. *Equilibrium and Growth in the World Economy*. Cambridge, 1961.
 22. Silver H. The process of social exclusion: the dynamics of an evolving concept // *Working Paper 95*. Manchester: IDPM/Chronic Poverty Research Centre (CPRC), 2007. 25 p.
 23. Townsend, P. *The international analysis of poverty* / P. Townsend. – New York: Harvester Wheatsheaf, 1993
 24. Wolf M. *Globalization and Social Exclusion: Some Paradoxes // Social Exclusion: Rhetoric Reality Responses* / International Institute for labor Studies. Geneva, 1994. P. 81–102.
 25. Astoants, M.S. Social exclusion: the possibility of modeling based on the concept of «life situation» // *Engineering Bulletin of the don* [Electronic resource]: electronic scientific journal. – 2018. – no. 4. URL: [http:// www.ivdon.ru/ru/magazine/archive/n4y2018/5216.htm](http://www.ivdon.ru/ru/magazine/archive/n4y2018/5216.htm) (accessed: 27.04.2020).

Освещение темы терроризма в аудиовизуальных СМИ ЕС на примере Euronews

Мартыненко Елена Викторовна,

д.п.н., профессор, кафедра теории и истории журналистики,
Российский университет дружбы народов
E-mail: scharnchorst@mail.ru

Наврузшоева Ханифа,

магистр, кафедра теории и истории журналистики, Российский университет дружбы народов
E-mail: hanifa.navruzshoeva@gmail.com

В настоящей статье анализируется европейский медиа дискурс в контексте освещения терроризма на примере одного из ведущих новостных каналов. Освещение терроризма в СМИ содержит в себе две основные угрозы. Первая – это «спираль насилия», которая возникает вследствие «эффекта иммунизации». Постоянное освещение терроризма «закаляет» общество, повышая порог приемлемого уровня насилия в нем, и террористам приходится идти на более жестокие действия, чтобы привлечь к себе внимание. В этом и заключается «спираль насилия». Вторая – «эффект заражения». Эта опасность заключается в том, что деятельность СМИ сама по себе способствует распространению терроризма, невольно обеспечивая данному явлению высокую медийность. В статье рассматриваются конкретные примеры, относящиеся к первому и второму векторам риска, а также воздействие информационной политики в контексте освещения терроризма на европейское общество. При подготовке исследования авторами применялся системно-аналитический метод, метод социологического анализа, историко-аналитический метод и метод контент-анализа.

Ключевые слова: СМИ, ЕС, политика, общественное мнение, терроризм, опасность.

Introduction

The fundamental document which lays the subsequent foundation for resolutions is the Charter of the European Union for Human Rights. The aspect that interests us the most is spelled out in No. 12, paragraph 2, of the Charter's 2nd legal title, affirming freedom of expression and information [4]. In the European Union, both on an individual and inter-union level, measures to formulate an ethical framework for the work of journalists are being taken.

From 2014 to 2019, a list of resolutions were adopted: the European Parliament resolution of 2018 on pluralism and media freedom in the European Union [8], the European Parliament resolution of April 17, 2018 on gender equality in the media sector of the European Union [7], the directive of the European Parliament and the European Council of October 2, 2018 on the coordination of the supply of audiovisual media [6].

Media Discourse on Terrorism in Europe: historical backgrounds

The possibilities of the media in the formation of public opinion are well known. Back in the last century, many theories were developed regarding the influence exerted by television, as this was an innovation and the scientific community was worried about the degree of influence that the media acquired. One of the paradigms that explain the degree of influence of the media is the theory of the “magic bullet” [10]. It is the verbal presentation of a graphic shot. That is, the theory says that the news is a “bullet” by which the media identified with weapons shoot at the head of a passive viewer.

Media discourse is formed from a clash of values. For example, the British media consider clashes between Sharia and Western values of freedom and democracy, arguing that the latter are the only true ones. Italian media see disrespect for Western values by migrants. The problem of discourse is based on a civilizational and cultural-value basis. For example, in a German newspaper it was said about the incompatibility of values, since in the Islamic world, freedom and democracy are not the highest values for the benefit of human development. Based on how European countries view Muslims, a corresponding opinion is formed about migrants – in particular, they are seen as a threat to the social foundations of European societies.

The term terrorism comes from “terrere”, which means bullying [13]. The phenomenon itself has deeper historical roots. It can be attributed to the period of eastern tyranny, Hellenic or Roman, to the Middle Ages in Europe, to bourgeois revolutions, etc. In general, the phenomenon was inherent in any period of human

social life. Thus, the phenomenon can be described in two words, which is its basic principles – the fear generated by violence and its subsequent manipulation [11].

A new stage in the history of terrorism began in 1967. This was an important stage for the Middle East, as Israel showed its military superiority. Due to a number of victories by the Israeli military, in particular the victory in the 1967 war, Al-Fatah, the Palestinian National Liberation Movement, was born.

If we need to understand the term “terrorism”, which encompasses many categorically different movements and groups, then we should create a common typology. Excluding state terror, we will single out the difference between terrorist groups based on left and right political ideology; nationalist, separatist movements; and political and religious sects. In most cases, terrorism is a political strategy, while forceful influence is aimed at physical influence, terrorism is psychological.

In this research we are more interested in the phenomenon of Islamist terrorism, so we should focus on understanding its essence. There is nothing new in fundamentalist terrorism, it has had a place to be earlier, however, its revival has recently been observed and it should be noted right away that this statement is true not only for Islam.

Islamism originates from Egypt. The founder of the Muslim Brotherhood organization, Hassan al-Banna, was also the ideologist of political Islam – Islamism. At the beginning of the twentieth century, Egypt was under British rule; therefore, the Muslim Brotherhood strove for the country's independence and the revival of Islamic values in Egyptian society. The greatest contribution to the development of the ideas of radical Islamism was made by Sayyid Qutb. From his biography it follows that, again, a great influence was exerted by the country's dependent position on the metropolis, in particular, British ownership of the Suez Canal and exploitation of the local population. Qutb also traveled to America and upon his return claimed that their lifestyle was unacceptable to the Ummah. Even in the years when he became a member of the Muslim Brotherhood organization and was one of its main ideologists, Qutb developed more ideas of nationalism. However, the political regime in Egypt fought a tough battle with opponents. It is for this reason that, already in prison, Sayyid Qutb comes to realization of the need to combat radical measures. Then the transformation of the ideas of nationalism into radical Islamism takes place, since it is aimed at combating power that pretends to be Muslim, but in fact serves the interests of others.

A similar thing happened in other regions – because of social and political injustice, people came to the conclusion that their actions lacked coverage and radicalism.

The European Commission interprets terrorism as a threat that does not recognize borders and can affect states and people regardless of their geographical location. Individuals and groups who believe that they are able to achieve their political goals through violence are a challenge to the democratic values of European societies and threaten the rights and freedoms

of citizens, especially by randomly targeting them. A terrorist act is a crime for which there is no justification and should be treated accordingly regardless of circumstances.

A similar idea can be seen in the joint directive of the European Parliament and the Commission. It states that terrorist acts constitute one of the most serious violations of the universal values of human dignity, freedom, equality and solidarity, as well as the exercise of human rights and fundamental freedoms, on which the Union is based. They also constitute one of the most serious attacks on democracy and the rule of law, principles that are common to member states. [5]

The French Republic, in turn, has a long history of the fight against terrorism, and therefore it was reflected in the private understanding of the phenomenon at the legislative level. In the French Penal Code, terrorism is defined as a series of acts, including premeditated murder, assault, theft, theft, extortion, destruction of property, membership in an illegal armed group, cybercrimes, fake and much more that is carried out with the aim of serious violation of public order through intimidation or terror.

On the example of France, we see that the interpretation is general, devoid of specificity and, therefore, providing opportunities for all kinds of interpretations.

A similar situation is observed in the expert community. Many researchers disagree in a single formulation.

Among European experts, we begin by examining the interpretation of the Norwegian radical scholar Tore Biergo, who claims that terrorism is a set of methods of struggle that are more likely to be undetectable within the framework of an ideology or political movement and involves the deliberate use of violence against civilians in order to achieve psychological impact fear of others, and not of the immediate objects of violence.

Spanish researcher Fernando Rainares reveals three features that define terrorism for academic purposes. Firstly, it is an act of violence that causes widespread disproportionate emotional reactions, such as fear and anxiety, that can affect a person's attitude and behavior. Secondly, violence is systemic and rather unpredictable and, as a rule, is directed against symbolic goals. Thirdly, violence transmits messages and threats in order to interact and gain control over society [14].

The most fundamentally and consistently phenomenon was studied by Alex Schmidt, a scientist in the field of terrorism research. In 1988, together with his colleague Albert Jongman, he published the work *Political Terrorism: A New Guide for Actors, Authors, Concepts, Databases, Theories, and Literature*. In another work of 2004, “Terrorism is an Interpretation Problem,” the researcher presents to our attention many interpretations of the phenomenon, at the same time analyzes the problem of the lack of a general formulation and focuses on the need to seek a common approach to understanding terrorism [2].

A similar guide for journalists was released by the UN – “A Guide for Journalists: Terrorism and the Me-

dia.” It gives the meaning of terrorism in accordance with the 12th United Nations Convention against Terrorism, which proposes to use the word “terrorism” to mean any action that is aimed at causing death or serious bodily harm to civilians or non-combatants, when the purpose of such an act is to its nature or context is to intimidate a population, government or international organization [16].

In conclusion we can summarize that in order to understand modern terrorism and select approaches for relatively objective coverage of acts of violence, you should, first of all, know the history of this phenomenon. Secondly, one should listen to the opinion and delve into the work of specialists in the field of terrorism research. Thirdly, it is necessary to look for a “golden mean,” because both the law and the scientific community are pushing for this.

Euronews in European Information Space

About 140 news channels of all types are available in the European Union, regardless of their location. Of these, 43% are national news television channels, which means their program is linked to one of the European territories and is aimed at the appropriate national audience. The remaining 57% of news television channels are international and, accordingly, their programs are aimed at international, and not specifically one of the European audiences.

Euronews was founded to cover international news from a European perspective. It was founded during a period of great political upheaval, accompanying the fall of the Berlin Wall and the collapse of the Soviet Union.

The main advantages of the channel can be called the fact that it began broadcasting in the five official European languages – English, German, French, Italian and Spanish. Later Portuguese and Russian were added. In 2008, an Arabic branch appeared as it was decided to expand the non-European audience.

The main feature of the TV channel is the process of submitting information, in which the intermediary is not involved, that is, the news program is missing a presenter, and the video is accompanied by listening. This allows the audience to choose and change the language, but the key feature of this property is that the news item does not change regardless of the language change.

Another feature of Euronews is that in fact they have an editorial team, but there are no local correspondents in the broadcasting countries. The channel works with a group of editorial staff who translate news into national languages. They rely on information taken from print media. Difficulties arise when voicing the opinions of famous people, so the channel often refers to anonymous sources or to a collective image. Thus, in Euronews, sealed sources take the form of interviews with politicians, writers and other public figures.

Thanks to a large number of publishers, Euronews is one of the international networks and offers several international news channels aimed at transnational media markets or global language communities. Traditionally,

television channels adapt to the requirements of the audience, regardless of whether it is national or regional.

Euronews is 15% owned by foreign investors, and the rest of the company is owned by local European authorities and businesses. This television channel is also the first “global” news platform covering world news 24/7 in twelve languages and in a multi-cultural publication. The company intends to provide a unique European vision for world events, to promote pluralism of views, selecting material adapted to the needs of the audience.

National TV channels available on the market can be both local and foreign. On average, two of the seven available channels are national, broadcasting in the state language of the country. However, there are exceptions in markets where national television channels broadcast in a foreign language, such as in Turkey and Switzerland. Half of the existing 34 markets, television channels broadcast in official languages, while the audience has a choice of at least three. At the same time, for the rest of the market, national television channels are preferred, representing 68% of the television channels broadcasting in the official language. As a result, a balance is maintained, indicating relative diversity.

Accessibility to the information market is determined by the presence of national television channels broadcasting in the official language. Consequently, in European countries with a large number of national public broadcasters, the share of foreign television channels will be lower due to less demand. And vice versa, for countries with fewer national channels, the market will be more attractive to foreign ones, in particular, broadcasting in the national language. For example, in Poland, Netherlands, Bulgaria, Lithuania, Slovakia, Norway, the Czech Republic, Denmark and Albania, the minimum number of local television channels broadcasting in their native language.

The main section of the news program is politics, because it serves the realization of the primary task of the channel – the formation of a European position in covering world events. The editorial staff of the TV channel seeks to promote the idea of Europe in the continent’s struggle for human rights, multiculturalism, multilingualism and tolerance. In the selection of news broadcast by the TV channel, the focus is primarily on Europe and Europeans. This applies both to the processes of political development within the Union and to regression on a single European path. In particular, we are talking about the conflict of national states with Brussels.

We can conclude that Euronews has great potential and occupies a competitive position in the European media market. This is a popular and authoritative medium, which fulfills its key task, formulating a European position regarding events in the world and, mainly, in Europe.

Coverage of Terrorist Acts at Euronews (2014–2019). Content-Analysis

On January 7, 2015, an armed attack on the satirical magazine Charlie Hebdo occurred. The act of violence was

officially classified as Islamic extremism. Euronews did not pay enough attention to this case, focusing more on the words of witnesses and victims of the terrorist act: «“I fear that people could give in to this terror,” says Quentin, who knows personally some journalists at Charlie Hebdo. “That is why I heard about it very early, people called me to see if everything was ok. Then they kept calling through the day to give me their condolences”» [3].

Content analysis article:

Word	Quantity	Frequency%
That	8	1.71
About	5	1.28
Attack	6	1.28
Happen	5	1.07
Aware	4	0.85

On May 13, 2016, a terrorist act occurred in the city of Karachi, Pakistan. Euronews reported the following: «At least 43 people have been killed and another 20 injured when gunmen opened fire on a bus carrying Ismaili Shi'ite Muslims in Pakistan's southern city of Karachi» [9].

Content analysis article:

Word	Quantity	Frequency%
assault	2	1.65
Bus	2	1.65
opened fire	2	1.65/3.31
Ismaili	2	1.65
Karachi	2	1.65

On June 19, 2016, in Germany, a 17-year-old Afghan attacked people in a train. “Euronews” then wrote: «Four passengers on a train in southern Germany were wounded, three of them seriously when a 17-year-old Afghan refugee suddenly attacked them with an axe and a knife... German media sources have unconfirmed reports that the youth shouted Allah Akbar or “God is Great!”» [1].

Content analysis article:

Word	Quantity	Frequency%
Attack	6	2.52
Train	4	1.68
Germany	3	1.26
Aallah akbar	2	0.84
Passenger	3	1.26

On January 2, 2017, a terrorist act occurred in a nightclub in Istanbul. Thanks to the staff who got into social networks, Euronews recreated the picture of what is happening, describing what happened as follows: «Fleeing revelers says they heard the attacker approach, crying ‘Allah Akbar’ as his footsteps crushed the broken glass. Thirty-nine people, including at least 15 foreigners, were killed in the incident, for which ISIS has claimed responsibility. Sixty-nine people were injured and are in hospital, with four of them in a critical condition» [18].

Content analysis article:

Word	Quantity	Frequency%
Attacker	4	1.42
Nightclub	4	1.42
Allah akbar	3	1.06
Gunman	2	0.71
Kill	2	0.71

April 3, 2017th year there is an explosion in the St. Petersburg metro. Euronews publishes text reporting: «Around ten people have been killed and around 40 injured after an explosion tore through a train carriage in St. Petersburg's metro system, Russian authorities say» [15].

Content analysis article:

Word	Quantity	Frequency%
Explosion	4	1.79
Metro	4	1.79
Blast	3	1.34
Petersburg	2	0.89
Killed	2	0.89

On March 24, 2018, Euronews wrote about the murder in the small French town of Trebe: «Any community struck by a terror incident has to live with an after-shock but when that community is not a glittering capital city or world-famous landmark, incomprehension is high, and many know life will not just go on afterwards as before, unlike a battling city like London that can boast of its resilience» [17].

Content analysis article:

Word	Quantity	Frequency%
Victim	2	1.41
Kill	2	1.41
Village	2	1.41
Community	2	1.41

On March 17, 2019, shooting at a mosque in New Zealand took the lives of up to 50 people. Euronews then reported the following: «The death toll from the mosque shootings rose to 50 after investigators found another body at one of the mosques, said New Zealand's Police Commissioner said on Sunday» [12].

Content analysis article:

Word	Quantity	Frequency%
Attack	13	1.76
Gun	7	0.95
New Zealand	6	0.81/1.63
Shooting	6	0.81
Mosque	6	0.81
Christchurch	4	0.54
Gun laws	3	0.31

Conclusion

Based on the results of the content analysis, we can outline the general trend of terrorist acts' coverage on the Euronews television channel. In all cases the concretization of the place is observed, which sometimes comes to a detailed description. The type of attack is also indicated. Another equally important part of the news product is the number of victims, both dead and injured.

In this matter, illuminating the case of Breivik is indicative. Firstly, the classification of crime at first as a "terrorist act", and after a phased re-qualification as a "mass murder".

Secondly, it is the high personification of the crime. As a rule, it is advisable not to replicate the names of terrorists, since this glory is what they strive for in order to gain influence. In any case, even negative publicity can serve as a lever of pressure. Among other things, he may have admirers and even followers.

Third, Euronews cautiously approached the term "terrorist," ultimately excluding it from Breivik articles. In one study in the United States, it was rightly noted that in the news of terrorist attacks, as a rule, we can more often hear about terrorists from the Middle East or Southeast Asia, but not European ones. Usually they are called right-wing radicals or extremists, as happened in the case of the "Norwegian shooter."

In conclusion it should be noted that it is precisely the lack of understanding of the boundaries between the terrorist act and the killing of a person in a public place, as well as the reluctance to agree on a common wording for the fight against terror, that lead to political flaws affecting the field of journalism.

ISSUE OF TERRORISM IN THE EU-AUDIOVISUAL MEDIA BY THE EXAMPLE OF EURONEWS

Martynenko E.V., Navruzshoeva Kh.
RUDN University

This article analyzes the European media discourse in the context of coverage of terrorism on the example of one of the leading news channels. Media coverage of terrorism contains two main threats. The first is the «spiral of violence» that arises from the «effect of immunization.» The constant coverage of terrorism «tempers» society, raising the threshold for an acceptable level of violence in it, and terrorists have to take more brutal actions in order to attract attention. This is the «spiral of violence.» The second is the «infection effect». This danger lies in the fact that the activity of the media in itself contributes to the spread of terrorism, unwittingly providing this phenomenon with high media. The article discusses specific examples related to the first and second risk vectors, as well as the impact of information policy in the context of coverage of terrorism on European society. In preparing the study, the authors used the system-analytical method, the method of sociological analysis, the historical-analytical method and the method of content analysis.

Keywords: Media, EU, politics, public opinion, terrorism, danger.

References

1. Afghan youth attacks German train passengers with axe. URL: <https://www.euronews.com/2016/07/19/man-stabs-passengers-on-train-near-german-city-of-wurzburg-several-critically> (Date of access: 18.04.2020)
2. Alex Schmidt Terrorism: The Definitional Problem, Case Western Reserve Journal of International Law, vol. 36, issue 2, 2004.
3. Charlie Hebdo attacks: Paris shocked, but life goes on. URL: <https://www.euronews.com/2015/01/08/charlie-hebdo-attacks-paris-shocked-but-life-goes-on> (Date of access: 18.04.2020)
4. Charter of Fundamental Rights of European Union. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/treaty/char_2012/oj (Date of access: 18.04.2020)
5. Directive (EU) 2017/541 Of The Europe Parliament and the Council of 15 March 2017 on combating terrorism and replacing Council Framework Decision 2002/475/JHA and amending Council Decision 2005/671/JHA. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32017L0541> (Date of access: 18.04.2020)
6. European Parliament legislative resolution of 2 October 2018 on the proposal for a directive of the European Parliament and of the Council amending Directive 2010/13/EU on the coordination of certain provisions laid down by law, regulation, or administrative action in Member States concerning the provision of audiovisual media services in view of changing market realities. (COM(2016)0287_C8-0193/2016/015(COD)). URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2018-0364_EN.html#title1 (Date of access: 18.04.2020)
7. European Parliament resolution of 17 April 2018 on gender equality in the media sector in the EU (217/2210(INI)). URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2018-0101_EN.html (Date of access: 18.04.2020)
8. European Parliament resolution of 3 May 2018 on media pluralism and media freedom in the European Union (2017/2209(INI)). URL: http://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2018-0204_EN.html (Date of access: 18.04.2020)
9. Gunmen in Pakistan kill 43 in a bus attack. URL: <https://www.euronews.com/2015/05/13/gunmen-in-pakistan-kill-43-in-bus-attack> (Date of access: 18.04.2020)
10. Lasswell Harold Dwight. Propaganda Technique in the World War. – Peter Smith, 1927. – 328 p.
11. Martynenko E.V. (2019) Terrorism as a destructive factor of international relations. Historical evolution of the phenomenon. Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy [Theories and Problems of Political Studies], 8 (3A), pp. 153–162.
12. New Zealand shootings: death toll climbs to 50 after another body found at mosque. URL: <https://www.euronews.com/2019/03/15/new-zealand-gunman-streamed-mosque-shooting-live-on-facebook> (Date of access: 18.04.2020)
13. Parkhitko N.P., Pantaleva N.S. Juridicheskaja nauka. 2019. № 3. P. 47–50.
14. Prof. Fernando Reinares URL: https://web.archive.org/web/20090528090821/http://www.7isf.ethz.ch/program/topic-speakers/fernando_reinares.cfm (Date of access: 18.04.2020)
15. Russian media report explosions at St. Petersburg metro station casualties. URL: <https://www.euronews.com/2017/04/03/russian-media-report-explosions-at-st-petersburg-metro-station-casualties> (Date of access: 18.04.2020)
16. Security Council resolution 1566 (2005) on Threats to International Peace and Security caused by terrorist acts. URL: <https://www.un.org/ruleoflaw/blog/document/security-council-resolution-1566-2004-on-threats-to-international-peace-and-security-caused-by-terrorist-acts/> (Date of access: 18.04.2020)
17. Terror comes to small French town. URL: <https://www.euronews.com/2018/03/24/terror-comes-to-small-french-town> (Date of access: 18.04.2020)
18. Turkey nightclub attack – what we know. URL: <https://www.euronews.com/2017/01/02/turkey-nightclub-attack-what-we-know> (Date of access: 18.04.2020)

Информационно-критериальная интерпретация пространства детства

Хасанова Фируза Халимовна,

аспирант, кафедра философии, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
E-mail: khasanowafiruza@mail.ru

Проводится анализ пространства детства как системы с помощью категориально-системной методологии В.И. Разумова. Пространство детства изучается с помощью ряда информационных критериев. Рассматриваются такие параметры как пространство чувств, природный мир, культурная среда, информационная среда, образовательная система, семейная атмосфера и социальная среда. Результатом анализа стало определение основных параметров описания пространства детства для успешной интеграции в социальную среду.

Ключевые слова: детство, информационная среда, категориально-системная методология, культурная среда, образовательная система, пространство детства.

Под детством в данной статье мы будем понимать динамическую систему, имеющую множество входов (каждый вход – это отдельно взятый ребенок) и множество выходов (по числу детей включенных в социум). Интеграция ребенка в социум во многом зависит от организации пространственных характеристик детства.

Пространство детства является сложным социокультурным феноменом, отражающим особенности всех сфер жизни общества, а также особенности культуры и времени. При этом нельзя исключать психолого-педагогические особенности пространства детства, имеющие инвариантные характеристики и не зависящие от состояния общества и культуры.

Д.И. Фельдштейн в своей работе «Социальное развитие в пространстве-времени Детства» описывает детство как особое явление социального мира и как объективно необходимое состояние в динамической системе общества [1]. Данное представление о пространстве детства недостаточно, так как автор рассматривает ребенка только как будущего члена взрослого общества, а для целостного исследования детства важен конструктивный подход, в котором ребенок с раннего детства рассматривается как полноправный член общества. В статье мы будем рассматривать пространство детства как «пространство полноценной жизни ребенка, а не только пространство его подготовки к взрослому бытию» [2, с. 47].

И.Д. Демакова рассматривает пространство детства как совокупность разных «пространств», каждое из которых влияет на процесс интеграции ребенка в социум. В пространстве детства И.Д. Демаковой были выявлены следующие компоненты: природный мир; социальная среда, включая мир семейных отношений; культурная среда, включая систему образования; информационная среда; пространство чувств ребенка [3]. Это позволяет нам рассматривать пространство детства конкретного ребенка как совокупность пространств (личностного, информационного, социального и так далее).

Все сказанное выше приводит к необходимости обращения к новым парадигмам знания, таким как категориально-системная методология (КСМ) В.И. Разумова, позволяющая обрабатывать большие массивы разнообразных знаний. Основу КСМ составляют категориальные схемы (КС), которые «служат фильтрами для усвоения информации и конструкциями для ее упаковки. С помощью КС проводится также обработка конкретного содержательного материала, что позволяет строить КМ (качественные модели) объектов» [4, с. 107]. Необходимость использования данной методологии

связана с философским осмыслением пространства детства, исследование которого на основе использования инструментов КСМ дает возможность осмыслить данное явление целостно с позиции его структуры, содержания, развития и функционирования.

Используя такой инструмент КСМ как «ряд информационных критериев» (РИК), мы можем свести основные параметры описания пространства детства в следующий ряд (рис. 1):

- K1 – Пространство чувств;
- K2 – Природный мир;
- K3 – Информационная среда;
- K4 – Культурная среда;
- K5 – Образовательная система;
- K6 – Семейная атмосфера;
- K7 – Социальная среда.

Для такого ряда в категориально-системной методологии разработан метод комбинации переменных критериев. Это позволяет построить РИК на рис. 1.

					765
				754	764
		743	753	763	
	732	742	752	762	
	721	731	741	751	761
71	72	73	74	75	76

Рис. 1. РИК для определения основных параметров описания пространства детства

В результате применения метода РИК нами были получены следующие комбинации критериев:

Первый ряд:

710 – Социальная среда и Пространство чувств ребенка;

720 – Социальная среда Природный мир, окружающий ребенка;

730 – Социальная среда и Информационная среда;

740 – Социальная среда и Культурная среда;

750 – Социальная среда и Образовательная система;

760 – Социальная среда и Семейная атмосфера.

Второй ряд:

721 – Социальная среда, Природный мир и Пространство чувств ребенка;

731 – Социальная среда, Информационная среда и Пространство чувств ребенка;

741 – Социальная среда, Культурная среда и Пространство чувств ребенка;

751 – Социальная среда, Образовательная система и Пространство чувств ребенка;

761 – Социальная среда, Семейная атмосфера и Пространство чувств ребенка.

Третий ряд:

731 – Социальная среда, Информационная среда и Пространство чувств ребенка;

741 – Социальная среда, Культурная среда и Пространство чувств ребенка;

752 – Социальная среда, Образовательная система и Пространство чувств;

762 – Социальная среда, Семейная атмосфера и Пространство чувств.

Четвертый ряд:

743 – Социальная среда, Культурная среда и Информационная среда;

753 – Социальная среда, Образовательная система и Информационная среда;

763 – Социальная среда, Семейная атмосфера и Информационная среда.

Пятый ряд:

754 – Социальная среда, Образовательная система и Культурная среда;

764 – Социальная среда, Семейная атмосфера и Культурная среда.

Шестой ряд:

765 – Социальная среда, Семейная атмосфера и Образовательная система.

Данный ряд информационных критериев (рис. 1) позволяет наглядно проиллюстрировать, что пространство детства неоднородно, состоит из множества объектов, связанных между собой временными рамками. Пространство детства – это и пространство начала поиска индивидом смысла жизни (В. Франкл), который не делает жизнь человека более равновесной, скорее, наоборот, делает ее более напряженной [5, с. 21]. С раннего детства ребенок вступает на сложный путь освоения жизненного пространства: дом, детская площадка, садик, школа и так далее.

РИК позволяет целостно представить основные параметры пространства детства, например, сочетание таких информационных критериев (ИК), как 754 учитывает возможности приобщения к культуре, особенности организации образовательной системы и социальной сферы. Комбинация ИК 721 позволяет исследовать «личное» пространство ребенка (природный мир и пространство чувств). А комбинация ИК 735 дает возможность изучить влияние информационных и образовательных технологий на организацию пространства детства. РИК 765 отображает влияние таких агентов социализации ребенка как семья (Семейная атмосфера) и школа (Образовательная система).

Анализируя полученные комбинации рядов, можно выявить основные направления и идеи социализации ребенка, его «включения» в современный социум. Феномен «пространство детства» сложен, так как данное пространство часто рассматривают с позиции виртуального, а не реального явления. Данная позиция объясняется тем, что пространство детства представляет собой совокупность как природных, так и социальных факторов развития ребенка.

Таким образом, РИК (рис. 1) дает нам возможность произвести своеобразную детализацию и упаковку знаний об основных идеях организации пространства детства. Данная модель не только наглядно иллюстрирует сущностные характеристики, но и позволяет создать определенный алгоритм анализа параметров пространства детства, обеспечивающих интеграцию ребенка в социальную среду.

Литература

1. Фельдштейн Д.И. Социальное развитие в пространстве-времени Детства. М.: Флинта, 1997. 160 с.
2. Демакова И.Д. Педагогика и психология о феномене «пространство детства» // Вестн. Калмыц. Ун-та, 2012. № 1 (13). С. 42–49.
3. Демакова И.Д. Воспитательная деятельность педагога как фактор гуманизации пространства детства. Вопросы теории. Казань: Р-пресс, 2000. С. 23–24.
4. Разумов В.И. Категориально-системная методология в подготовке ученых: учебное пособие / вступ. ст. А.Г. Теслинова. 2-е изд., стереотип. Омск: Ом. гос. ун-т, 2008. 277 с.
5. Франкл В. Человек в поисках смысла: Сборник: Пер. с англ. и нем. / Общ. ред. Л.Я. Гозмана, Д.А. Леонтьева. М.: Прогресс, 1990. 368 с.

INFORMATION-CRITERIA-BASED INTERPRETATION OF THE SPACE OF CHILDHOOD

Khasanova F. Kh.

Omsk state University. F.M. Dostoevsky

The analysis of childhood space as a system is carried out using V.I. Razumov's categorical-system methodology. The space of childhood is studied using a number of information criteria. Such parameters as the natural world, the space of feelings, cultural environment, family atmosphere, educational system, information and social environment are considered. The analysis resulted in determining the main parameters of describing the childhood space for successful integration into the social environment.

Keywords: childhood, information environment, categorical system methodology, cultural environment, educational system, childhood space.

References

1. Feldstein D.I. Social development in the space-time of Childhood. M.: Flint, 1997. 160 p.
2. Demakova I.D. Pedagogy and psychology about the phenomenon of "space of childhood" // Tomsk State University Journal. Kalmyts. Un-ta, 2012. No. 1 (13). P. 42–49.
3. Demakova I.D. Educational activities of a teacher as a factor in the humanization of childhood space. Theory issues. Kazan: R-press, 2000. P. 23–24.
4. Razumov V.I. Categorical-systemic methodology in the preparation of scientists: a training manual / entry. Art. A.G. Teslinova. 2nd ed., Stereotype. Omsk: Ohm. state Univ., 2008. 267 p.
5. Frankl V. A man in search of meaning: Collection: Transl. from English and German / Total. ed. L. Ya. Gozman, D.A. Leontiev. M.: Progress, 1990. 368 p.

Фундаментальные исследования взаимосвязи политического, социального и экономического секторов развития с религией в целом и исламом в частности

Далал Бенбутриф,

кандидат философских наук, кафедра социальной философии, Уральский федеральный университет
E-mail: dallele88@gmail.com

Это исследование призвано прояснить взаимосвязь между религией и основными типами развития, включая социальные, политические и экономические события, сосредоточив внимание на исламе. Исследование, во-первых, анализирует связь религии и экономического развития с обращением к фундаментальным принципам исламской экономики в ходе анализа двух моделей связи между исламом и экономикой: (I) ислам и экономический рост в Малайзии, и (II) Турция и экономический прогресс. Во-вторых, в исследовании рассматривается связь между религией и социальным развитием: роль религии в развитии общества рассматривается в контексте социальной задачи сокращения бедности. Отстаивается роль религии как посредника между социальным и нравственным развитием общества и важность изучения исламской этической доктрины для общества. В-третьих, исследование проясняет связь между религией и политическим развитием, объясняя, как Запад может достичь демократии через процесс секуляризации, и оценивая имеющиеся вызовы между исламом и демократией посредством анализа исламской политической структуры. Результаты подтвердили, что религиозные инструкции (включая ислам) не находятся в конфликте с развитием и могут каким-то образом оказывать положительное влияние на конкретные сектора развития. Негативные последствия религии проявляются, когда религиозные лидеры неверно истолковывают понятия религии или злоупотребляют именем религии в погоне за властью.

Ключевые слова: религия, ислам, развитие, экономика, политика, общество.

Introduction

The 21st century is the century with secularization spread in the world and is the century of returning religious speech to the arena. In fact, the 20th century was dominated by secularization. By looking through the 21st century, religion could become a dominant, as the French thinker, Andre Malraux said: "The 21st century will be religious or will not be". He predicted that the 21st century is a religious revival of tolerance faith and/or violent conflict. During the last decades, people have shown more tend to declare their faith and having a religious experience even in the Western Europeans, which is the main sector of secularization. The 21st century is the century which has been dominated by scientific and technological development, however, the necessity for spiritual direction will be stronger than ever and science alone is not enough for human spiritual needs [Naser, 2018]. This shows the importance of attention to the religion and analysis its relations and conflicts with the development sectors.

Regarding lacking a comprehensive disinterested research clarifying the relation of religion and development and its current challenges, specifically Islam religion, the current research tried to clarify the relations, contrasts and interactions between religion and the four major types of development, by focusing on the Islam religion, including: Economic development; Social development; Political development; and Scientific development.

1. Religion and economic development

There is a connection between economy and technological advancement with secularization, such as in South Korea, which achieved to a strong economic level, parallelly with the increase of Christianity growth to around 37%, during the enormous development of South Korea. Let's looking to the previous communist countries; they changed from Atheist to the stronger religious revival, as such Poland with the importance of Catholic culture there, and Russia where the Orthodox Church has presented a sense of Russian identity as a culture for them. China is another example, as the most Chinese were Atheist, but Chinese folk religion and Buddhism never moved out from the society and even Christianity has grown in Chinese societies recently. Development, as a concept, is confusing and

is applied in multiple contexts. It is, first identified as a series of on-going targeted and invariable changes in the forms of complicated bodies, i.e., systems [Grzebyk, 2014. P 17–21]. These changes, in the view of authors, are both qualitative and quantitative in nature (as it includes improving and upgrading existing events as well as forming and developing new ones in systems) such as economic, social and political. Therefore, the characteristics of this identified changes are inalterable and the positive evaluation of on-going changes from the view of a given value system or standards accepted by interest groups in a regional or local viewpoint. Procedures of changes in a socio-economic system, in contrast, are determined by human activity and behaviour (regulating and monitoring).

In fact, several aspects of religion like religious views and practice, religious identities and performers, and religious organizations can enhance or block the process of economic development. Some religious basic principles and instructions could effectively have positive or negative impacts on economic sector, as procedures of changes in a socio-economic system are determined by human activity and behavior; some religious faiths may promote good behaviors like honesty, sense of saving and a work ethic, or in contrast could promote dangerous religious beliefs and acts, which negatively effect on economy. But, generally and regardless the ethical effects of religion, we could conclude that religion has almost neutral effect on economy sector.

The issue on Islamic economic system stays controversial. There are discussions among Muslims and non-Muslims concerning this system whether there is an Islamic economy even exists. The reality is that there are general regulatory texts on the Islamic economy in the Qur'an. However, there is no proof either in the Quran or the Prophet's hadith, which imply a systematic Islamic economy. In reality, the actual practice of an Islamic economic system is just limited to interest-free banking, which hardly happen in reality. There must be an optimal inflation rate for economic growth in any country, so the producers and the investors are encouraged to produce. In Islamic banking policy, if there is no interest (profit, which in Islam is called Riba and is prohibited), that is, the interest on the loan given is zero, the system will fail completely in the short run. If the profit is below inflation, then the system will fail in the medium term because the money invested has lost value. Therefore, in the Islamic banking system, if the interest rate on the loan is equal to or less than the inflation rate, the investor or the lender faces bankruptcy and the Islamic Bank becomes bankrupt. The only way that the Islamic bank can succeed is that the interest rate on the loan that the bank takes from the borrower is higher than the inflation rate, so that the bank can maintain the value of the investor's money and also can provide the bank's expenses including the cost of renting the place, employees' salary and utility payment. This is in fact the conventional global banking system. Therefore, the Islamic banking system stays at the theoretical level, unless the Islam-

ic government regularly provides the loss of money to the bank, which in reality hardly would happen, and even it happens, it should be called a charity organization and not a bank.

Other characteristics of an Islamic economy like matters of prohibition of indulgence, prohibition of exploitation, equality and justice, discrimination avoidance and welfare preparation are ignored or marginalized. Some claim that Islamic instruction values have benefited non-Muslims in the free-market economies as there are no major differences between Islam and secular economic systems. Corresponding to the UNDP report, political changes, tensions, sanctions and restrictions have influenced on many Muslim economies, causing decreases in productivity, and disrupting economy. Moreover, the effects of the wars in Muslim countries must be taken into account, which were gradual growth, damaged infrastructure and recession.

Studies on whether Islam has impacted on economic growth, demonstrate a positive correlation in Malaysia: this country's experience shows that Islam can somehow contribute to economic growth. In Malaysia, however, reports on development at the sub-national level confirm that there is no strong connection between specific religion and economic performance. Ultimately, Malaysia's redistribution of wealth boosts economic growth. Malaysia's program for economic growth since independence has included political stability, great policies – economy modification from natural resource exports to industrialization, positive activities for the wealth distribution, state rational economic involvement and Malaysian incorporation— Malaysia's application of Islamic economy can substantially be observed through the formation of Islamic banking, the management of zakat collection, and the encouragement of women. In total, the Islamic economic system is almost well-established in Malaysia and its form certainly interacts with politics for stability, social justice for redistribution of zakat and worshipping, and a means for the encouragement of women, however, still the Islamic banking credit is less responsive than conventional banking credit to interest rate shocks in both the high and low growth regimes.

But, by having a look through the Turkish economic system, and if we intend to understand how Islamic society will form its own identity, we must recognize Islamic economy and finance greatly with all its principles. However, we constantly must keep in mind the following contradiction. On the one hand, some people view Islam as a way of life, and on the other hand, some people view it simply as a religion. That is why Islamic economics has a multi-dimensional concept. In fact, Islam in its simplest form is full of moral values and principles. There is nothing in conflict to these values and principles. Moral values and principles are also at the base of Islamic economics. However, so far in Turkey, the Islamic economy could not move outside of a theoretical scheme, towards a practical system. A comprehensive Islamic economic and financial system is still far from reality, as numerous challenges accompanied the development of its organizations

and mechanisms. Even though it is promising, and profitable, Islamic economics and banking is still at an initial phase of development, for instance, in the modern Turkish economy.

2. Religion and social development relation

The research disputes the widespread view that religion exists just in the church, temple, or other spiritual sites, that is, religion exists separately from society. Although, this point of view might look correct at first glance, a deeper look at religion and society shows that the two are not separate at all, but closely interconnected and co-dependent. In fact, religion is essential within several facets of society, and religious values certainly affect areas like politics, economics, and social-cultural values. This correlation between religion and society can be viewed in Islamic religion and Muslim social culture, Christianity and economics, as well as in Buddhism and politics. In all these religions, we can find insight into the community that exists, as well as comparing these religions and their relationships with society. Religion applies a profound effect on all societies and many of the world's nations. During the history, it has shown to be the major force for social progress, motivating people to develop spiritual qualities, and enabling them to sacrifice for their fellow human-beings and to contribute to the advancement of their societies. Those common spiritual values which lie at the heart of religion are included tolerance, kindness, love, justice, humility, sacrifice, honesty, commitment, and unity, which are the foundations of progressive civilization.

The relationship between religion and spirituality

Current discussions about the social role of religion are complicated by the inclusion of the concept of spirituality. Based on the material of the sociology of religion, one can distinguish between “substantive” definitions of religion (trying to fix the essence, that is, the substance of religion). Such an understanding recognises religion as believing in something otherworldly. “Functional” definitions record what religion does. For example, it is considered that it provides people with a worldview that helps them find meaning in life or unite in prayer. For most scholars, spirituality is an aspect of religion. But at the same time, it is emphasized that non-institutionalized spirituality exists in. In religious institutions, it is no coincidence that many people describe themselves as spiritual, but not religious, and these conceptual differences are symptomatic in the way, in which people communicate with the otherworldly, and above all with the God.

Religion is a political organization that has principles about the God and how individuals must behave corresponding to rules specified by the religion, whereas spirituality is a link to bigger objects like life, physicality, and the interconnectedness of all matters. Religion is an established institution, whereas spirituality is more a private relation to the God or the creator, or whatever defined as a greater being. A survey performed by the Public Religion Research Institute (PRRI) has resulted in findings of religiosity and spirituality

senses relation, in 2017. Around 2,000 Americans took part in the PRRI survey in 2017. The results indicated that 18 percent of Americans identified as spiritual but not religious; 29 percent of them recognized to be religious and spiritual; 22 percent identified as religious but not spiritual; and 31 percent recognized to be neither spiritual nor religious. However, most Americans who declared to be spiritual but not religious still identify with a religious tradition. [Robert, et al. 2017]. This is correct to say that generally, religion is something different from spirituality, but in most cases religious concepts could help most people to reach higher levels of spirituality. This fact has not changed during the last 20 years, from 1997 to 2017. However, it is important to mention that the way the connection between religion and spirituality is seen differs, regarding the type of religious group a person belongs, the type of country, gender, level of education and wealth [Shahabi, 2002:59–68].

The interconnectedness of spirituality and social development

A research was performed by PRRI/Florida State University at 2017 (Inspirational Media Survey), regarding the relation of spirituality and religiosity senses with life satisfaction of Americans. The results showed that a person's level of spirituality is a constantly strong predictor of how satisfied he/she is with several facets of his/her life. Spiritual individuals – regardless of whether they are religious or not – reported greater levels of satisfaction with their relationships, communities, and life in general than do nonspiritual persons. For instance, Americans who are more spiritually oriented are also more apt than those who are less spiritually motivated to engage in various kinds of pro-social behaviors, like doing favors for others or stating gratitude and appreciation. Therefore, the importance of religion in social development is clear by the role of spirituality as the mediator between religion and social development, which is mostly derived from the religiosity, as even most people who declare to have spirituality sense and not the religiosity sense, identify with a religious tradition. This means spirituality, which is mostly the essence of religiosity, could enhance prosocial behaviors of individuals.

Islam and social development

The Islamic religion makes covenants on how to live, in accordance with the will of the God, in several individual and social features of life, and faced with different life challenges. It guides believers towards gaining knowledge, living and benefiting from life blessings, hard work, discipline, abolition of poverty, reduction of waste, social justice, etc., All these contribute to a suitable development direction. Even though, some verses and Islamic instructions give validation to the development of society, there are some chief reasons for the absence of development in most Islamic areas such as: absence of practice of real Islam after the Prophet Muhammad passed away, deviation from unique Islam, different and sometimes wrong interpretations of the Quran, preferring own benefits over the benefits of Islam,

presence of civil war in the lands of Muslims and the damage caused by armed attacks on Islamic nations, colonial domination over Islamic countries and following the Western models to attain development (which might be in contrast with Islamic culture, for instance).

In conclusion, considering these diverse data and arguments, it should be said that the belief that poverty is something beyond just lacking money means development must concentrate also on developing what people have considered as value, which demonstrates the importance of considering the role of religion and faith in development arena. Religious groups make a major impact on poverty reduction via humanitarian aids, the service delivery, enabling the poor, creating peaceful countries and communities, and providing support for development. By considering "poverty reduction" factor as an element of social development, religious groups can provide support for development by battling with the poverty (both material and spiritual poverty). Religion and spirituality are not the same matters, but also are not entirely different matters; and it's better to declare that religion and spirituality are different but overlapped each other. Generally, the attention of social development should move outside of the social-political and cultural developments that happened in the setting of social institutions, to social-emotional and moral development in individual levels, by assistance of religion and faith.

3. Religion and Political development relation

The research proceeded the fact that religion and politics are concepts that define two different and interdependent subsystems of society. Even though the concepts are unconnected analytically, the connection between religion and politics is characterized by interdependence. Religion is a system of values with leaders maintaining and governing the body of those affiliated to the religion. The domains of religion and politics share this similarity that it comprises of a group of individuals getting decisions based on specific concerns. The decisions are implemented by the heads of the groups. Sometimes the decisions overlap and sometimes can be different and lead to conflict. Thus, two domains exist, each with its own agenda, system, decisions and leaders. The struggle for power between politics and religion seems to be unavoidable.

Although most democratic theoreticians agree that the values of democracy and human rights come from extra-religious sources, democracies rely on the existence of a particular ethos of citizens to follow laws to prioritize the public good over individual activities. It is here that religion can perform an important act. Democracy cannot succeed without commitment to moral principles. It is here that the huge debt of democracy to religion is indicated: Religions as supporters of morality can work as the best sponsors of democracy. While democracies require to be neutral on religious views, they do depend on specific sources of morality, for which religion could act as a morality supplier. While the first two waves of democracy were mainly Protestant waves, the third wave (after 1974) was frequently

stated as the Catholic wave and the fourth wave (after 1989) had involved several Orthodox-Christian countries, and non-Christian countries with Islamic backgrounds. Whereas the question of the adaptability of democracy with religion was one of the main debates of scholars so far, the fourth wave has given experimental validity to the debates that all religions are multidimensional and can be adapted with democratic values and human rights, if and where local religious scholars achieve in creating debates within their own religious instructions supportive of such values. In turn, given the interdependent connection between religion and politics, religious values and practices grow within the environment of socio-political organizations. In other words, the political system style can considerably adapt religious principles and practices with modernity, in the medium to a long time.

Islam and political development

An analysis by modern religious scholars indicated that Muslims are more diverse than some Western scholars and the media imagine or describe. Islamic scholars develop different and even conflicting readings of Islam and reality. Therefore, it is logical to judge that a lot of orientalist and neo-orientalist fall into the trap of rapid generalization when they consider all Muslims as traditionalist.

The discussion amongst Muslims on issues such as modernization and democracy go back to the early 20th century when Muslims realized the massive gap between how to define their book / sacred text as the best nation in humanity and a fact that contradicts this claim. In the center of this gap is how Muslims would reply to the challenge of having a good authority. In reply to this common problem, this research displayed three different schools of thought as: traditionalists, modernists, and secularists. Traditionalists seek for an Islamic regime that is not comparable or even close to any other un-Islamic governments. It is closer to the moral state that was founded by the prophet in the 7th century. This system of government contrasts with democracy. Modernists seek for a government system that is compatible with Islam instead of being particularly Islamic. To them most facets of democracy are compatible with their reading of Islam. Secularists do not concern about how Islamic or moral the government system should be, as they claim that religious texts can be read in different and conflicting ways. So, they do not help very much and better to be ignored when they arise to face political challenges. Secularists do not believe that holy texts talk much about how to run the societies. Holy texts are admirable sources of creeds and ethics but not politics and economics.

The research examined the connection between democracy and Islam. It is shown that one key reason of lack of democracy in the Islamic world is the existence of very powerful and aggressive authoritarian regimes (Traditionalists). In these situations, even though the citizens desire democracy, the present government refuses democracy to keep its power and profits. Hence, some will claim that the emphasis of

democratic research must not be on cultural preconditions, but instead, it must be essentially on political actors. This is important for the Islamic areas, which are controlled by authoritarian governments and dictators. People in Islamic societies wish to have democracy, but what makes it less feasible for them to reach democratic political state is the authoritarian regimes (in most cases) in power, at present. In other words, many Muslims keenly try for a democratic political system, but aggressive dictators try to make them silent. As a religion, Islam includes democratic notions like shura (consultation), and Ijtihad (independent reasoning or the thorough exertion of a jurist's mental faculty in finding a solution to a legal question). Since Islam defends democracy and Muslims desire it, so Islam contrasts with democracy holds no truth. However, there is an absence of democratic development in the most Islamic areas and it is affected by several things other than religion, most importantly, the existence of aggressive authoritarian governments (Traditionalists).

Conclusion and discussion

Religious restoration has been one of the major aspects of capitalism's development (as the base of economic development) in the West. But the Muslim societies didn't find the opportunity of capitalism development. This is true that the Muslim societies have lots of restrictions towards the modernity and development, but the real reason is not the Islamic religion itself, and the scholars should find and focus on other reasons, such as long-term colonialism, abusing of religious authority, false perceptions of religion by extremist groups and political games.

Generally, direct religious instructions (included Islam) of the holy books presented some specific moral values and principles, which are useful and helpful in all development sectors of society including social, political, economic and scientific developments, as it could positively affect the behaviors and acts of individuals. But unfortunately, on the other hand, religious instructions could have negative effects on all development sectors due to misinterpretation presented by clerics to people, and this would be much more dangerous when the religious leaders find the political power, for instance the role of the church in the Medieval Europe, the current Islamic Republic of Iran and the Saudi Arabia, which all examples led to the religious dictatorship, corruption and superstition. This mode is happening in Islamic nations more, as the holy book 'Quran' is an open-ended book with lots of interpretations, so some Islamic preaches could be negative and harmful to development sectors. For instance, the three most dangerous terrorist organizations in the world have been advent by the name of Islam, by presenting their own interpretations of the holy Quran and its instructions: Islamic State group (IS), Al Qaeda, and Taliban.

Regardless the moral effects, religious instructions have an almost neutral effect on economic development as it doesn't present any systematic economy

scheme, and this claim of some Islamic countries to present Islamic economy has almost remained in theory level and is not performable in practice, at least so far. For instance, the claim of forming the Islamic banking system (free-interest bank) was almost failed as the main reason of economic development of a country is capitalism system, but in the case of the Islamic banking system, the investors logically do not tend to invest in a bank which cannot provide and guarantee the interest (profit) of their invested money, so the Islamic bank is bankrupted without having the investments, and due to this fact also that the Islamic bank cannot afford its own expenses, including the cost of renting the place, employees' salary and utility payment, if it works as a free-interest bank.

As poverty reduction is an element of social development and poverty is a reason of social inequality and mental health, so religion could have positive effects on social development through poverty reduction (both material and spiritual poverty), by affecting society attitudes and pushing governments to consider poverty reduction policies, and also by founding charity places and religious institutions. However, spiritual sense could be something beyond of religion as a lot of people declare to be not religious, but they have spiritual senses of humanity and altruism. In fact, religion and spirituality are different but overlap each other and religion could act as a medium between spiritually and social development. Generally, the attention of social development should not just be on the social-political and cultural developments, and it should also consider social-emotional and moral development in individual levels, by assistance of religion and faith.

Regarding relation of religion and political development by considering Islam, two different opinions concerning the connection of Islam to development are available. The major concern is about the adaptability issue whether Islam influences development negatively or, in contrast, impacts on it in a positive way. Most Western researchers supported the first opinion accusing that Islam is in contrast with development, whereas Muslim researchers and even some western researchers believe in the second opinion convincing that Islam is effectively adaptable to development. The backwardness of many current Islamic areas is accused by some scholars on different sides of Islamic beliefs and behavioral restrictions. It was indicated in this research that three school of thoughts exist in the political structure of Islamic countries: Traditionalist, Modernist and Secularist. Among these, the Islamic secularists are the closest to the Western model of liberal democracy. Islamic secularists do not concern about how Islamic or moral the government system should be, as they claim that religious texts can be read in different and conflicting ways, so they do not help very much and better to be ignored when they arise to face political challenges. Secularists do not believe that holy texts talk much about how to run the societies. Holy texts are admirable sources of creeds and ethics but not politics and economics.

After all, the results of the current research have approved that 'Religious basic principles and instruc-

tions (included Islam) are not in conflict with development, and somehow could have positive effects on specific development spheres. The negative effects of religion appear when religious leaders misinterpret the concepts of religion or abuse the name of religion in pursuit of power.' Religion can definitely be the force for good, which can help to develop our society. However, religion also can be very destructive for the development of the society. It is very conservative and difficult to budge on some very important issues. We must cherish the positive impacts of the religion on the society, but also be aware that religion in wrong hand can become a real force of evil that is also willing to do some terrible things. All in all, religion has beneficial effects on development of the society, and most important thing is that we cherish them.

FUNDAMENTAL RESEARCH ON THE RELATION OF POLITICAL, SOCIAL AND ECONOMIC SECTORS OF DEVELOPMENT ARENA WITH RELIGION IN GENERAL, AND ISLAM IN SPECIFIC

Benboutrif D.

Ural Federal University

This research sets out to clarify the interactions between religion and the major types of development including social, political, and economic developments, by focusing on Islam. The research, firstly, analyses the relation of religion and economic development, with an appeal to the fundamental principles of the Islamic economy during the analysis of two models for the connection between Islam and the

economy: (I) Islam and economic growth in Malaysia, and (II) Turkey and economic progress. Secondly, the research examines the connection between religion and social development: the role of religion in the development of society is considered in the context of the social task of poverty reduction. The role of religion as an intermediary between the social and moral development of society and the importance of studying Islamic ethical doctrine for society are defended. Thirdly, the research clarifies the relation between religion and political development, by explaining how the West could reach democracy through secularization process, and by assessment of the available challenges between Islam and democracy through the analysis of the Islamic political structure. The results approved that religious instructions (included Islam) are not in conflict with development and somehow, could have positive effects on specific development sectors. The negative effects of religion appear when religious leaders misinterpret the concepts of religion or abuse the name of religion in pursuit of power.

Keywords: Religion, Islam, Development, Economy, Politics, Society

References

1. Grzebyk. M, Stec. M. Social and economic development of Ukraine in comparison to European Union Member States: statistical evaluation / Grzebyk. M, Stec. M // Economic Annals XXI. – 2014. – Vol 5. N^o, 6. –Pp 17–21.
2. Nacer M. Principle and methodology of Islamic economy: conference /Nacer M// University of Economics and Management science, Blida. – Pp. 4–5.
3. Robert P. Jones, Cox D. Raney A. "Searching for Spirituality in the U.S.: A New Look at the Spiritual but Not Religious."/ Robert P. Jones, Cox D. Raney A// PRRI. – 2017.
4. Shahabi. L. Correlates of self-perception of spirituality in American adults/Shahabi. L [et al.] // Annals of Behavioral Medicine. – 2002. – Vol 24. – Pp. 59–68.

Социально-психологические характеристики трудового коллектива как факторы восприятия организационной культуры и лояльности к организации медицинских сестёр

Орлов Александр Владимирович,

к.б.н., доцент, кафедра психофизиологии, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
E-mail: ao1111@mail.ru

Орлова Ольга Михайловна,

ассистент, кафедра психологии управления, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
E-mail: oom800@ya.ru

В исследовании с помощью корреляционного анализа изучается значение социально-психологических факторов труда медсестёр для восприятия ими организационной культуры и проявления лояльности к организации. Используется оригинальная методика диагностики социально-психологических характеристик трудового коллектива. Показано, что восприятие выраженности признаков того или иного типа организационной культуры медсёстрами связано с такими факторами, как социально-психологический климат, свобода и демократичность отношений, коллективизм. Лояльность к организации работников зависит от сплочённости коллектива, межличностных отношений и отношения к непосредственному руководителю, проявлений коллективизма и способности группы предупреждать конфликты, а также от вовлечения медсестёр в организационные процессы и ощущения ими заботы со стороны руководства.

Ключевые слова: социально-психологические характеристики трудового коллектива, профессиональная деятельность медицинских сестёр, восприятие организационной культуры, лояльность к организации.

Организации современного типа стараются отходить от прямых директивных методов управления и активнее использовать социально-психологические факторы для того, чтобы добиться максимальной интеграции работников в компанию на основе механизмов доверия, принятия корпоративной культуры, формирования системы общих ценностей организации и её сотрудников [1; 2]. Понимание того факта, что персонал – это основной ресурс компании и от его поведения зависит её будущее, заставляет руководство организаций обращать внимание на субъективное мнение подчинённых, анализировать факторы, влияющие на него. Особое место среди этих факторов имеют социальные и психологические, так как работник, как правило, трудится в социальной среде и всё происходящее преломляется в его сознании через его личное мнение и мнение трудового коллектива.

Роль социально-психологических факторов в процессе труда изучается довольно давно [3; 4]. Главным образом изучалось их влияние на удовлетворённость трудом, мотивацию, лояльность работников. Показано существенное влияние социально-психологического климата, доверия, стилей управления и др. в осуществлении профессиональной деятельности. Особый интерес представляют исследования профессиональной деятельности медицинских работников. Их трудовая деятельность, как правило, является полимотивированной и испытывает влияние множества социальных и психологических факторов [5]. Вместе с тем, труд медиков отличается высокими требованиями и ответственностью персонала [6]. Изучение роли социально-психологических факторов на различные составляющие труда медицинских работников представляется актуальной задачей с учётом трансформации деятельности медицинских организаций в современных экономических и управленческих условиях.

В данном исследовании изучалось восприятие медицинскими сёстрами больниц своих учреждений. Интегрированность медработников в организационные процессы, а также принятие или неприятие ими социальной и организационной среды могут иметь существенное значение для выполнения поставленных задач [7]. Целью исследования была оценка значения социально-психологических

и организационных условий работы медсестёр в трудовых коллективах для восприятия ими культуры больниц и проявления лояльности к своим организациям.

В исследовании участвовали 44 медицинских сестры из 4 отделений трёх государственных больниц г. Нижнего Новгорода. Возраст респондентов – от 25 до 43 лет. Общая выборка была разделена на 2 группы по возрасту для сравнительного анализа. В первую группу отнесены медсестры до 30 лет, во вторую – старше 30 лет. Проведено сравнение групп. Достоверность различий оценивалась с помощью критерия Манна-Уитни.

Восприятие своих трудовых коллективов медсёстрами изучалось с помощью методики «Социально-психологические характеристики трудового коллектива» в разработке А.В. Орлова. Данная методика предназначена для описания социальных факторов организационной среды. Она имеет вид опросника в форме биполярных шкал, с помощью которых осуществляется субъективная оценка некоторых характеристик трудового коллектива и организации.

Методика «Социальные характеристики трудового коллектива» имеет вид таблицы с вопросами и включает 80 пунктов. Каждый пункт имеет два альтернативных утверждения, например «Обстановка хорошая» или «Обстановка плохая», и шкалой от +3 до –3, показывающей частоту возникновения определённой ситуации или ситуации, противоположной ей по характеристикам. Отрицательные баллы говорят о превалировании негативных ситуаций, положительные – позитивных. При этом +3 балла (или –3) начисляются, если данная ситуация возникает постоянно; +2 (или –2) – значительно чаще, чем альтернативная; +1 (или –1) – немного чаще, чем альтернативная. Ноль указывает на равную частоту как положительных, так и отрицательных ситуаций. Пункты опросника группируются в 20 шкал, описывающих с разных сторон отношения в коллективе, социально-психологический климат, удовлетворённость работой и организацией.

В методике есть несколько интегральных показателей, выделенных с помощью кластерного анализа. Интегративные показатели включают несколько шкал и комплексно описывают соответствующие социальные характеристики организационной среды:

1) Поддержание целостности коллектива (шкалы «Стремление к единению», «Следование социальным нормам и правилам», «Коллективизм в группе», «Предупреждение конфликтов»);

2) Социально-психологический климат в коллективе (шкалы «Эмоциональный фон», «Взаимопонимание в коллективе», «Межличностные отношения и доверие в коллективе»);

3) Отношение к делу в коллективе (шкалы «Готовность к взаимодействию и взаимопомощь», «Трудовая мотивация», «Готовность к инновациям и саморазвитию в коллективе»);

4) Руководство и принятие решений в коллективе (шкалы «Свобода и демократичность в отношениях с руководителем коллектива», «Демократичность принятия решений», «Отношение подчинённых к руководителю»);

5) Отношение к организации (шкалы «Удовлетворённость работой», «Лояльность сотрудников к организации», «Проявление заботы и вовлечение сотрудников в организационные процессы»).

Другие шкалы, не включены в интегративные показатели, анализируются отдельно: «Терпимость в коллективе», «Отношение коллектива к новым членам», «Организованность работы коллектива, предсказуемость рабочих ситуаций», «Значение неформальных отношений в социально-управленческом взаимодействии».

Опросник «Социальные характеристики трудового коллектива» построен таким образом, что описывает мнение респондента о том, как действуют его коллеги в большинстве ситуаций. Работник даёт обобщённую характеристику коллектива по тому, как, по его мнению, ведут себя большинство его членов. Восприятие характеристик трудового коллектива респондентом, выраженное в оценках, трактуется и как его мнение о тех или иных сторонах деятельности группы, и как его отношение к ней (положительное или отрицательное). Чем больше позитивных элементов отмечает респондент, тем лучше его мнение и о коллективе, и о ситуациях, которые в нём имеют место. Коллектив характеризуется обобщённой оценкой его членов на основе групповых показателей и показателей вариативности. Групповые показатели рассчитываются как среднеарифметические индивидуальных значений. Так как все характеристики трудового коллектива представлены в биполярной шкале, состояние коллектива рассматривается по групповым оценкам по той же шкале (от –3 до +3): по степени близости к крайним значениям, условно, положительным или отрицательным. Показатели вариативности (разброс, среднеквадратичное отклонение) показывают величину различий во мнениях членов коллектива. Индивидуальные показатели сопоставляются с групповой нормой с целью анализа степени согласия или несогласия мнения конкретного сотрудника с обобщённым мнением большинства членов коллектива.

В данном исследовании изучаемые группы медсестёр сравнивались нами по восприятию ими своих трудовых коллективов. Достоверных отличий по оценкам социально-психологических характеристик трудовых коллективов между четырьмя группами медсестёр разных больниц не установлено. В основном восприятие процессов во всех группах изучаемых организаций было положительное. Максимальные баллы большинство членов коллективов относят к социально-психологическому климату, межличностным отношениям в группах, проявлениям готовности к взаимодействию и взаимопониманию, трудовой мотивации (средние значения в диапазонах 1,5–2,0).

Наиболее низкие оценки (не более 1,0) касаются отношения к организации (ощущения заботы и поддержки, проявления лояльности), удовлетворённости условиями труда, а также ощущения свободы и поддержки неформальных отношений (то есть медсёстрами ощущается высокая бюрократизированность в процессе работы).

Одной из задач исследования было изучение вопроса о том, как ощущения от работы в трудовом коллективе сказываются на восприятии медсёстрами организационной культуры организации. Для оценки характеристик оргкультуры использовалась методика К. Камерона и Р. Куинна [8].

Каждая конкретная организация по модели Камерона-Куинна описывается по сочетанию признаков оргкультур 4-х типов: бюрократии (иерархическая направленность), клана (коллективистская направленность), адхократии (инновационная направленность) и рынка (предпринимательская направленность). Анализ осуществляется по тому, какие признаки преобладают и на что направлена организация в своих основных целях и процессах. Оценка даётся по соотношению признаков того или иного типа оргкультур, выраженных в процентах от целого. Кроме анализа восприятия работниками текущей ситуации с выраженностью характеристик той или иной оргкультуры, выясняется предпочтение ими признаков того или иного типа. Анализируется соотношение того, что есть и того, что хочется в понимании работников.

Респонденты изучаемых групп медсестёр описывали организационные культуры своих клиник преимущественно как иерархические (приблизительно на 30–38%) и чуть меньше как клановые (на 23–25%). Элементы рыночной оргкультуры составляют 17–27%, а адхократической – 17–18%. Такие соотношения, в целом, характерны для государственных бюджетных организаций, оргкультура которых сотрудниками характеризуется обычно как иерархически-клановая [9]. Предпочтения медсестёр изучаемых групп отличаются от того, что они видят. Медсёстрам по сочетанию признаков больше хочется видеть оргкультуру своих организаций как клановую (на 34–40%), чуть меньше как иерархическую (на 23–27%), ещё меньше как адхократическую (19–21%) и рыночную (13–21%).

При сравнении двух групп медсестёр, различающихся по возрасту, установлены достоверные отличия. Медсёстры относительно более молодого возраста видят в оргкультуре клиник больше признаков бюрократии (38,7%) по сравнению с медсёстрами второй группы (30,5%). В то же время сотрудницы из группы старше 30 лет видят больше элементов рынка (27,3%), а более молодые коллеги – меньше (17,2%). Различия достоверны при $p < 0,05$. По предпочтениям того или иного типа оргкультур изучаемые группы медработников достоверно не отличались.

С целью изучения взаимосвязи характеристик трудового коллектива и организационной культуры в восприятии медсёстрами, мы провели непараметрический корреляционный анализ по Ч. Спирме-

ну показателей по соответствующим методикам. Установлены достоверные ($p < 0,01$) корреляции.

Восприятие организационной культуры как иерархической связано достоверными отрицательными корреляциями со многими социально-психологическими характеристиками рабочей группы в оценках респондентов. Это говорит о том, что чем лучше воспринимается трудовой коллектив, тем меньше элементов бюрократии отмечают медсёстры в своих организациях. Справедливо также и другое объяснение: чем больше бюрократии отмечается респондентами, тем хуже воспринимается коллектив и отношения в нём. Наиболее высокие корреляции установлены в отношении взаимосвязи оценок иерархического типа оргкультуры и характеристик системы управления. Вероятно, организация меньше воспринимается бюрократической теми, кто отмечает высокий авторитет непосредственного руководителя в коллективе ($r = -0,57$), свободу и неформальность в отношениях с ним ($r = -0,68$), демократичность принятия решений в рабочей группе ($r = -0,48$). Также имеет значение для восприятия оргкультуры как иерархической социально-психологический климат и отношение к делу в коллективе: эмоциональный фон отношений ($r = -0,43$), готовность к взаимодействию и поддержке ($r = -0,47$), коллективизм ($r = -0,45$), терпимость ($r = -0,50$) и трудовая мотивация рабочей группы ($r = -0,48$). На основании проведённого анализа мы можем предполагать, что социально-психологические факторы имеют значение для восприятия работниками организационной культуры компании. Чем лучше отношения в коллективе, чем больше свободы и демократии в межличностных и управленческих отношениях, тем меньше компания воспринимается как бюрократическая. При этом, нужно подчеркнуть, что деятельность медицинских сестёр достаточно жестко регламентирована.

Свобода и демократичность в отношениях с непосредственным руководителем, а также при принятии управленческих решений, имеет значение для восприятия медсёстрами оргкультуры клиники как рыночной. На это указывают положительные коэффициенты корреляции (0,43 и 0,39, соответственно). В целом они указывают на то, что чем больше демократии ощущается работниками, тем больше признаков рыночной оргкультуры они отмечают. Восприятие медсёстрами организационной культуры клиники как клановой, по всей видимости, зависит от авторитета непосредственного руководителя и отношения работников к организации. Установлены достоверные положительные корреляции оценок выраженности данного типа оргкультуры с проявлениями у респондентов лояльности к организации ($r = 0,43$), с ощущением готовности руководства клиники вовлечь своих сотрудников в различные организационные процессы ($r = 0,39$), а также с отношением трудового коллектива к своему непосредственному руководителю ($r = 0,40$). Достоверных корреляций выраженности адхократических признаков оргкульту-

ры в восприятии респондентов с их оценками социальных характеристик трудового коллектива не выявлено.

Также изучались взаимосвязи восприятием коллектива с предпочтениями типов оргкультуры, однако достоверных корреляций установлено существенно меньше. Возможно, социальные факторы оказывают разнонаправленное влияние на те или иные предпочтения сотрудников по направленности организации, или влияние этих факторов незначительно. Единственную закономерность, которую достоверно удалось установить, это связь отношения к руководителю и к организации с предпочтениями рыночной оргкультуры. Обнаружены достоверные ($p < 0,01$) положительные корреляции, на основании которых можно предположить, что предпочтение медсёстрами рыночной направленности клиники может поддерживаться хорошим взаимодействием трудового коллектива и его руководителя ($r = 0,51$), демократичностью в управленческом взаимодействии ($r = 0,41$), ощущением заботы и поддержки со стороны руководства организации ($r = 0,35$), удовлетворенностью условиями труда ($r = 0,56$), а также лояльностью работников к организации ($r = 0,60$). Вероятно, поддержка рыночной направленности клиник медсестрами зависит от гибкости и демократичности управленческого взаимодействия в организациях.

Одной из задач нашего исследования было изучение взаимосвязи восприятия трудового коллектива работниками с проявлениями у них лояльности к организации. Последняя изучалась с помощью методики А.В. Орлова «Лояльность к организации» [10]. В данном случае под лояльностью понимается совокупность установок работника, обуславливающих его отношение к организации и интегрированность в организационную систему. Методика оценивает 2 характеристики отношения к организации:

1) приверженность – это ощущение у работника близости с организацией и стремление к интеграции в её систему, а также готовность работать на развитие, совершенствование и процветание организации;

2) организационная терпимость – это терпимое отношение работника к трудностям в организации в сложных и кризисных для неё обстоятельствах, а также при ошибках руководства. Это стремление сотрудника работать в компании даже при наличии тех или иных проблем – характеристика преданности организации, несмотря на существующие сложности.

Также методика разделяет две формы лояльности: внутреннюю, основанную на собственном личном убеждении, и внешнюю, строящуюся на принятии мнения значимых членов коллектива. Мнение человека, если оно не строится на внутренних убеждениях, а только на социально обусловленных установках, может легко измениться при изменении ситуации. Таким образом, внешняя лояльность, вероятно менее устойчива и боль-

ше подвержена действию внешних факторов, по сравнению с внутренней лояльностью.

Кроме того методика «Лояльность к организации» оценивает две характеристики, противоположные лояльности: неопределённость позиции и алояльность. Под неопределённостью понимается отношение работника к организации, при котором он по незнанию или недопониманию не может чётко определить свою позицию по отношению к тем или иным аспектам своего положения в организации. Неопределённость позиции по отношению к организации связана с неопределённостью положения работника в ней. Это приводит к непониманию им той системы, в которой он находится, что мешает формированию чёткой позиции относительно компании и работы в ней. Если отношение к организации у работника сформировалось, то он уже может позиционировать себя в ней определённым образом и выражать своё отношение к тем или иным явлениям и событиям.

Под алояльностью понимается позиция сотрудника, противоречащая принятым в организации нормам, правилам, традициям, социально-культурным установкам, отрицательное отношение к организации. Такая позиция, как правило, выражается в противоречиях личных интересов и интересов организации. В организационном поведении алояльность может выражаться в неприемлемых для организации действиях: мелкие кражи, прогулы, невыполнение обязательств, неподчинение, распространение мнений, противоречащих позиции руководства, подстрекательство к противодействию и др.

В данном исследовании изучалась лояльность медсестёр своим организациям. Среднегрупповые значения алояльности у медсестер обеих групп относительно невелики (12–15 баллов), но неопределённость позиции относительно большая, выше статистической для бюджетных организаций (32–40 баллов). Это говорит о том, что многие медсестры изучаемых больничных отделений, чувствуют неопределённость своего положения в организациях и не всегда могут однозначно выразить своё отношение к месту работы применительно к тем или иным ситуациям.

Лояльность как интегральная характеристика приверженности и организационной терпимости относительно высока и соответствует статистической норме. Однако, если приверженность как чувство единения с организацией в обеих группах медсестёр значительна и соответствует статистической норме, то терпимость существенно меньше. По этой характеристике отношения к организации установлены достоверные различия между группами медсестёр, отличающихся по возрасту. Работницы младше 30 лет достоверно ($p < 0,05$) меньше (средний балл 18,6) демонстрируют организационной терпимости по сравнению с медсестрами старше 30 лет (средний балл 29,4). Данная характеристика верности организации в ситуации кризиса по среднегрупповым значениям у медсестёр первой группы соответствует нижней

границе статистической нормы. При этом организационная терпимость по своим значениям в два раза меньше показателей приверженности. Это указывает на то, что значительная часть медсестёр не очень готовы при возникновении сложных обстоятельств мириться с проблемами в организации и, вероятно, в этом случае, готовы сменить место работы.

Сопоставляя выраженность внутренних и внешних факторов лояльности, можно отметить существенное превышение второго над первым, особенно в группе медсестер старше 30 лет. Выраженность внутренних факторов лояльности в первой группе по среднегрупповым значениям составляла 20,0 баллов, во второй – 19,0 баллов. Среднегрупповые значения внешних факторов лояльности в первой группе 35,8, а во второй – 52,7. По данной характеристике различия между группами достоверны при $p < 0,05$. Это означает, что в целом отношение медсестёр к своим организациям больше зависит от мнения их окружения, чем от собственных убеждений. Особенно это выражено у работниц более старшего возраста.

Основной задачей нашего исследования было изучение взаимосвязи восприятия социальных характеристик трудового коллектива медсестрами и проявления ими лояльности к организации. Анализ показал наличие достоверных ($p < 0,01$) корреляций между отношением медсестер к своим организациям и восприятием ими своих рабочих групп. Вероятно, восприятие медсестрами целостности и социально-психологического климата трудового коллектива, имеет значение для проявления у них внешней формы организационной лояльности. С внешней приверженностью и внешней лояльностью установлены достоверные положительные корреляции в диапазоне от 0,44 до 0,74 следующих характеристик: оценок группового единства, готовности следовать социальным нормам, межличностных отношений, проявлений коллективизма, сопротивления конфликтам, социальной терпимости, эмоционального фона, готовности к взаимодействию и взаимопомощи. Это говорит о том, что восприятие трудового коллектива с положительной стороны, гармоничные отношения, близость коллег, вероятно, позитивно сказываются на лояльности медсестер, но только в части социально обусловленных установок. Внутренние формы лояльности не имеют значимых достоверных корреляций с данными характеристиками восприятия рабочей группы. Исходя из этого, мы можем предположить, что внутренние убеждения относительно организации слабо связаны с действием социальных факторов.

Также с внешней лояльностью (как с приверженностью, так и терпимостью) оказывается связано положительными корреляциями ($r = 0,42$ и $r = 0,44$, соответственно) отношение к непосредственному руководителю. То есть, чем лучше отношения с руководителем, тем выше лояльность работников. Это, возможно, наиболее значимый фактор, так как и проявления внутренней приверженности

также связаны с этим. Коэффициент корреляции данного фактора с внутренней приверженностью $r = 0,69$. С внутренней организационной терпимостью значимых корреляций не установлено. Аналогичны корреляции с внутренней приверженностью у показателя ощущений медсестрами заботы со стороны руководства и вовлечения их в организационные процессы ($r = 0,49$). Вероятно, убеждения, устойчивые установки работников в отношении организации, ощущения единства с ней, готовности интегрироваться, стать частью её организма, формируются под значительным влиянием непосредственного начальника, при ощущении внимания и поддержки со стороны руководства.

Отношение к делу рабочей группы, вероятно, не сказывается на лояльности к организации. Достоверных корреляций не установлено. Также не обнаружено взаимосвязи восприятия трудового коллектива (и организации в целом) с проявлениями алояльности. Вероятно, готовность части медсестёр нарушать установленные в клинике правила не зависит от социальных факторов труда. Неопределённость отношения к организации, неясность представлений о тех или иных своих действиях в различных организационных ситуациях, отрицательно коррелируют с оценками работников отдельных факторов социальной среды: ощущениями группового единства ($r = -0,46$), коллективизма ($r = -0,61$), социальной терпимости ($r = -0,64$). Также неопределённость позиции отрицательно связана с отдельными сторонами управленческого взаимодействия в восприятии подчинённых: открытостью и неформальностью отношений с руководителем ($r = -0,53$), его авторитетом ($r = -0,44$), демократичностью принятия решений в трудовом коллективе ($r = -0,42$), поддержкой организацией неформальных форм общения сотрудников ($r = -0,54$), проявления заботы ($r = -0,68$). Данные факторы внутренней среды, по всей видимости, оказывают существенное влияние на интеграцию медсестёр в систему клиник, их вовлечение в различные организационные процессы, профессиональную социализацию. Снижение ощущения неопределённости способствует лояльности работников к своим компаниям.

В целом, в проведённом исследовании удалось установить, что восприятие медсестрами организационной культуры своих организаций, а также лояльность к ним, зависят от оценок работниками ситуации в трудовом коллективе. Действие различных социальных факторов труда (социально-психологического климата, рабочей комфортности среды, демократичности отношений, доверия, вовлечённости, взаимопонимания с руководителями), по всей видимости, имеет существенное значение для формирования у медсестёр определённого отношения к организации.

Литература

1. Ульрих Д., Брокбэнк У. HR в борьбе за конкурентное преимущество. М.: Pretext, 2007. 352с.

2. Захарова Л.Н., Примак А.И. Бизнес заботы: организационная культура и социально-психологический потенциал развития предприятий // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 5–1. С. 388–395.
3. Журавлев А.Л. Психология совместной деятельности. М.: Институт психологии РАН, 2005. 640 с.
4. Толочек В.А. Современная психология труда. СПб.: Питер, 2005. 479 с.
5. Панчук Е.Ю. К проблеме мотивации труда персонала медицинского учреждения // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. 2017. Т. 20. С. 44–53.
6. Ясько Б. Психология личности и труда врача. Курс лекций. Ростов на Дону: Феникс, 2005. 304 с.
7. Садрадинова Н.О. Отношение медсестер городских поликлиник к своей профессиональной деятельности // Вопросы структуризации экономики. 2013. № 4. С. 180–185.
8. Камерон К., Куинн Р. Диагностика и изменение организационной культуры. СПб.: Питер, 2001. 320 с.
9. Козлов А.П., Махалин А.И. Ценностное регулирование клиентоориентированности (на примере медицинских организаций скорой помощи) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2017. № 1 (45). С. 132–139.
10. Орлов А. В., Башук Е.Н. Лояльность работников к организации с точки зрения системного подхода // Организационная психология. 2013. Приложение. Тезисы докладов конференции «Бизнес. Общество. Человек». Москва, НИУ ВШЭ, 29–31 октября 2013 г. – С. 137–138.

SOCIO-PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE LABOR COLLECTIVE AS FACTORS OF PERCEPTION OF ORGANIZATIONAL CULTURE AND LOYALTY TO THE ORGANIZATION OF NURSES

Orlov A.V., Orlova O.M.

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The study uses correlation analysis to study the significance of socio-psychological factors of nurses' work for their perception of organizational culture and loyalty to the organization. The original method of diagnostics of social and psychological characteristics of the labor collective is used. It is shown that the perception of the severity of signs of a particular type of organizational culture by nurses is associated with such factors as the socio-psychological climate, freedom and democratic relations, and collectivism. Loyalty to the workers' organization depends on team unity, interpersonal relationships and relationship to supervisor, manifestations of collectivism and the group's ability to prevent conflicts, as well as from the involvement of nurses in organizational processes and the feeling of care from the guide.

Keywords: socio-psychological characteristics of the labor collective, professional activity of nurses, perception of organizational culture, loyalty to the organization.

References

1. Ulrich D., Brockbank U. HR in the fight for competitive advantage. Moscow: Pretext, 2007. 352c.
2. Zakharova L. N., Primak A.I. Business concerns: organizational culture and socio-psychological potential of enterprise development // Bulletin of the Lobachevsky Nizhny Novgorod University. 2010. № 5–1. Pp. 388–395.
3. Zhuravlev A.L. Psychology of joint activity, Moscow: Institute of psychology of the Russian Academy of Sciences, 2005, 640 p.
4. Tolochek V.A. Modern psychology of labor. Saint Petersburg: Piter, 2005. 479 p.
5. Panchuk E. Yu. To the problem of labor motivation of medical institution personnel // Izvestiya Irkutsk state University. Series: Psychology. 2017. Vol. 20. Pp. 44–53.
6. Yasko B. Psychology of personality and work of a doctor. Course of lectures. Rostov on don: Phoenix, 2005. 304 p.
7. Sadraddinova N.O. Attitude of nurses of city polyclinics to their professional activity // Questions of structuring the economy. 2013. no. 4. Pp. 180–185.
8. Cameron K., Quinn R. Diagnostics and change of organizational culture. Saint Petersburg: Piter, 2001. 320 p.
9. Kozlov A. P., Makhalin A.I. Value regulation of client orientation (on the example of medical organizations of emergency care) // Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. Series: Social Sciences. 2017. no. 1 (45). Pp. 132–139.
10. Orlov A.V., Bashuk E.N. Loyalty of employees to the organization from the point of view of a systematic approach // Organizational psychology. 2013. Application. Abstracts of the conference "Business. Society. Human". Moscow, HSE, October 29–31, 2013-P. 137–138.

Социальный капитал российских организаций: общая схема операционализации

Игумнов Олег Александрович,

кандидат педагогических наук, доцент, кафедра экономической теории и менеджмента, ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»
E-mail: oleg_igumnov@mail.ru

Статья посвящена общей схеме операционализации организационного социального капитала, а также факторов его формирования и эффектов. Предложена общая схема операционализации, задающая логику изучения содержательных аспектов социального капитала. Обосновывается, что наибольшие возможности в изучении социального капитала предоставляет опросный метод. Сделан вывод о неблагоприятных в целом условиях для формирования социального капитала организаций. В качестве основных факторов выделены тип и структура организации, политика в области КСО и корпоративная культура, а также предложены индикаторы измерения корпоративной культуры и других организационных факторов социального капитала.

Ключевые слова: организационный социальный капитал; операционализация социального капитала; опросный метод; факторы и эффекты организационного социального капитала; корпоративная социальная ответственность; корпоративная культура.

Ранее, в рамках исследуемой проблемы, автором был предложен собственный подход к решению проблемы операционализации и измерения социального капитала организации, требования к методологии указанного процесса, предложена методика расчёта интегральных показателей оценки социального капитала (частные индексы, сквозные частные индексы, интегральные индексы по типам социальных отношений) (см.: Игумнов О.А. Социальный капитал российских организаций: подходы к операционализации и измерению // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. 2020. № 2. С39).

Краткий обзор российских исследований показывает, что, в целом, методологические дискуссии изучения организационного социального капитала российских предприятий ведутся на уровне недостаточного методологического обоснования. Это актуализирует необходимость разработки методологии и инструментария эмпирического исследования, которое позволяло бы решать широкий перечень научных и прикладных задач и соответствовало бы сформулированным выше методологическим принципам. Ниже предложено описание модели операционализации и измерения организационного социального капитала, соответствующего целям настоящего исследования, теоретическим гипотезам и базовым методологическим принципам.

Исходя из нашей концептуальной модели организационного социального капитала, обоснования исключительной важности культурно-нормативных регуляторов социальных отношений, сформулированных теоретических гипотез и обозначенных методологических принципов, а также принимая во внимание фокус настоящего исследования на внутреннем социальном капитале российских организаций, может быть предложена следующая общая схема его операционализации (рис. 1).

Предложенная схема операционализации исходит из необходимости разработки самостоятельных измерительных средств и процедур для содержания социального капитала, факторов его формирования и организационных эффектов.

Отметим, что предложенная концептуальная модель достаточно жёстко задает логику изучения содержательных аспектов социального капитала, тогда как потенциальный перечень факторов и эффектов остаётся в значительной степени открытым. Это связано с тем, что любая организация обладает широким и нефиксированным набором управленческих инструментов, которые могут воздействовать на социальные связи, а также

широким перечнем потенциальных целей менеджмента и функциональных областей, на которые может оказать влияние социальный капитал.

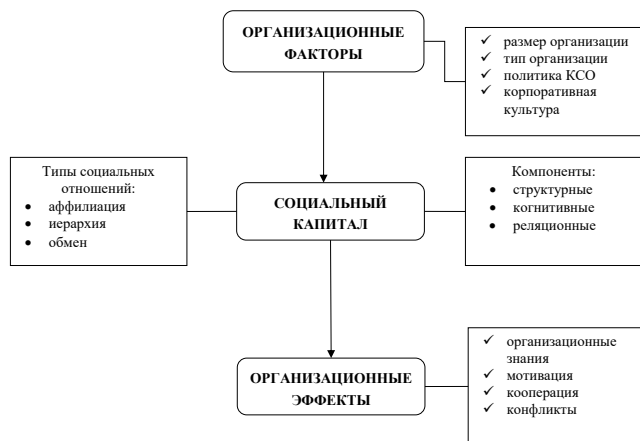

Рис. 1. Общая схема операционализации внутриорганизационного социального капитала

Есть все основания полагать, что никакая общая теория не способна достаточно полно и адекватно отразить все возможные управленческие инструменты и функциональные области современных организаций, особенно с учётом их динамики и инноваций в организационно-управленческой сфере.

В связи с этим при изучении организационного социального капитала целесообразно сочетать преимущественно дедуктивную стратегию изучения собственно социального капитала и более эмпирический подход при изучении факторов его формирования и эффектов. В частности, выявление точного состава и структуры факторов и эффектов может быть эффективно достигнуто методами кластерного и факторного анализа в рамках одного эмпирического исследования, либо же методами систематического обзора и метаанализа при эмпирическом обобщении множества исследований.

Операционализация социального капитала, обеспечивая связь теоретико-концептуальной модели и конкретных измерительных процедур, зависит не только от выбора конкретной исследовательской стратегии, но и от предполагаемого метода сбора данных. Исходя из результатов анализа методологических дискуссий, в частности, важного обобщающего исследования Я. Ван Дета [19], можно сделать вывод, что наибольшие возможности в изучении социального капитала в настоящее время предоставляет опросный метод. При всех недостатках методов, основанных на самоотчете респондента, он обладает несколькими ключевыми преимуществами, в частности:

- позволяет измерять все значимые аспекты и типы социального капитала, а также факторы его формирования и сопутствующие эффекты;
- позволяет конструировать разные типы шкал, обеспечивая возможности тонкой настройки и гибкости при анализе данных;
- является универсальным и сравнительно простым в организационном плане, обеспечивая

возможности интеграции с традиционными механизмами мониторинга и оценки организационной среды;

- обладает значительной гибкостью, позволяя использовать множество конкретных индикаторов, комбинировать их в сложные индексы, осуществлять ротацию и отбор наиболее чувствительных и эффективных средств измерения.

В зависимости от целей исследования, опросный метод может применяться к отдельным организациям или множеству организаций. Поскольку цели нашего исследования связаны с выявлением возможных взаимосвязей социального капитала с конкретными управленческими инструментами и организационными эффектами, изучение отдельных организаций в рамках методологии «кейс-стади» представляется нецелесообразным. Небольшое число обследованных предприятий не обеспечит достаточное разнообразие организационных сред и моделей социальной организации. Поэтому разработка модели операционализации и измерения социального капитала в настоящем исследовании ориентирована на применение опросного метода к неопределённому кругу российских организаций.

Исходя из общей схемы операционализации, предлагаемой исследовательской стратегии и обоснования применения опросного метода к широкому кругу российских организаций, можно конкретизировать основные методологические процедуры для каждого из трех блоков базовой схемы, представленной на рисунке выше.

Выявление конкретных факторов, способствующих или, наоборот, препятствующих формированию организационного социального капитала, представляет не только академический, но и значительный практический интерес. Эти факторы включают в себя, прежде всего, общие институциональные и социокультурные условия, в которых существует организация.

Нами сделан вывод о том, что в современном российском обществе эти условия являются, в целом, не вполне благоприятными, по крайней мере, в сравнении с большинством развитых и многих развивающихся стран. Это делает крайне актуальной задачу выявления тех факторов, которые находятся, в той или иной степени, под контролем менеджмента компании и которые могут компенсировать негативные факторы внешней среды и, возможно, усилить имеющиеся положительные внешние факторы. Поэтому при операционализации факторов мы исходим именно из потенциальной практической ценности такого эмпирического исследования.

Операционализация организационных факторов для применения опросных методов, безусловно, имеет существенные ограничения, поскольку рядовые сотрудники в большинстве случаев не обладают достаточной информацией, а их представления об организационных процессах, управленческих технологиях и корпоративных политиках могут быть весьма туманными или искаженными.

Очевидно, что комплексное обследование отдельной организации, опирающееся на комбинацию различных методов, способно дать более точную и содержательную информацию. Однако применение опросных методов в рамках предлагаемой в концепции также обладает потенциалом для достаточно корректного измерения ряда ключевых факторов.

В нашем подходе внимание направлено, в первую очередь, на три группы факторов, относящихся к структуре и типу организации, политике в области КСО и корпоративной культуре. Операционализация и измерение первой группы факторов представляется сравнительно простой, поскольку опирается на понятные индикаторы, относительно которых у рядового сотрудника должно быть достаточно информации (численность персонала в компании в целом и в отдельных подразделениях, организационная форма, отраслевая принадлежность, наличие и функциональность корпоративных информационных систем и т.п.). Однако две другие группы факторов требуют более детального рассмотрения.

Корпоративная социальная ответственность – прежде всего, элемент системы корпоративного управления. Она находится в зоне ответственности высшего руководства компании и в своей полноте вряд ли может быть адекватно оценена рядовым сотрудником, даже при наличии публичной отчётности и документации. Профессиональные системы социальной отчётности, такие, как GRI [13, р. 354–358], содержат большое количество индикаторов, используемых для оценки социальной деятельности компании. Однако использование опросного инструментария при обследовании рядовых сотрудников требует других подходов.

Деятельность компании в области КСО, рассматриваемой как система формализованных правил и процедур, может быть приближенно оценена через показатели информированности и вовлечённости рядовых сотрудников. Принимая, что реализация опросного метода обеспечивает высокую степень случайности отбора респондентов, можно предположить, что результаты ответов на соответствующие вопросы достоверно отражают типичную, среднюю информированность и вовлечённость работников.

Информированность и вовлечённость, в свою очередь, могут выступать индикаторами фактической реализации модели КСО в тех аспектах, которые наиболее тесно связаны с формированием социального капитала. Если сотрудники компании не знают о существовании процедур учёта их интересов при принятии решений, мер социальной поддержки, механизмов урегулирования трудовых конфликтов и т.п., и/или не участвуют в них, то разумно заключить, что даже если формальная система документации в области КСО в организации существует, вряд ли она может считаться фактором развития социального капитала.

Наиболее сложными с методологической точки зрения являются операционализация и измере-

ние фактора корпоративной культуры. Диагностика и анализ корпоративной культуры – самостоятельное направление современных социально-управленческих исследований, в которых представлены различные инструменты, которые могут быть использованы, в том числе, при изучении её влияния на социальный капитал [4; 9; 11; 14; 16].

При комплексном обследовании отдельной организации целесообразным подходом может быть использование одной из разработанных методик оценки корпоративной культуры, например, К. Камерона – Р. Куинна, Э. Шейна, Г. Хофштеде и т.п. Они предоставляют широкий спектр возможностей для выявления и детального анализа различных аспектов (измерений) организационной культуры и установления типа организации. Однако для рассматриваемой исследовательской стратегии, основанной не на методологии *case-study*, а на опросе представителей сотрудников неопределённого круга организаций такая полная диагностика является невозможной. Например, в методике Г. Хофштеде при оценке организационной культуры использовался набор из 61 утверждения, характеризующего типичные аспекты организационных практик. Очевидно, что для комплексного исследования социального капитала это количество представляется чрезмерным.

Не менее важно и то, что полная диагностика корпоративной культуры при изучении социального капитала, возможно, не является необходимой. По нашему мнению, корпоративная культура является самостоятельным организационным феноменом, который пересекается с социальным капиталом, но содержит в себе множество элементов, не относящихся непосредственно к регулированию социальных отношений.

С точки зрения цели и гипотез нашего исследования, а также специфики российской деловой культуры, задающей ограничения на развитие социального капитала, основное внимание при измерении корпоративной культуры целесообразно уделить тем аспектам, которые связаны с регулированием отношений власти – субординации, стимулированием универсалистских принципов и поддержанием баланса индивидуальных и организационных целей.

Важно также подчеркнуть, что в инструментальном понимании корпоративной культуры она рассматривается, прежде всего, как набор символов, ритуалов, традиций, регулирующих организационные практики и отражающих представления и опыт руководства. Концептуально такая трактовка ближе всего подходу Г. Хофштеде, который поэтому может использоваться в качестве отправной точки операционализации корпоративной культуры.

Модель Г. Хофштеде, используя эмпирический подход, идентифицирует шесть измерений корпоративной культуры, каждый из которых измеряется при помощи трёх вопросов, представляющих собой 5-балльную шкалу, соединяющую полярные утверждения о типичных ситуациях и практиках в компании респондента, и отобранные в резуль-

тате статистического анализа результаты ответов на весь вопросник.

Ответы респондентов позволяют определить организационную культуру компании в соответствии с 6 измерениями: «ориентация на процесс или результат», «ориентация на работников или работу», «идентификация с организацией или профессией», «открытость – закрытость», «сильный – слабый контроль», «ориентация на потребности рынка или на организационные правила» [14].

В той или иной степени, все эти операциональные компоненты организационной культуры могут иметь отношение к формированию социального капитала, а некоторые (например, контроль или идентификацию) достаточно легко можно подменить, соответственно, его содержанием и эффектами. Однако использование индикаторов, основанных на модели операционализации Г. Хофштеде, модифицированных и дополненных с учетом цели, гипотез и концептуальной модели настоящего исследования, выглядит вполне возможным и допустимым. Особый интерес в свете настоящего исследования представляют следующие операциональные измерения корпоративной культуры:

- «ориентация на работников или на работу» характеризует степень, в которой организация учитывает интересы работников и вовлекает их в процессы принятия решений. С точки зрения проблемы социального капитала, имеет прямое отношение к регулированию иерархических отношений и ориентации на коллективные цели;
- «открытость-закрытость» определяет открытость и доброжелательность организации к новичкам и посторонним. С теоретической точки зрения это измерение должно иметь важное значение для развития внешнего социального капитала. Тем не менее, для внутриорганизационного социального капитала оно также является релевантным, поскольку регулирует отношения к малознакомым коллегам и, соответственно, может способствовать развитию универсалистских норм, слабых горизонтальных связей и просоциальных установок за пределами локальных коллективов, основанных на отношениях аффилиации;
- «сильный – слабый контроль» – определяет нормативный прессинг со стороны организации. В этом смысле, является тесно связанным с нормативными аспектами социального капитала, однако в отличие от последнего выражает императивы поведения, которые транслируются и подкрепляются со стороны менеджмента и формальных организационных правил.

Модель Г. Хофштеде, как и многие её альтернативы, оперирует характеристиками корпоративной культуры, которые затрагивают её сущностные основы, регулирующие трудовые практики. Однако корпоративная культура содержит, в том числе, и более поверхностный – символический – уровень, воплощенный в корпоративной символике, нарративах, мероприятиях. Поскольку функции такой корпоративной символизации связаны, в первую

очередь, с формированием корпоративной лояльности и чувства принадлежности, целесообразно выделить её в качестве самостоятельного индикатора, во многом являющегося инструментальным воплощением измерения «идентификация с организацией или профессией» в модели Г. Хофштеде.

Подчеркнём, что корпоративная символизация, в качестве целенаправленной управленческой технологии, является именно потенциальным фактором формирования социально-групповой идентичности, которая рассматривается как элемент когнитивного измерения социального капитала. Не менее важно и то, что неумелые попытки навязать подобную идентичность вполне могут оказывать негативное воздействие на социально-групповую самоидентификацию работников, то есть носить дисфункциональный характер.

В табл. 1 предложены индикаторы, которые могут отвечать целям измерения корпоративной культуры и других организационных факторов социального капитала.

Отметим, что при использовании нескольких индикаторов корпоративной культуры они могут агрегироваться в соответствии с исходной моделью Г. Хофштеде (или её альтернатив), либо же использоваться в качестве имеющих самостоятельное значение. Для повышения возможностей дальнейшего статистического анализа рекомендуется для каждого индикатора использовать стандартизированные порядковые шкалы.

Таблица 1. Перечень возможных индикаторов факторов формирования организационного социального капитала

Категория факторов	Фактор	Потенциальные индикаторы
Организационно-структурные факторы	Размер организации	Численность персонала (субъективная оценка)
	Тип организации	Выбор респондентом типа организации из числа предложенных (государственная, коммерческая, некоммерческая; АО, ПАО, ООО, ИП, госкорпорация, учреждение и т.п.)
	Отраслевая принадлежность	Выбор респондентом отрасли/сферы деятельности, в которой работает организация
	Организационно-коммуникативные технологии	Оценка респондентом наличия и распространённости отдельных организационно-управленческих технологий, методов или решений, предоставляющих возможности для взаимодействия сотрудников (совместная работа в небольших коллективах или командах, общие собрания, корпоративные вечеринки, корпоративная социальная сеть и т.п.)

Категория факторов	Фактор	Потенциальные индикаторы
Корпоративная социальная ответственность	Развитость системы КСО в компании	Осведомленность респондента о наличии в организации отдельных элементов КСО и социальной политики (международных стандартов, кодексов, документов в области социальной политики, профсоюзов, комиссий по разрешению трудовых споров, мер социальной поддержки и т.п.) Оценка респондентом эффективности существующих механизмов КСО (соблюдения трудового законодательства, наличия коллегиальных органов управления, эффективности профсоюзов и т.п.)
Корпоративная культура	Ориентация на работников – ориентация на работу	Степень, в которой организация, по мнению респондента: 1. учитывает интересы работников – Оказывает давление на работников для выполнения трудовых задач; 2. несёт ответственность за благополучие работников и их семей; 3. опирается на групповые механизмы принятия важных решений – опирается на индивидуальное принятие важных решений.
	Открытость – закрытость	Степень, в которой организация, по мнению респондента: 1. поощряет открытость работников в своей деятельности; 2. способствует адаптации новых сотрудников
	Сильный – слабый контроль	Степень, в которой организация, по мнению респондента: 1. требует неукоснительного выполнения всех формальных и неформальных правил; 2. допускает неформальное общение, шутки на рабочем месте [обратная шкала]; 3. контролирует повседневные рабочие операции
	Корпоративная символизация	Наличие и распространённость в организации таких элементов корпоративной культуры, как: 1. корпоративная символика, стиль, атрибутика и т.п.; 2. информация и рассказы об истории компании, её лидерах, достижениях;

Категория факторов	Фактор	Потенциальные индикаторы
		3. регулярное подчёркивание особенностей компании, её уникальности, превосходства; 4. регулярные мероприятия и действия, направленные на формирование у сотрудников чувства принадлежности к компании

Подчеркнём, что конкретные формулировки вопросов для каждого индикатора должны показывать, что соответствующие элементы культуры являются нормативными образцами, которые подчёркивает, стимулирует или навязывает организация своим работникам. Это позволит провести важное различие между нормативным аспектом корпоративной культуры как управленческого инструмента и нормативным аспектом содержания социального капитала, который характеризует фактическое содержание норм в естественно складывающихся системах социальных отношений (и которые могут противоречить целям и политике менеджмента).

Исследования организационного социального капитала, как зарубежные, так и российские, показывают, что его потенциальные эффекты могут быть достаточно разнообразны и включают более высокую удовлетворенность и мотивацию персонала, эффективный обмен знаниями и организационное научение, корпоративную лояльность и репутацию компании, развитие инновационного потенциала, расширение доступа к важным ресурсам и т.д.

При оценке организационных эффектов социального капитала может быть использован широкий перечень источников данных, включая финансовую и нефинансовую отчётность компании, её рыночное положение, оценки потребителей, позиции в тех или иных рейтингах, результаты внешнего аудита и т.п. Использование в качестве источника информации субъективных оценок отдельных рядовых работников для этих целей, конечно, значительно ограничивает исследовательские возможности. Тем не менее, опросы сотрудников могут использоваться для выявления и оценки отдельных эффектов социального капитала, прежде всего, связанных с управлением человеческими ресурсами и кооперативным поведением.

В рамках настоящего исследования основное внимание уделяется оценке и механизмам развития социального капитала, нежели его конкретным эффектам. Это объясняется высоким разнообразием организаций, их видов деятельности, стратегических целей и управленческих систем. По этой же причине в числе гипотез не формулируются самостоятельные гипотезы относительно содержания возможных организационных эффектов.

Единственной гипотезой, имеющей методологическое значение в этом смысле, является предположение о том, что между мерами развития социального капитала и его организационных эффектов априори существует положительная связь. При этом конкретное содержание организационных эффектов в различных компаниях может быть весьма разным. Это объективно затрудняет обобщение и анализ данных, относящихся к разным организациям: ведь на организационную эффективность влияет множество других факторов, не охваченных исследованием.

С учётом названных особенностей и методологических ограничений оценки организационных эффектов, мы рассматриваем их исследование как носящее, скорее, поисковый характер. В табл. 2 представлен ряд индикаторов, которые могут быть достаточно достоверными при использовании опросного метода, и носят универсальный характер, позволяя хотя бы отчасти сравнивать оценки различных компаний.

Таблица 2. Перечень возможных индикаторов эффектов организационного социального капитала

Эффект	Потенциальные индикаторы
Удовлетворённость персонала	Оценка респондентом общей удовлетворённости персонала работой в организации
Мотивация	Оценка респондентом относительной важности нематериальных мотивов для большинства сотрудников
Удержание персонала	Воспринимаемая текучесть кадров
Эффективность трансфера знаний	Оценка лёгкости получения в организации важной информации и знаний
Инновационная активность	Оценка вероятности, с которой возможная инициатива или предложение сотрудника компании будет положительно воспринято и поддержано: 1. коллегами 2. руководством
Кооперативное поведение	Оценка эффективности совместной работы и сотрудничества внутри подразделения/между подразделениями
Внутриорганизационная конфликтность	Воспринимаемая частота конфликтов: – между сотрудниками одного подразделения – между сотрудниками разных подразделений – между сотрудниками и руководством.
Дискриминационные практики	Оцениваемая частота случаев дискриминации в отношении отдельных сотрудников при принятии решений о вознаграждении, приеме на работу, карьерном продвижении, определении ответственности и т.п.

При использовании приведённых индикаторов, как и в случае остальных элементов аналитической модели социального капитала, рекомендуется использовать порядковые или интервальные шкалы. Это не только обеспечит более широкие

возможности статистического анализа данных, но и позволит измерить сводный, агрегированный показатель организационных эффектов, который может быть рассчитан как среднее значение от всех нормированных значений используемых показателей.

Литература

1. Базалеев О.А. Социальный капитал как фактор управления. Дисс... канд. соц. наук. – Саратов, 2002. 148 с.
2. Белкин В.Н. и др. Теоретико-методологические основы социального капитала организации. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2011. 200 с. С. 166–179.
3. Германов И.А., Плотникова Е.Б., Булгакова Д.А. Структурный социальный капитал работников российских промышленных предприятий: опыт эмпирической оценки // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. Вып. 1. С. 135–145.
4. Гулей И.А. Организационная культура: диагностика, формирование и проектирование. – Белгород: ИД «Эпицентр», 2015. 100 с.
5. Демчук Д.Б. Измерение когнитивного социального капитала в организации: подходы и методы // Социальная и экономическая психология. 2017. № 2. С. 165–184.
6. Канаева О.А. Корпоративная социальная ответственность: эволюция теоретических взглядов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: Экономика. 2013. № 2. С. 130–145.
7. Олимпиева И.Б., Кондаков А.А., Ежова Л.В., Слободской А.Л. Социальный капитал: аналитические подходы и возможности измерения на уровне организации // Петербургская социология сегодня. 2014. № 1–1. С. 10–41.
8. Харин А.Г. Социальный капитал организации: понятие и методы оценки // Экономический анализ: теория и практика. 2017. № 4. с. 711–725. С. 715.
9. Шакурова А.В. Феномен «организационная культура» (ОК): проблема диагностики // Вестник ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2006. № 1. С. 128–136.
10. Bowen, H. Social Responsibility of the Businessman. – New York: Harper, 1953. 298 p.
11. Cameron K.S., Quinn R.E. Diagnosing and Changing Organizational Culture: Based on the Competing Values Framework. 3rd ed. – San Francisco: Jossey-Bass, 2011. 258 p.
12. Graefe A. Accuracy of vote expectation surveys in forecasting elections // Public Opinion Quarterly. 2014. Vol. 78. P. 204–232; Rothschild D., Wolfers J. Forecasting elections: Voter intentions versus expectations // SSRN. – 2012. – URL: <https://ssrn.com/abstract=1884644>.
13. GRI G4 Guidelines and ISO 26000: 2010. How to use the GRI G4 Guidelines and ISO 26000 in conjunction. – GRI; ISO, 2014.

14. Hofstede G., Hofstede G.J., Minkov M. *Cultures and Organizations: Software of the Mind*. – New-York: McGraw-Hill, 2010. 576 p. P. 354–358.
15. Lee M.-D. P. A review of the theories of corporate social responsibility: its evolutionary path and the road ahead // *International Journal of Management Reviews*. 2008. Vol. 10(1). P. 53–73.
16. Schein E., Schein P. *Organizational Culture and Leadership*. 5th ed. – Hoboken: John Wiley & Sons, 2017. 458 p.; Hofstede G., Hofstede G.J., Minkov M. *Cultures and Organizations: Software of the Mind*. – New-York: McGraw-Hill, 2010. 576 p.
17. Stone W. *Measuring Social Capital: Toward a theoretically informed measurement framework for researching social capital in family and community life*. Research Paper No. 24. – Melbourne: Australian Institute of Family Studies, 2001. 40 p. P. 34–35.
18. *Understanding and Measuring Social Capital: A multidisciplinary tool for practitioners* / Ed. by C. Grootaert, T. van Bastelaer. – Washington: The World Bank, 2002. 320 p. P. 23.
19. Van Deth J.W. *Measuring social capital: orthodoxies and continuing controversies* // *International Journal of Social Research Methodology*. 2003. Vol. 6. P. 79–92.
2. Belkin V. N. et al. Theoretical and methodological foundations of the organization's social capital. – Yekaterinburg: Institute of Economics, Ural branch of the Russian Academy of Sciences, 2011, 200 p. 166–179.
3. Germanov I. A., Plotnikova E.B., Bulgakova D.A. Structural social capital of employees of Russian industrial enterprises: experience of empirical assessment // *Bulletin of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology*. 2018. Issue 1. Pp. 135–145
4. Guley I.A. *Organizational culture: diagnostics, formation and design*. – Belgorod: "Epicenter" publishing house, 2015. 100 p.;
5. Demchuk D.B. Measurement of cognitive social capital in organizations: approaches and methods // *Social and economic psychology*. 2017. no. 2. Pp. 165–184;
6. Kanaeva O.A. Corporate social responsibility: evolution of theoretical views // *Bulletin of Saint Petersburg University. Series: Economics*. 2013. No. 2. P. 130–145;
7. Olympeva I. B., Kondakov A.A., Ezhova L.V., Slobodskoy A.L. Social capital: analytical approaches and measurement capabilities at the organization level // *Petersburg sociology today*. 2014. № 1–1. P. 10–41.
8. Harin A.G. Social capital of the organization: concept and methods of assessment // *Economic analysis: theory and practice*. 2017. no. 4. p. 711–725. P. 715.
9. Shakurova A.V. Phenomenon "organizational culture" (OK): the problem of diagnostics // *Bulletin of the Lobachevsky national University. Series: Social Sciences*. 2006. No. 1. P. 128–136.
10. Bowen, H. *Social Responsibility of the Businessman*. – New York: Harper, 1953. 298 p
11. Cameron K.S., Quinn R.E. *Diagnosing and Changing Organizational Culture: Based on the Competing Values Framework*. 3rd ed. – San Francisco: Jossey-Bass, 2011. 258 p.;
12. Graefe A. Accuracy of vote expectation surveys in forecasting elections // *Public Opinion Quarterly*. 2014. Vol. 78. P. 204–232; Rothschild D., Wolfers J. Forecasting elections: Voter intentions versus expectations // SSRN. – 2012. – URL: <https://ssrn.com/abstract=1884644>.
13. GRI G4 Guidelines and ISO 26000: 2010. How to use the GRI G4 Guidelines and ISO 26000 in conjunction. – GRI; ISO, 2014.
14. Hofstede G., Hofstede G.J., Minkov M. *Cultures and Organizations: Software of the Mind*. – New-York: McGraw-Hill, 2010. 576 p. P. 354–358.
15. Lee M.-D. P. A review of the theories of corporate social responsibility: its evolutionary path and the road ahead // *International Journal of Management Reviews*. 2008. Vol. 10(1). P. 53–73
16. Schein E., Schein P. *Organizational Culture and Leadership*. 5th ed. – Hoboken: John Wiley & Sons, 2017. 458 p.; Hofstede G., Hofstede G.J., Minkov M. *Cultures and Organizations: Software of the Mind*. – New-York: McGraw-Hill, 2010. 576 p.
17. Stone W. *Measuring Social Capital: Toward a theoretically informed measurement framework for researching social capital in family and community life*. Research Paper No. 24. – Melbourne: Australian Institute of Family Studies, 2001. 40 p. P. 34–35
18. *Understanding and Measuring Social Capital: A multidisciplinary tool for practitioners* / Ed. by C. Grootaert, T. van Bastelaer. – Washington: The World Bank, 2002. 320 p. P. 23.
19. Van Deth J.W. *Measuring social capital: orthodoxies and continuing controversies* // *International Journal of Social Research Methodology*. 2003. Vol. 6. P. 79–92.

RUSSIAN ORGANIZATIONS SOCIAL CAPITAL: GENERAL SCHEME OF OPERATIONALIZATION

Igumnov O.A.

Moscow pedagogical state university

The article is devoted to organizational social capital operationalization general scheme as well as factors of its formation and effects. A proposed general scheme of operationalization sets the logic for studying the content aspects of social capital. It is proved that the survey method provides the greatest opportunities in the study of social capital. The conclusion about unfavorable conditions for social capital of organizations formation in general is made. The main factors are the type and structure of the organization, CSR policy and corporate culture. Some indicators for corporate culture and other organizational factors of social capital measuring are proposed.

Keywords: organizational social capital; operationalization of social capital; survey method, factors and effects of organizational social capital; corporate social responsibility; corporate culture.

References

1. Bazaleev O.A. *Social capital as a management factor*. Diss ... Cand. of social Sciences. – Saratov, 2002. 148 p.

Специфика экономического детерминизма в современных социально-экономических условиях

Колотухин Денис Владимирович,

аспирант, Институт философии Санкт-Петербургского государственного университета
E-mail: Deniskolotukhin@gmail.com

В настоящей статье рассматривается влияние экономики и экономических факторов на развитие современного общества. В работе выявляется специфика экономической детерминации на современном этапе общественного развития. С этой целью автором статьи анализируются процессы, происходившие в социально-экономической сфере в XX и в XXI столетиях. К изучению также привлекаются труды других авторов, включая те работы, которые никогда ранее не использовались в таких исследованиях. Автором работы отмечается двойственная роль современного социума как объекта и в то же время как субъекта развития. Показано возрастание роли сознательной деятельности человека и ее воздействия на процесс социального развития. Автор статьи приходит к заключению, что последняя накладывает отпечаток на характер и специфику экономической детерминации в современном обществе.

Ключевые слова: экономический детерминизм, противоречия развития, человеческий фактор, современное общество, сознательная деятельность.

Теоретическое и практическое значение проблемы экономического детерминизма обуславливается потребностью в создании условий, необходимых для сознательной выработки и реализации научно обоснованной перспективы развития современного общества. В последние десятилетия, когда в социально-экономической сфере происходят преобразования, кардинально меняющие уклад человеческой жизни, данный вопрос приобретает особую актуальность. Экономический детерминизм, если говорить о нем предельно кратко, представляет собой социально-экономическую доктрину, в соответствии с которой экономические отношения (к примеру, отношения частной либо общественной собственности на орудия и средства производства) являются тем самым фундаментом, над которым надстраиваются все политические, культурные и социальные механизмы общества. Детерминистский подход исходит из предпосылки, что общество, как и природа, подчиняется объективным закономерностям развития, которые с принудительной силой влияют на человека и определяют его общественное бытие. Рассуждая на данную тему, американский экономист Э.Р. Селигмен утверждал: «Существование человека зависит от его способности поддерживать свою жизнь; экономическая жизнь, следовательно, является фундаментальным условием всей жизни. Однако, поскольку человеческая жизнь – это жизнь человека в обществе, индивидуальное существование протекает в рамках социальной структуры и обуславливается этой последней. Средства существования имеют такое же значение для индивидов, какое для общества имеют отношения производства и потребления» [11, с. 3].

Несмотря на то обстоятельство, что родоначальником данного подхода принято называть Карла Маркса, попытки объяснения процесса социального развития с позиций экономического детерминизма могут быть прослежены и в более ранние времена. Более или менее определенно данная идея была сформулирована в Средние века. На Востоке подобного взгляда на роль экономического фактора придерживался Ибн-Хальдун. «Историческое развитие общества, согласно Ибн-Хальдуну, тесно связано... с производством, распределением, потреблением материальных благ. Общество становится обществом, а человек – человеком лишь тогда, когда люди объединяются для производства необходимых им жизненных средств. Преобразующая деятельность людей выделяет человеческое общество из природы» [1, с. 61]. Одним из наиболее видных западных авто-

ров, опиравшихся на экономический принцип, являлся английский писатель XVII столетия Джеймс Гаррингтон. По его убеждению, фундаментом политической власти в обществе является собственность в виде земли, товаров, а также денег. При этом обе формы государственного правления (как республика, так и монархия) у данного автора определялись отношением права собственности на землю [12, с. 11]. Осмыслением исторического процесса эволюции семейных отношений в их «тесной связи с эволюцией собственности» занимался в XIX столетии М.М. Ковалевский [2, с. 12]. Но, пожалуй, одним из наиболее известных произведений подобной тематики стала работа Фридриха Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». В упомянутой работе ее автором с детерминистских позиций был описан процесс разложения кровнородственных связей первобытного общества, а также возникновения и эволюции государства как результата распада этого общества на социально-экономические классы. В американской историографии даже предпринимались отдельные попытки исследования истории конституционного права США с точки зрения экономического подхода, поскольку предполагалось, что «конституционная история является процессом, посредством которого различные экономические группы стремятся защищать свои частные интересы путем принятия или изменения основного закона государства» [13, с. 27]. Как показывает сделанный выше по тексту обзор, попытки осмысления данной проблематики неоднократно предпринимались как в философской, так и в научной мысли. Однако большинство трудов, написанных на эту тему, касались только отдельных аспектов интересующей нас проблемы. К тому же большинство из них излагают устаревший взгляд на этот вопрос, что свидетельствует о целесообразности переосмысления данной проблемы применительно к современным социально-экономическим условиям.

Не будет лишним указать на то, что детерминистские теории действительно проблематичны. Если бы законы детерминации действовали с неотвратимой силой, то любое событие, происходящее в окружающем человека природном или социальном мире, можно было бы просчитать на много лет вперед. Показательна в этом плане «популярная метафора Лапласа о демоне, предсказывающем будущее Вселенной, предлагающая характеристику детерминизма с позиций законов природы» [14]. Если говорить в двух словах, то суть данной метафоры сводилась к тому, что если бы человек мог получить знание о положении всех объектов, существующих во Вселенной, а равным образом и обо всех тех законах, которые управляют поведением этих объектов, то был бы способен рассчитать время и место любого события, которое когда-либо свершится в дальнейшем. А для этого, как отмечает Лаплас, «мы должны рассматривать нынешнее состояние Вселенной как следствие ее предшествующего состояния и как причину то-

го состояния, которое должно будет последовать далее» [15, с. 4]. Однако на практике сделать это оказывается сложно даже на ближайшую историческую перспективу. В настоящей работе ее автором будет исследовано предположение, согласно которому фактором, влияющим на характер и специфику экономической детерминации в современном обществе, является человек, чья сознательная деятельность отражается на всех тех процессах, которые происходят в области социально-экономических отношений.

Приступая к рассмотрению настоящего вопроса, необходимо в первую очередь отметить те изменения, которые произошли в социально-экономической сфере за последнее столетие. Главное, что обращает на себя внимание при изучении экономической составляющей жизни современного социума, – наличие третичного сектора экономики и большого процента людей, занятых в этом секторе. В терминологии американского социолога Дэниела Белла подобное общество принято называть постиндустриальным. Речь, конечно, не идет об исчезновении промышленности и сельского хозяйства либо о снижении их роли в жизни человека. В «Культурных противоречиях капитализма» Белл писал: «Я должен подчеркнуть тот факт, что постиндустриальное общество не может заместить (displace) индустриальное и даже аграрное. <...> Оно только добавляет к ним новое измерение...» [16, с. 198] Возрастающая роль теоретического знания (а также рост числа людей, занятых умственным трудом) становится еще одной важной характеристикой такого типа общества. На данное обстоятельство обращали внимание не только в западной, но и в советской социально-философской литературе: «В условиях научно-технической революции в центре внимания оказывается человек с его физическими и духовными свойствами как производительная сила общества. Научно-техническая революция неизмеримо поднимает роль человека в условиях современного производства, когда возрастает доля умственного труда и относительно уменьшается доля физических усилий в производственном процессе» [3, с. 17–18]. Таким образом, изменение социально-экономических условий и характера общественного труда поднимают роль человеческого (субъективного) фактора.

В этом месте необходимо отметить, что детерминистский подход был характерен не только для марксистских, но и для немарксистских теорий. Так, долгое время в западной экономической мысли господствовало представление о «невидимой руке рынка», о том, что экономика капиталистического общества, управляемая имманентно присущими ей закономерностями, является большей частью саморегулирующейся системой, обеспечивающей социально-экономическое развитие без вмешательства со стороны человека. Однако возможности саморегуляции данной системы на практике оказались не столь безграничными. Чем более развитым становится общество, чем

сложнее его социальная и экономическая организация, тем острее ощущается потребность в контроле, в планировании и в прогнозировании процесса его развития. Уже Джордж Сорос был вынужден признать: «Истина при этом заключается в том, что сам рыночный фундаментализм – наивен и нелогичен. Даже если мы отложим в сторону более существенные моральные и этические вопросы и сконцентрируемся только на экономических проблемах, идеология рыночного фундаментализма и здесь окажется глубоко и безнадежно ошибочной. Иными словами, рыночные силы, если им предоставить полную власть, даже в чисто экономических и финансовых вопросах, вызывают хаос и в конечном итоге могут привести к падению мировой системы капитализма» [4, с. 13]. Если бы экономика развитого общества управлялась только внутренне присущими ей законами, то давно бы уже пришла в упадок. «Современный взгляд на этот вопрос таков, что, хотя рука, несомненно, действует, однако она страдает артритом» [17, с. 217], – утверждают авторы одного из современных экономических словарей. На основании этого следует заключить, что о самостоятельной регуляции всех процессов, которая происходила бы без вмешательства и контроля со стороны человека, на данной стадии общественного развития не может быть и речи. И хотя экономический детерминизм в современном обществе все равно присутствует, однако различные процессы, происходящие в социально-экономической сфере, регулируются и корректируются целенаправленной и сознательной деятельностью человека. Исходя из данного обстоятельства, можно с уверенностью выделить рост значения человеческого фактора как одну из наиболее характерных особенностей современного этапа развития.

В подобной ситуации только осмысленное и целенаправленное вмешательство в хозяйственную сферу жизни социума способно минимизировать нежелательные последствия функционирования экономики рынка, обеспечить сохранение и развитие всей мировой системы. Одним из примеров такого вмешательства в развитие социально-экономической жизни может служить социальная политика, целью которой является устранение негативных последствий функционирования рыночной экономики посредством сознательной, целенаправленной регуляции развития социально-экономических отношений, особенно в трудовой сфере. «Социальная политика и социально-трудовая сфера имеют обратное влияние на общество, экономику, формирование доходной части бюджетов всех уровней» [5, 11]. Однако роль и значение сознательной деятельности человека в развитии социально-экономической сферы его жизни не следует абсолютизировать. Человеческий (субъективный) фактор действительно приобретает большое значение в регуляции социальных отношений и в развитии материальных производительных сил современного общества, но и сам в немалой степени зависит от них. Лю-

бые идеи и намерения могут быть реализованы им ровно настолько, насколько позволяют объективные условия окружающей материальной среды. Материальные условия могут не только способствовать, но и препятствовать осуществлению его деятельности, сохраняя в любом случае ключевую роль. Говоря о возрастании роли сознательной деятельности в развитии общественной жизни, необходимо отдавать себе отчет в том, что «субъективный фактор оказывает наибольший эффект лишь тогда, когда имеет под собой надежную материальную основу, функционирует в соответствии с развивающимися производительными силами. Действия субъективного фактора, оторванного от объективных условий, отрицательно влияют на производство» [6, с. 173]. Наряду с возрастанием степени воздействия человека на процессы, происходящие в различных сферах его общественной жизни, многократно возрастает и цена человеческой ошибки. Проблема заключается в том, что результат, к которому может привести подобная деятельность, на практике оказывается крайне сложно спрогнозировать. В подобной ситуации развитие экономики и общества в целом может пойти по непредсказуемому и даже нежелательному для самого общества сценарию.

Другими примерами сознательного вмешательства человека в экономическую область могут служить социальное планирование и прогнозирование, значение которых могло быть в полной мере осмыслено лишь в наши дни. Чем выше темпы экономического роста, чем стремительнее процессы, происходящие в нашей жизни, тем выше становится потребность в получении превосходящего знания, в способности развивающегося общества предвидеть и планировать процесс своего развития. По этой причине наряду со становлением сервисного сектора экономики, представленного сферой услуг, вместе с формированием новой социальной структуры и изменением роли теоретического знания Дэниел Белл также выделяет «возникающие элементы социального планирования и прогнозирования» [7, с. XXV–XXVI]. «Чтобы быть уверенным в эффективности своей деятельности и достоверно знать о ее вероятных последствиях, необходимо предвидеть на все больший срок вперед» [8, с. 3]. Становясь необходимым условием развития, социальное планирование и прогнозирование проникают в различные сферы жизни человеческого общества. «Сегодня прогнозирование является важным аспектом деятельности любой фирмы. Одними из первых участников бизнес-прогнозирования (как мы его знаем и понимаем) были экономисты, которые в 1920-х годах пытались прогнозировать и контролировать бизнес-цикл. Экономисты разработали области эконометрического анализа, анализа затрат-выпуска и построения моделей, которые широко используются в прогнозировании. Математики, ученые, принимающие решения, также внесли свой вклад в методы, которые получили распространение в литературе по прогнозированию» [8, с. 3].

нию» [18]. Постепенно внедряя в свою хозяйственную жизнь элементы социального планирования и прогнозирования, современный высокоразвитый социум все больше утверждает себя в качестве не только пассивного объекта, но и активного субъекта развития.

Процесс общественного развития, таким образом, детерминируется не только объективными законами, которые действуют помимо воли и сознания человека, но и самим человеком, действующим осознанно и сообразно со своими целями и планами. В такой ситуации может показаться, что планирование и прогнозирование способны решить большинство проблем, стоящих перед социумом, поставить весь процесс социального развития под контроль со стороны человека. Однако это не так. Планирование и прогнозирование, будучи безусловно необходимым, все же не являются достаточным условием для достижения данной цели. Уже в советской литературе было признано, что планирование не может быть тотальным, а социальное предвидение (прогнозирование) не отличается точностью. «Поскольку предвидение непрерывно развивающихся объективных условий никогда не может быть полным, постольку на всех этапах социализма существуют элементы стихийности и случайности» [6, с. 176], – отмечал в своей статье Н.Д. Колесов. Стихийность и случайность не могут быть полностью устранены человеком из социально-экономической сферы, особенно если принять во внимание возможные недочеты и ошибки в его расчетах и планах, исключить которые полностью представляется практически невыполнимой задачей. Непроизвольный разрыв цепей причинно-следственных связей и закономерностей на практике может иметь непредвиденные последствия для всей жизни современного человеческого социума. Ставит под сомнение возможность существования опирающихся на эти законы социальных теорий и самой науки как таковой. По этой причине известная со времен Античности философская проблема необходимости и свободы (проблема детерминизма и индетерминизма) не утрачивает своей актуальности в наши дни и по-прежнему сохраняет свое значение для социально-философской мысли.

Наиболее оригинальное философское решение данной проблемы было предложено Гегелем. Мысль о том, что случайное необходимо, а необходимое случайно, была сформулирована им во втором томе его «Науки логики» [9, с. 197–198]. Данное положение целиком вошло в одну из глав книги Ф. Энгельса «Диалектика природы», где эта мысль иллюстрировалась на примере эволюционной теории Дарвина [10, с. 535], которая допускала как поступательное закономерное развитие видов, так и произвольные внутривидовые изменения, которые могут выходить за пределы прежнего вида. К схожим выводам привело научный мир и развитие на рубеже XIX и XX столетий квантовой механики, выявившей, что если на уровне макрообъектов действуют законы лапласовского

детерминизма, то на уровне микрообъектов проследить действие этих причинных законов уже не представляется возможным. Но поскольку все макрообъекты состоят из микрообъектов, то они оказываются детерминированными и индетерминированными одновременно. Рассуждая на эту тему, Стивен Хокинг отмечал следующее: «Может показаться, что квантовая физика подрывает идею о том, что природа управляется законами, но это не так. Вместо этого она приводит нас к принятию новой формы детерминизма: учитываемая состояние системы в определенный момент времени, законы природы определяют возможности различных вариантов будущего и прошлого, а не определяют будущее и прошлое с уверенностью» [19, с. 115]. Отражая специфический характер социальной формы движения материи, социальный детерминизм предполагает, что каждое событие определяется событиями предшествующими. И так получается, что в социальной сфере, как и в материальном мире природы, человек постоянно сталкивается с тем фактом, что необходимость и случайность (эти две диаметрально противоположные философские категории) не только не исключают, но и предполагают друг друга. Процесс развития современного высокоразвитого общества включает в себя моменты сознательности и стихийности, случайности и закономерности и отличается своим противоречивым характером. Неудивительно, что социальные прогнозы и предсказания, как правило, носят лишь вероятностный характер.

Таким образом, выдвинутая во введении к настоящей статье гипотеза в общем и целом была подтверждена. Несмотря на то обстоятельство, что такие объективные материальные факторы, как природная среда и экономика, продолжают оказывать свое детерминирующее воздействие на жизнь современного общества, характер этого воздействия с течением времени претерпевает изменения. Природная среда создает материальные условия, объективно необходимые обществу для развития социально-экономических отношений. Однако в развитии экономических отношений немаловажную роль играет субъективный фактор, а именно сам человек, социально-экономическую деятельность которого отличает сознательный и целенаправленный характер. В настоящей работе было показано, что возрастание роли сознательной деятельности человека является основной чертой современной эпохи и главным ключом к пониманию многих процессов в жизни высокоразвитого общества. Благодаря развитию научной сферы человек приобретает способности к контролю, к прогнозированию и к проектированию процесса социального развития, который вследствие этого детерминируется не только объективными, но и субъективными факторами. Было обосновано, что данное обстоятельство вносит заметные изменения в цепочки причинно-следственных связей и закономерностей, выводя общество на совершенно новые траектории его развития. Пер-

спективы же дальнейшего исследования данной проблематики будут состоять в более глубоком и более детальном изучении характера воздействия субъективных факторов на жизнь и процесс развития современного человеческого общества.

Литература

1. Игнатенко А.А. Ибн-Хальдун. М.: Мысль, 1980.
2. Ковалевский М.М. Очерк происхождения и развития семьи и собственности. М.: Соцэ-гиз, 1939.
3. Марахов В.Г. Введение // Социализм: диалектика развития производительных сил и производственных отношений. М.: Мысль, 1975. с. 334.
4. Сорос Д. Кризис мирового капитализма: открытое общество в опасности. М.: Инфра-М, 1999.
5. Социальная политика: учебник / Под общ. ред. Н.А. Волгина. М.: Издательство «Экзамен», 2003.
6. Колесов Н.Д. Производственные отношения социалистического общества // Социализм: диалектика развития производительных сил и производственных отношений. М.: Мысль, 1975. с. 334.
7. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт соц. прогнозирования / Пер. с англ., под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 2004.
8. Араб-Оглы Э.А. Человек и техника в условиях научно-технической революции // В лабиринте пророчеств: социальное прогнозирование и идеологическая борьба. М.: Молодая гвардия, 1973.
9. Гегель Г. В.Ф. Наука логики. Т. 2. М.: Мысль, 1971.
10. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 20. М.: Политиздат, 1961.
11. Seligman, E. R.A. The economic interpretation of history. N. Y.: Columbia University Press, 1907.
12. Harrington, J. The commonwealth of Oceana. London: printed for D. Pakeman, 1656.
13. Brown, R.E. Charles Beard and the Constitution, a critical analysis of "An economic interpretation of the Constitution". Princeton: Princeton University Press, 1956.
14. Muller, T., Placek, T. Defining Determinism // The British Journal for the Philosophy of Science, Volume 69, Issue 1, March 2018. Pp. 215–252.
15. Laplace, P. S. A philosophical essay on probabilities / Translated from the 6th French ed. by F.W. Truscott and F.L. Emory; introductory note by E.T. Bell. New York: Dover Publications, 1951.
16. Bell, D. The Cultural Contradictions of Capitalism. N. Y.: Basic Books, 1976.
17. Macmillan dictionary of modern economics / Gen. editor Pearce, D. W. 3. ed. London; Basingstoke: Macmillan ref. books, 1986.

18. Manoj, K.A. Reviewed Work(s): Forecasting: An Appraisal for Policy Makers and Planners // Journal of Marketing Research, Vol. 17, № 2. May 1980. Pp. 269–271.
19. Hawking, S. The grand design. New York: Bantam Books, 2010.

SPECIFICITY OF ECONOMIC DETERMINISM IN MODERN SOCIO-ECONOMIC CONDITIONS

Kolotukhin D.V.

Institute of philosophy of Saint Petersburg State University

The paper deals with the influence of economics and economic factors on the development of contemporary society. It reveals the specifics of economic determination of modern social development. To this purpose, the author analyses the processes that took place in the socio-economic sphere in the 20th and 21st centuries. The study also uses the papers of other authors, including those that have never been used in such studies. The author points out the dual role of contemporary society as an object and at the same time as a subject of development. The increasing role of human conscious activity and its impact on the development process are shown. The author of the paper concludes that the man has a significant impact on the nature and specificity of economic determination in modern society.

Keywords: economic determinism, the contradictions of development, the human factor, modern society, conscious activity.

References

1. Ignatenko A.A. Ibn-Khaldun, Moscow: Mysl, 1980.
2. Kovalevsky M.M. An Essay on the origin and development of the family and property. Moscow: Sotsekgiz, 1939.
3. Marakhov V.G. Introduction // Socialism: dialectics of the development of productive forces and industrial relations. Moscow: Mysl, 1975. p. 334.
4. Soros D. the Crisis of world capitalism: open society in danger. Moscow: Infra-M, 1999.
5. Social policy: the textbook / Under the General editorship of N.A. Volgina. M.: Publishing House "Examination", 2003.
6. Kolesov N.D. Industrial relations of the socialist society // Socialism: dialectics of the development of productive forces and industrial relations, Moscow: Mysl, 1975, p. 334.
7. Bell D. The Coming postindustrial society: the experience of social forecasting / Per. s angl., ed. V.L. Inozemtsev. M.: Academia, 2004.
8. Arab-Ogly E.A. Man and technology in the conditions of scientific and technical revolution // In the labyrinth of prophecies: social forecasting and ideological struggle, Moscow: Molodaya Gvardiya, 1973.
9. Hegel G. V.F. Science of logic. Vol. 2. m.: Thought, 1971.
10. Marx K., Engels F. Essays, Vol. 20, Moscow: Politizdat, 1961.
11. Seligman, E. R.A. The economic interpretation of history. N. Y.: Columbia University Press, 1907.
12. Harrington, J. The commonwealth of Oceana. London: printed for D. Pakeman, 1656.
13. Brown, R.E. Charles Beard and the Constitution, a critical analysis of "An economic interpretation of the Constitution". Princeton: Princeton University Press, 1956.
14. Muller, T., Placek, T. Defining Determinism // The British Journal for the Philosophy of Science, Volume 69, Issue 1, March 2018. Pp. 215–252.
15. Laplace, P. S. A philosophical essay on probabilities / Translated from the 6th French ed. by F.W. Truscott and F.L. Emory; introductory note by E.T. Bell. New York: Dover Publications, 1951.
16. Bell, D. The Cultural Contradictions of Capitalism. N. Y.: Basic Books, 1976.
17. Macmillan dictionary of modern economics / Gen. editor Pearce, D. W. 3. ed. London; Basingstoke: Macmillan ref. books, 1986.
18. Manoj, K.A. Reviewed Work(s): Forecasting: An Appraisal for Policy Makers and Planners // Journal of Marketing Research, Vol. 17, № 2. May 1980. Pp. 269–271.
19. Hawking, S. The grand design. New York: Bantam Books, 2010.

Образование для цифровой экономики: онлайн-курсы как вызов университету

Жук Иван Игоревич,

аспирант, кафедра социологии и управления персоналом,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет
E-mail: vanyazuk@gmail.com

Панфилов Александр Сергеевич,

аспирант, кафедра социологии и управления персоналом,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет
E-mail: as.panfilov@outlook.com

«Цифровая экономика» стала одним из главных проектов современного развития общества в Российской Федерации. Согласно плану реализации, к 2024 году в стране должна быть выстроена система образования, которая будет отвечать новым требованиям к компетенциям необходимым цифровой экономике. В данной статье рассматривается развитие онлайн-курсов на отечественном рынке, которые призваны подготовить квалифицированные кадры для удовлетворения будущего спроса. Также будут рассмотрены их преимущества и недостатки перед классическим образованием в университете.

Ключевые слова: цифровая экономика, высшее образование, онлайн-курсы, цифровизация, МСОС.

Цифровые технологии уже сейчас играют ключевую роль во многих аспектах жизни общества. Это коснулось и сферы образования. Отрасль информационных технологий в виде крупных корпораций, средних и малых предприятий, а также инновационных стартапов, нуждается в работниках нового качества с навыками и компетенциями работы в цифровой среде [3]. Конкуренция на современном рынке труда повышает спрос на квалифицированную рабочую силу, в то время как отсутствие навыков в цифровой среде стало глобальной проблемой. Специалисту необходимы глубокие знания его возможностей и преимуществ. Для подготовки таких специалистов, содержание обучения должно соответствовать потребностям рынка труда, и должно увеличить объем знаний и навыков в области ИТ в процессе обучения. Быстрые изменения в экономической среде и на рынке труда актуализируют необходимость образовательных изменений. В условиях формирующейся цифровой экономики методы обучения не могут оставаться прежними. Чтобы образование стало конкурентоспособным в 21 веке, учебные заведения должны использовать новейшие технологические разработки и проводить обучение с использованием цифровых технологий.

Вызовы цифровой экономики

Изменение цифровой среды обсуждалась президентом Российской Федерации на пленарном заседании ПМЭФ. На данном мероприятии были определены ключевые интересы государства в цифровой экономике. В дальнейшем была разработана программа «Цифровая экономика», предусматривающая «меры по созданию правовых, технических, организационных и финансовых условий для развития цифровой экономики в России и ее интеграции в экономику государств-членов Евразийского экономического союза» (Путин В.В., 2016) [1].

Согласно предыдущему исследованию [8], цифровая экономика представляет собой сетевую структуру с определенным ядром и периферией. Государственная программа по цифровизации экономической деятельности в России подразумевает под собой развитие множества сфер жизнедеятельности страны. Сюда включено: развитие «умного города», цифровизация финансового сектора, анализ больших данных. Для того, чтобы поддерживать эту сеть, агенты в сети должны стабильно работать. Предполагается создание рабочих мест для специалистов, которые свободно оперируют в цифровой области. Это указано в программе «Кадры для цифровой экономики», утвержденной 28 мая 2019 года.

В связи с этим, учреждения, такие как университеты, должны поставлять квалифицированных рабочих для поддержки развития цифровой экономики. Однако мы видим картину развивающегося рынка онлайн и офлайн образования. К тому же в рынок образования в цифровой среде подключились и центральные агенты межорганизационной сети, такие как Mail.ru Group, Yandex, Сколково, Сбербанк, Лаборатория Касперского [2].

На основе спроса на образовательные услуги, увеличивается предложение по платформам, на которых можно проводить обучение. К таким платформам можно отнести GetCourse, SkyEng, Универсарий [11]. Последний, в свою очередь, предоставляет свою площадку для технических ВУЗов.

Стоит отметить и про массовые открытые онлайн-курсы (MOOK), которые существуют достаточно давно в лице UDEMY, Coursera, edX и пр. Согласно исследованию Сидоровой А.А. [12], такие площадки привлекают большое количество студентов за счет нескольких причин:

- 1) бесплатность образования;
- 2) возможность прослушать лекции известных профессоров;
- 3) многоязычность преподаваемых курсов;
- 4) официальные сертификаты, которые признаются компаниями при трудоустройстве;
- 5) удобство просмотра лекций, можно вернуться к материалу, пересмотреть его и выполнить нужно задание;
- 6) отсутствие санкций за ошибки, возможность их исправления.

В качестве недостатка MOOK можно отметить низкий показатель завершения курсов. Только 5% слушателей получают сертификат, 4,2% выполняют больше половины курса, а большинство 55,8% не проходят и половины. Процент отсева может достигать 97% [6]. Именно это считают главным фактором невозможности онлайн-образования стать конкурентом традиционному образованию. Если смотреть в абсолютных цифрах, то из более чем 800 тысяч студентов, получают сертификат более 40 тысяч пользователей.

Классический университет, в свою очередь, предлагает более структурированные знания, разбитые на большое количество дисциплин, которые студент обязан пройти. Согласно исследованию спроса на массовые онлайн курсы, авторы статьи [10] отмечают, что к недостаткам MOOK относят:

- отсутствие возможности индивидуального общения с преподавателем;
- контроль обучения;
- высокая вероятность отсева;
- низкое качество обучения;
- стоимость сертификата о прохождении.

Однако курсы, которые появляются сейчас, стараются минимизировать эти недостатки. Особенно, к таким можно отнести массовые закрытые онлайн-курсы (MCOC – massive closed online courses). К примеру, некоторые курсы Skillbox предполагают освоение профессии по итогам об-

учения. Происходит контроль обучения, присутствие преподавателя и тех, кто проверяет задания. Однако, стоимость таких курсов достаточно высока и может быть более 100 тысяч рублей. Такие курсы длятся продолжительное время. К примеру, курс «Профессия Full stack-разработчик» длится 10 месяцев и стоит 64615 рублей.

Таким образом, образовательное направление (или EdTech) создает конкуренцию классическим университетам для увеличения количества сотрудников, которые могут работать в условиях «Цифровой экономики». Ведь требования к специалистам основываются на знании инструментов и опыте работы. В исследовании оценки программистов, авторы указывают на ключевые технологии и инструменты программирования, которыми должен обладать сотрудник и которые готовы предоставить онлайн-курсы [9].

Закрытые практикумы, которые сейчас создаются, более подходят для развития цифровой экономики, потому что студенту представляется «максимально приближенная к реальности среда выполнения производственного задания» [7]

Получается, что онлайн-курсы от крупных компаний созданы для получения практических навыков, которые требуются работодателям в условиях увеличения спроса на высококвалифицированных специалистов. Онлайн-образование создает предложение на данный спрос.

Согласно исследованию требования работодателей [5], наиболее важными характеристиками претендента являются:

- коммуникативность и умение работать в команде,
- целостность личности,
- интеллектуальные способности,
- грамотность,
- способность анализировать и принимать решения,
- способность работать с числами.

Обучение на онлайн-курсах призваны усвоить программу освоения определенных профессиональных навыков (hard skills). Классический университет же предоставляет возможность студентам развиваться разносторонне и развивает так называемые «Гибкие навыки» (soft skills) [4]. Таким образом, онлайн-курсы создают конкуренцию университетам в области hard skills, что позволяет студентам осваивать новые программы, которые изменяются в соответствии с запросами цифровой экономики. Однако, гибкие навыки традиционно развиваются в университете и онлайн-образование не призвано развивать данные качества человека. Онлайн-курсы и классический университет могут существовать в симбиозе и призваны развивать разные аспекты профессиональной деятельности индивида.

Объединяя вышесказанное, можно сделать несколько выводов:

1. Взаимодействие университетов и MOOKов является необходимым для гармоничного развития навыков и компетенций учащихся, особенно для занимающихся узкоспециализированны-

ми профессиями. Система должна предоставить студентам возможность в короткие сроки получить максимальное количество пользы, переходя из одной области в другую для наилучшего сохранения баланса базовых и дополнительных образовательных программ, развития профессиональных и «гибких» навыков.

2. У МООКов существует две ключевые проблемы. первой является проблема мотивации и самомотивации, что подтверждено многочисленными исследованиями, а второй – отсутствие общепринятых стандартов, по которым работали бы МООКи и которые бы удовлетворяли все стороны процесса – университет, студентов, работодателей.

В нынешней ситуации маловероятно, что МООКи смогут заменить традиционные университетские программы, однако, для увеличения эффективности этих программ необходимо поддерживать совместную работу всех участников образовательного процесса внутри и вне университетов. Проблема, которую затрагивает данная статья относительно недавно стала предметом обсуждения ученых, а следовательно большинство ключевых исследований пока только на стадии планирования, но именно они и определяют направление, в котором будет двигаться онлайн-образование.

Литература

1. Khitskov E.A., Veretekhina S.V., Medvedeva A.V., Mnatsakanyan O.L., Schmakova E.G., Kotenev. A. Digital Transformation of Society: Problems Entering in the Digital Economy. – 2017. – № 12. – С. 855–873.
2. Kretsu C. Бесплатные курсы и школы от российских ИТ-компаний. [Электронный ресурс]. URL: <https://vc.ru/hr/45372-besplatnye-kursy-i-shkoly-ot-rossiyskih-it-kompaniy> (дата обращения: 02.04.2020).
3. Maymina E., Divina T., Liulia V. Digital economy in education: Perspectives and development / Revista Espacios. – 2018. – Vol. 39 (Number 38). – P. 30.
4. Бацунов С.Н., Дереча И.И., Кунгурова И.М., Слизкова Е.В. Современные детерминанты развития soft skills // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2018. – № 4 (апрель). – С. 198–207.
5. Дудина М.М., Глотова Е.Е. Изучение требований работодателей к выпускникам ВУЗов: Российский и зарубежный опыт // Гуманитарные исследования. – 2015. – № 1(5). – С. 95–98.
6. Макаров В.С. Массовые открытые онлайн-курсы: оценки эффективности и рекомендации экспертов // Образовательные технологии. – 2014. – № 2. – С. 138–146.
7. Онлайн-обучение: как оно меняет структуру образования и экономику университета. Открытая дискуссия Я.И. Кузьминов – М. Карной // Вопросы образования. – 2015. – № 3. – С. 8–42.

8. Панфилов А.С. Цифровая экономика как государственная сетевая структура межорганизационной сети // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. – 2019. – № 6. – С. 81–85.
9. Прихожий А.А., Ждановский А.М. Метод оценки квалификации и оптимизация состава профессиональных групп программистов // Системный анализ и прикладная информатика. – 2018. – № 2. – С. 4–11.
10. Рощина Я.М., Рощин С.Ю., Рудаков В.Н. Спрос на массовые онлайн-курсы (МООС): опыт российского образования // Вопросы образования. – 2018. – № 1. – С. 174–199.
11. Рыжкова Д., Арановская М., Рейхард И., Высоких С. 35 крупнейших EdTech-компаний России: рейтинг РБК [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/trends/education/5d68e8fb9a7947360f1e2e52>
12. Сидорова А.А. Массовые открытые онлайн-курсы: вызовы и перспективы для российского образования // Государственное управление в XXI веке: материалы 13-й международной конференции. – М.: «КДУ», «Университетская книга», 2016. – С. 52–56.

EDUCATION FOR DIGITAL ECONOMY: ONLINE COURSES AS CHALLENGE FOR CLASSICAL UNIVERSITY

Zhuk I.I., Panfilov A.S.

St. Petersburg state University of Economics

«Digital economy» became one of the main projects of social development in the Russian Federation. According to the implementation plan, by 2024, an education system should be built in the country that will meet the new competency requirements required by the digital economy. This article discusses the development of online courses in the domestic market, which are designed to prepare qualified personnel to meet future demand. Their advantages and disadvantages over classical education at the university will also be considered.

Keywords: MOOC, digital economics, higher education, online courses, digitalization.

References

1. Khitskov E.A., Veretekhina S.V., Medvedeva A.V., Mnatsakanyan O.L., Schmakova E.G., Kotenev. A. Digital Transformation of Society: Problems Entering in the Digital Economy. – 2017. – No. 12. – С. 855–873.
2. Kretsu C. Free courses and schools from Russian IT companies. [Electronic resource]. URL: <https://vc.ru/hr/45372-besplatnye-kursy-i-shkoly-ot-rossiyskih-it-kompaniy> (accessed: 02.04.2020).
3. Maymina E., Divina T., Liulia V. Digital economy in education: Perspectives and development / Revista Espacios. – 2018. – Vol. 39 (Number 38). – P. 30.
4. Batsunov S.N., Derecha I.I., Kungurova I.M., Slizkova E.V. Modern determinants of the development of soft skills // Scientific and methodological electronic journal “Concept”. – 2018. – No. 4 (April). – С. 198–207.
5. Dudina M.M., Glotova E.E. Studying the requirements of employers for graduates of universities: Russian and foreign experience // Humanitarian Studies. – 2015. – No. 1 (5). – С. 95–98.
6. Makarov V.S. Massive open online courses: performance evaluations and expert recommendations // Educational Technologies. – 2014. – No. 2. – С. 138–146.
7. Online learning: how it changes the structure of education and the economy of the university. An open discussion by Ya.I. Kuz-

- minov – M. Karnoy // Educational Issues. – 2015. – No. 3. – С. 8–42.
8. Panfilov A.S. Digital economy as a state network structure of an interorganizational network // Medicine. Sociology. Philosophy. Applied research. – 2019 – No. 6. – S. 81–85.
 9. Entrance A.A., Zhdanovsky A.M. Qualification assessment method and optimization of the composition of professional groups of programmers // System analysis and applied informatics. – 2018. – No. 2. – S. 4–11.
 10. Roshchina Ya.M., Roshchin S. Yu., Rudakov V.N. Demand for Mass Online Courses (MOOC): Russian Education Experience // Educational Issues. – 2018. – No. 1. – С. 174–199.
 11. Ryzhkova D., Aranovskaya M., Reikhard I., Vysokikh S. The 35 largest Russian EdTech companies: RBC rating [Electronic resource]. URL: <https://www.rbc.ru/trends/education/5d68e8fb9a-7947360f1e2e52>
 12. Sidorova A.A. Massive open online courses: challenges and prospects for Russian education // Public Administration in the XXI Century: Proceedings of the 13th International Conference. – M.: “KDU”, “University Book”, 2016. – С. 52–56.

Органы местного самоуправления и районные СМИ как субъекты информационного пространства города

Пономарева Диана Игоревна,

кандидат психологических наук, доцент кафедры социологии, психологии и социального менеджмента, Московский авиационный институт
E-mail: di37tap1@mail.ru

Кузьмичева Алла Александровна,

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры социологии, психологии и социального менеджмента, Московский авиационный институт
E-mail: allamai@list.ru

В статье изложены результаты исследования качественного состояния взаимодействия сотрудников одной из Управ г. Москвы с государственными и частными средствами массовой информации. Актуальность данной научной работы обусловлена тем, что с социологических и психологических позиций была проанализирована тенденция взаимоотношений органов муниципальной власти, населения и СМИ различных уровней. Выявлена роль прессы в процессе взаимодействия муниципального органа управления с гражданами – в качестве канала широкого информирования общественности о своей работе, а также источника информации, необходимой для принятия стратегических и тактических решений. Показано, что в настоящее время существует социальная потребность в создании адекватной эффективной системы взаимодействия между представителями муниципальной власти мегаполиса (Управы в качестве субъекта информационной политики) и журналистами. Такая система должна сделать значимую информацию доступной для граждан, обеспечивать наличие обратной связи, многовариантность альтернативных достоверных источников информации о жизни и состоянии общества.

Ключевые слова: органы власти, муниципалитет, Управа, СМИ, гражданское общество, журналистика, связи с общественностью, социальное партнерство.

Введение

В современном российском обществе формирование и демонстрация активной позиции населения мегаполиса по социально значимым вопросам является одной из приоритетных задач. Открытый и беспрепятственный доступ к социально востребованной информации выступает в этом контексте необходимым условием демократичного управления на уровне территориальных органов власти. Актуальная информация способствует более широкой осведомленности разных социальных целевых групп, стимулирует прогресс в развитии информационных технологий, а также может помочь в решении сложных экономических, научных и культурных проблем [1; 3; 10].

Реализация права граждан на информацию, а также информационная открытость органов публичной власти являются важнейшими условиями функционирования правового государства [9]. Без доступа к информации граждане не могут активно участвовать в обсуждении различных насущных вопросов и принимать объективные решения, когда возникает необходимость голосовать на выборах. Без сведений о том, в чем конкретно состоят права каждого гражданина и как государство обязуется их гарантировать и соблюдать, люди не могут точно знать, соблюдает ли эти права государство, выполняет ли свои обязанности по обеспечению граждан необходимыми ресурсами. Не располагая соответствующей информацией об изменениях в государственной политике и общегосударственных решениях, граждане не смогут грамотно обосновать свои претензии и потребовать защиты своих прав [4; 5].

Таким образом, обеспечение открытости информации для граждан и защита их информационных прав, а также ориентация важнейших технологических компонентов информационной среды (системы формирования, распространения и использования информационных ресурсов, информационно-телекоммуникационной инфраструктуры и информационных технологий) на обеспечение свободного обращения информации, воплощения в жизнь конституционного права на свободный поиск, получение, производство и распространение массовой информации – все это должно быть трендом в процессе взаимодействия муниципалитетов с представителями СМИ [2; 8].

В настоящее время связи с общественностью являются существенным, системообразующим элементом в структуре деятельности и массовой коммуникации органов государственной (в частности, муниципальной) власти [6; 14]. В зависимо-

сти от типа органа государственной власти, содержания информации и цели обращения существует несколько способов взаимодействия. Первый – это пропаганда, то есть информирование публики о деятельности органов государственной власти. Данный способ имеет существенные недостатки, так как при этом отсутствует возможность обратной связи, следовательно, люди в большинстве своем с недоверием относятся к предоставленной информации. Второй способ взаимодействия с общественностью – распространение положительной информации о деятельности при помощи специальных PR-технологий на основе убеждения. В результате учитывается реакция общественности, на которую направлено воздействие, что может, в свою очередь, неблагоприятно повлиять на имидж органа государственной власти. Третий способ – регулярное информирование граждан о деятельности территориальных властей, координация усилий для удовлетворения запросов граждан и предотвращения конфликтов между населением и чиновниками на местах. Реальное участие общественности в подготовке и принятии решений, значимых для местного самоуправления, предполагает полную информированность населения уже на ранних стадиях процесса принятия решений [7]. Это возможно только в том случае, если доступ к информации будет свободным и легким. Принимающие решения инстанции должны приглашать общественность к сотрудничеству – просить ее формулировать вопросы и высказывать свое мнение на дискуссиях, адекватно реагировать на высказываемые замечания и пожелания. Решения, принятые вопреки мнению общественности, должны быть мотивированы.

Известно, что журналисты и местная власть, как правило, находятся в очень сложных взаимоотношениях [7; 12]. Основная трудность – разнонаправленность интересов чиновников муниципалитетов и журналистов относительно поддержания в государственных и частных СМИ собственного имиджа, а также позиционирования представляемых ими структур в глазах общественности. В связи с этим представляется наиболее целесообразной мерой реализация принципа социального партнерства. В менталитете руководства городов возрастает осознание того, что важнейшим условием успешного функционирования всех уровней власти муниципальных образований является согласованность позиций между многочисленными общественными формированиями и системой управления по приоритетным направлениям развития. Достижение этого согласия зависит от успешности выполнения задач, направленных на ускорение прогресса в системе муниципального управления, обеспечение открытости деятельности органов местного самоуправления для максимальной приближенности к населению.

Не вызывает сомнений тот факт, что в современном российском обществе социальное партнерство востребовано на различных уровнях управления во многих сферах жизни [11]. Однако

практика показывает, что даже в самых лучших планах социального партнерства участвуют органы местного самоуправления, наиболее крупные и влиятельные организации, предприятия, объединения, общественность и население. Место для СМИ в таких планах не предусмотрено. Между тем, очевидно, что без местной прессы привлечь общественность и население к участию в разработке стратегических планов развития города и в реализации идей социального партнерства невозможно в принципе [13]. Только с непосредственным участием местной прессы можно успешно реализовать диагностику проблем и потребностей, выявить возможные альтернативные решения, оценить последствия различных альтернатив, создать условия для решения конфликтов в городском обществе, поиска консенсуса, деполаризации интересов. Именно при поддержке местной прессы можно обеспечить эффективное функционирование таких программ информирования целевой аудитории, вовлечения целевых групп населения в обсуждение жизненно важных для их района вопросов. При этом необходимо задействовать весь арсенал современных PR-технологий и социально-психологических методов формирования доверия граждан к местным чиновникам: организация горячих линий, общественных приемных, регулярные опросы, фокус-группы, общественные слушания, интерактивные теле- и радиодebаты, гражданский референдум, голосование по ключевым вопросам через средства массовой информации.

Организация общественного участия в проектах развития города – это еще и процесс построения взаимного доверия и преодоления стереотипов между представителями общественных организаций и чиновниками. Поэтому возникает необходимость реализовать специальные программы, позволяющие создать режим диалога между местной властью, местной прессой, структурами гражданского общества. Информационная прозрачность деятельности органов власти всех уровней, доступность для любого физического или юридического лица получения информации о принимаемых ими решениях, их текущей деятельности – должны быть не только необходимыми элементами осуществления связи между гражданами и их избранниками, но и средствами эффективного функционирования самих органов власти.

Основная часть

Для исследования обозначенных проблем (на уровне конкретного территориального органа местной власти г. Москвы) была выдвинута гипотеза о том, что «контакт отдела по связям с общественностью Управы с представителями местных СМИ налажен и способствует формированию обратной связи с населением». Выборка оформлялась методом доступных случаев (в процессе проведения общественного мероприятия с местными жителями), было роздано 100 анкет, обратно вернулось 78. Анкеты принимались как на бумажных носителях, так и в электронном виде.

В ходе интервью с руководителем отдела по связям с общественностью были выявлены следующие тенденции, определяющие роль представителей СМИ в организации Управой внешних связей с общественностью. Управа района взаимодействует с районными СМИ. «Со СМИ мы активно сотрудничаем. Я говорю про районные СМИ». Роль единой информационной политики так же отмечена чиновником: «С государственными СМИ проще работать, поскольку они обычно имеют схожую информационную политику». Работа с частными СМИ требует усиленного внимания. Таким образом, «мы имеем ситуацию, в которой работа с частными районными СМИ требует большего времени и ресурсов», – отмечает сотрудник.

Для оценки роли частных районных независимых СМИ было проведено анкетирование сотрудников Управы района (табл. 1). Первым шагом было выявлено мнение сотрудников о важности работы со СМИ всех организационных форм.

Таблица 1. Значение результатов работы Управы со СМИ

№	Вариант	Процент ответивших сотрудников
1	Очень важны	33%
2	Достаточно важны	48%
3	Не слишком важны	17%
4	Совсем не важны	2%
		Итого 100%

Подавляющее большинство сотрудников Управы высоко оценивают важность данной работы для организации успешных связей с общественностью («Очень важны» – 33%. «Достаточно важны» – 48%). Итого 81% сотрудников предпочитают данные формы работы. Следующий вопрос был призван выявить, как часто сотрудники Управы контактируют с представителями государственных СМИ с целью оказать помощь в подготовке деятельности своего отдела (рис. 1).

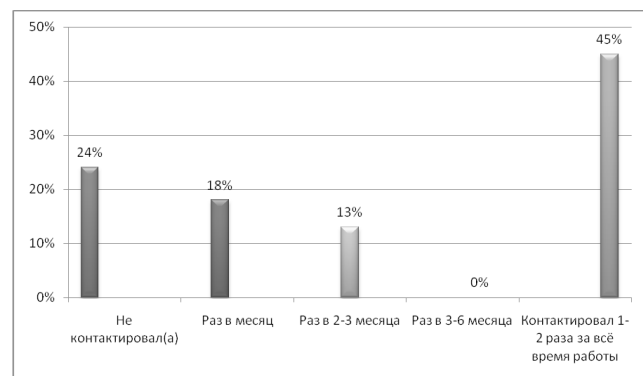

Рис. 1. Интенсивность контактов чиновников с государственными СМИ

Исследование показывает, что 45% сотрудников контактировали с государственными СМИ 2 раза за всё время работы. 24% сотрудников не контактировали ни разу. Если учесть тот факт, что, как правило, государственные СМИ поддерживают точку зрения Управы, то напрашивается вывод

о том, что почти треть служащих не желают данных контактов. Хотя 81% сотрудников заявили о важности контактов в предыдущем вопросе анкеты.

Аналогичный вопрос был задан по отношению к частным СМИ (рис. 2).

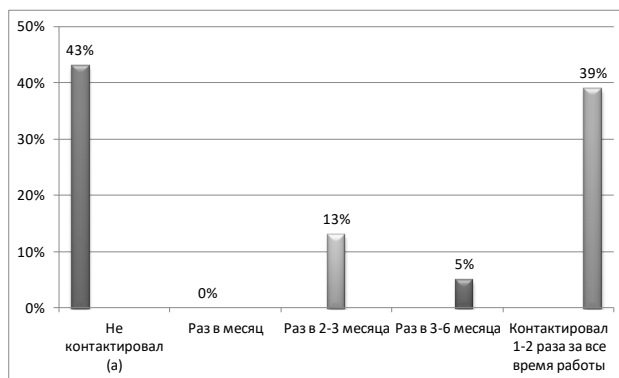

Рис. 2. Интенсивность контактов с частными СМИ

Как видим, 43% сотрудников не контактировали с частными СМИ. Число сотрудников, которые имели опыт общения с частными СМИ 1–2 раза за все время работы в Управе 39%.

В ходе анкетирования были отобраны сотрудники, участвующие в пресс – мероприятиях, проводимых Управой. Данные работники ответили на вопрос «Представители каких СМИ обычно присутствуют на пресс -мероприятиях, организуемых управой района». По итогам ответов выяснилось, что доля участия государственных СМИ превосходит аналог частного сектора почти в два раза: 39% против 22%.

На завершающей стадии социологического исследования были выявлены наиболее освещаемые темы и вопросы в частной местной газете (табл. 2). В архивах информационно-аналитической системы «Медиалогия» были собраны все пресс-материалы газеты (сообщения и статьи), среди которых определены доминантные тематики и рубрики, распределенные на первом этапе в убывающем порядке, а далее – в процентном соотношении.

Таблица 2. Контент-анализ частной районной газеты

Информация в статьях	Количество сообщений
1. Транспорт, транспортная инфраструктура	518
2. Законы, нормативно-правовые акты	474
3. Социальная сфера	412
4. Культура, искусство, досуг, спорт	346
5. ЖКХ	300
6. Противодействия коррупции, анти коррупционные меры	271
7. Конкурсы, тендеры	2452
8. Строительство, ремонт, капремонт	220
9. Экономическое развитие	170
10. Льготы, социальные выплаты, пособия	150
11. Потрачено бюджетных средств, использовано бюджетных средств	130

Был проведен сравнительный анализ предпочтений жителей и оценки ими «узких мест» с доминантными тематиками частной районной газеты. Первое место в рейтинге приоритетов – «развитие транспортной инфраструктуры», совпало у обеих категорий.

Пункт «строительные и ремонтные работы» в рейтинге жителей был на втором месте, у газеты – на восьмом, «экономическое развитие района в целом» у жителей заняло третье место по значимости, а у газеты – девятое, «ЖКХ» заняло у жителей четвертое место, у газеты по количеству тематик – пятое, «развитие социальной инфраструктуры» и «противодействие коррупции» у жителей заняли шестое и седьмое места соответственно, а у газеты – третье и шестое. Несмотря на распространённое мнение ученых по данной проблеме, заключающееся в том, что частные СМИ находятся ближе к интересам жителей, чем государственные районные СМИ, в данном случае предположение не подтвердилось.

Проведённое исследование наглядно высвечивает проблематику недоверия граждан к муниципальным властным образованиям. Таким образом, гипотеза о том, что контакт отдела по связям с общественностью Управы с представителями местных СМИ налажен и способствует формированию обратной связи с населением, не нашла своего подтверждения.

Как выяснилось, организация внешних связей с общественностью налажена неэффективно, вследствие чего общественные структуры и население не ощущают в должной мере заботу власти о благоустройстве их жизнедеятельности. Как указывалось выше, изучаемая проблема имеет два полюса, два вектора направленности: «сверху» и «снизу». Вектор направленности «сверху» исходит от местной муниципальной власти, от её инициативности, а вектор «снизу» исходит от самих жителей. Данная категория не инициативна, что прослеживается в нежелании населения участвовать в опросах, помогать специалистам в изучении общественного мнения, приходить на встречи с чиновниками и местными депутатами, отсутствию активности в социальных сетях, электронном пространстве и т.п. Вышеуказанные тенденции, на наш взгляд, свидетельствуют о том, что российское гражданское общество проходит своеобразную «ломку» своего становления, позволяет государственной власти реализовывать то, что противоречит интересам и запросам населения. Что касается проблематики PR, то органам местного самоуправления необходимо провести качественные изменения в деятельности служб по связям с общественностью. Прежде всего, нужно улучшить механизмы социального партнерства общественности и органов муниципальной власти. Согласование интересов сторон должно закрепиться в общественном сознании и политическом поведении населения, а также в нормативно-правовых актах, регулирующих деятельность муниципальных органов власти.

Заключение

В современном обществе право на информацию о действиях и решениях органов государственной (публичной, муниципальной) власти является одним из основных и неотъемлемых прав гражданина. Для гармоничного развития демократических институтов, гражданского общества, устойчивого функционирования социально-политической системы необходимо, чтобы граждане обладали достоверной информацией, могли принимать оптимальные решения на основе имеющихся у них данных. Нежелание или неспособность чиновников местного самоуправления применять в общении с населением весь спектр современных коммуникационных технологий неизбежно приводят к отсутствию четкого понимания планов и перспектив развития конкретного района мегаполиса, оторванности реализуемых проектов от их конечных потребителей. Сокращение информации под видом ее секретности, сознательное искажение или же создание препятствий для ее получения существенно сокращают возможности граждан полноценно участвовать в жизни общества на всех без исключения уровнях.

Литература

1. Агибалов Ю.В., Алёхин Н.А., Баранов В.М. Становление гражданского общества в России: Личность, самоуправление, власть. Монография. – Воронеж: Изд. Воронежского гос. университета, 2012. – 364 с.
2. Бальнская Н.Р., Коптякова С.В., Зиновьева Е.Г. Анализ использования информационно-коммуникационных технологий в органах муниципального управления // Муниципалитет: экономика и управление. 2019. № 1 (26). С. 16–24.
3. Государственное и муниципальное управление. Монография. – СПб.: «Инфо-да», 2017. – 230 с.
4. Зайцева Е.М. Особенности влияния СМИ на государственную политику и управление местным сообществом // Муниципалитет: экономика и управление. 2016. № 1 (14). С. 63–67.
5. Землянская Л.М. Журналистика и коммуникативистика. Концептуализация медийных процессов в современной зарубежной науке. – М.: Медиамир, 2013. – 186 с.
6. Зимин В.А. Взаимодействие органов местного самоуправления с населением и общественными организациями. – Самара: АСГАРД, 2015. – 186 с.
7. Кузьмичева А.А. Информационная политика органов местного самоуправления как фактор формирования гражданского общества в РФ // Этносоциум и межнациональная культура. 2020. № 2. С. 9–17.
8. Марков А.А. Связи с общественностью в органах власти: учебник. – М.: ИНФРА-М, 2019. – 190 с.
9. Нисневич Ю.А. Государство XXI в. Тенденции и проблемы развития. – М.: КНОРУС, 2012. – 286 с.

10. Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и организации местного самоуправления: Федеральный закон от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ // Собрание Законодательных актов Российской Федерации. 2006. № 7. Ст. 776.
11. Пономарева Е.А., Пономарева Д.И. Социальное партнерство в профессиональной деятельности пенитенциарного психолога в условиях воспитательной колонии // Социальное партнерство как принцип взаимодействия в социальной работе. Материалы межвузовской научно-практической конференции. – М.: ОнтотПринт, 2014. – С. 110–112.
12. Фадеева Е. Н., Сафронов А.В., Красильникова М.А. Связи с общественностью: учебник и практикум для академического бакалавриата. – М.: Юрайт, 2018. – 263 с.
13. Федеральный закон от 06.10.2003 N131-ФЗ (ред. от 27.12.2019) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ (дата обращения 02.04.2020).
14. Чумиков А.Н., Бочаров М.П.. Государственный PR: связи с общественностью для государственных организаций и проектов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2019. – 343 с.

LOCAL GOVERNMENTS AND REGIONAL MEDIA AS SUBJECTS OF THE CITY'S INFORMATION SPACE

Ponomareva D.I., Kuzmicheva A.A.
Moscow Aviation Institute

The article presents the results of a study of the qualitative state of interaction between employees of one of the Departments of Moscow with public and private media. The relevance of this scientific work is due to the fact that the trend of relations between municipal authorities, the population and the media at various levels was analyzed from a sociological and psychological point of view. The role of the press in the process of interaction of the municipal government with citizens is revealed – as a channel for informing the public about their work, as well as a source of information necessary for making strategic and tactical decisions. It is shown that at present there is a social need to create an adequate effective system of interaction between representatives of the municipal authorities of the megapolis

(the city Council as a subject of information policy) and journalists. Such a system should make meaningful information available to citizens, provide feedback, and provide a variety of alternative reliable sources of information about the life and state of society.

Keywords: authorities, municipality, Government, mass media, civil society, journalism, public relations, social partnership.

References

1. Agibalov Yu. V., Alyokhin N.A., Baranov V.M. Formation of civil society in Russia: Personality, self-government, power. Monograph. – Voronezh: Publishing House. Voronezh state University. University, 2012 – – 364 p.
2. Balynskaya N. R., Koptyakova S.V., Zinovieva E.G. Analysis of the use of information and communication technologies in municipal administration // Municipality: economy and management. 2019. No. 1 (26). Pp. 16–24.
3. State and municipal administration. Monograph. Saint Petersburg: info-da, 2017, 230 p.
4. Zaitseva E.M. Features of media influence on state policy and local community management // Municipality: economy and management. 2016. no. 1 (14). Pp. 63–67.
5. Zemlyanskaya L.M. Journalism and communication studies. Conceptualization of media processes in modern foreign science, Moscow: Mediamir, 2013, 186 p.
6. Zimin V.A. Interaction of local self-government bodies with the population and public organizations. – Samara: ASGARD, 2015. – 186s.
7. Kuzmicheva A.A. Information policy of local governments as a factor in the formation of civil society in the Russian Federation // Ethnic society and international culture. 2020. no. 2. Pp. 9–17.
8. Markov A. A. Public Relations in government: textbook. – М.: INFRA-M, 2019. – 190 p.
9. Nisnevich Yu.A. State of the XXI century. Trends and problems of development, Moscow: KnoRus, 2012, 286 p.
10. On providing access to information about the activities of state bodies and local self-government organizations: Federal law No. 8-FZ of February 9, 2009 // Collection of Legislative acts of the Russian Federation. 2006. no. 7. St. 776.
11. Ponomareva E. A., Ponomareva D.I. Social partnership in the professional activity of a penitentiary psychologist in an educational colony // Social partnership as a principle of interaction in social work. Materials of the Intercollegiate scientific and practical conference, Moscow: Ontoprint, 2014, Pp. 110–112.
12. Fadeeva E. N., Safronov A.V., Krasilnikova M.A. Public Relations: textbook and workshop for academic undergraduate studies. – Moscow: yurayt, 2018. – 263 p.
13. Federal law of 06.10.2003 № 131-FZ (as amended on 27.12.2019) “On the General principles of the organization of local self-government in the Russian Federation” – [Electronic resource]. – Access mode: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ (accessed 02.04.2020).
14. Chumikov A. N., Bocharov M.P. State PR: public relations for state organizations and projects – 3rd ed., pererab. and add. – М.: INFRA-M, 2019. – 343 p.

Формат управления в быстрорастущих зарубежных IT-компаниях

Салогуб Анжела Михайловна,

доктор социологических наук, профессор, кафедра креативно-инновационного управления и права, ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»
E-mail: salogubam@yandex.ru

Галан Иван Константинович,

аспирант, кафедра креативно-инновационного управления и права, ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»
E-mail: ivangalan2009@mail.ru

Кризис, согласно мнению экономистов, обладает функцией «созидательного разрушения», освобождая рынок от неэффективных компаний. Есть организации, которым удается сохранить доверие и конкурентоспособность в любой ситуации неопределенности. Их успех связан с инновациями, ценностями, креативностью, страстностью, с «отсутствием менеджмента». Потребность в креативности и в инновациях им удается перенести с уровня личности на уровень организации. Формула их успеха заключается в феномене глобального влияния по принципу социальных эпидемий, это обеспечивает им конкурентные преимущества, связанные с получением интеллектуальной ренты, максимальной добавленной стоимости и наиболее высокой оценкой финансовыми рынками активов этих компаний.

Ключевые слова: доверие, эпидемия, инновации, менеджмент, креативность, конкурентные преимущества.

С точки зрения аналитиков, современная реальность является уникальной по своей сложности. Тем более, что масса доказательств способствует этому. Прогнозы развития мировой экономики в нынешних условиях более чем пессимистичные. Нынешнее поколение впервые, к сожалению, столкнулось с пандемией, раньше это явление мы наблюдали только в голливудских триллерах и читали о нем в футуристических бестселлерах. Ситуация в России несопоставима с мировой, причем в лучшую сторону, это касается и социально-экономических, и эпидемиологических прогнозов, однако «новый реализм» не внушает оптимизма. Глобальная экономика (в том числе и российская) вступает в продолжительный этап неопределенности – технологической, экономической. Неопределенность – вот имманентная характеристика сегодняшней истории.

Привычные формы ломаются! Уже сейчас мы наблюдаем трансформацию бизнес-моделей. Насим Талеб, американский исследователь в области философии случайности и роли неопределенности в обществе (им было введен в научный оборот термин «антихрупкость», обозначающей способность к извлечению выгоды из кризисной ситуации любого масштаба), утверждает, что адекватные решения принимаются лишь людьми, которые рискуют «собственной шкурой». Он утверждает, способность адаптироваться к любой внештатной ситуации, будет стратегической характеристикой лидеров на рынке. С другой стороны, политические и экономические лидеры не готовы к радикальным решениям в духе «созидательного разрушения» (термин экономиста Йозефа Шумпетера), не позволяя освободить рынок от неэффективных бизнесов. Но мы даже не вошли, а влетели в новый структурный кризис [1, с. 31–37].

Многие проблемы предыдущих поколений из чисто умозрительных и теоретических гипотез превращаются под влиянием обстоятельств в решаемые технологические задачи.

Сейчас организации и каждый ее сотрудник становятся «цифровыми» еще быстрее, чем предполагали эксперты.

Проанализировать повторяющиеся рутинные операции сотрудника и автоматизировать их, чтобы снять с него рутину, давая больше свободы и возможностей для творчества; понять сотрудника как человека, сделав его более счастливым и вовлеченным, – вот два тренда enterprise-технологий, которые станут задачами «здесь и сейчас».

Выдающиеся организации станут больше уделять внимание корпоративной культуре (системе ценностей, теории потока) и управлению талантами. Понимание актуальных тенденций и внедрение их в практику менеджмента ведет к измене-

ниям в иных ресурсных сферах – в характере создаваемых организацией продуктов и услуг, в способе построения взаимоотношений с ключевыми игроками, в экономике организации в целом.

Многие высказывают мысль, что классическая теория управления в трактовке «Отцов научного менеджмента» Ф. Тейлора и А. Файоля, согласно которым, «управлять – это значит вести предприятие к его цели, извлекая возможности из имеющихся ресурсов», моральна устарела, она не способна обеспечить организации проактивность и адаптацию к условиям неопределенности. Аргументом мнения выступает практика быстроразвивающихся инновационных организаций, которые, как видится сторонникам управленческих революций, демонстрируют вообще «отсутствие менеджмента».

Инновационная деятельность как фактор конкурентоспособности и управляемости современной компании должна обеспечивать непрерывный поток новых знаний и технологий (продуктов, услуг), ставших результатом научно-исследовательской деятельности организации. Современные компании представляют собой в некотором роде научные лаборатории, в которых ведутся перспективные организационно-управленческие и научные (творческие) исследования.

С нашей точки зрения, инновационный бизнес – это не только «голубые океаны» бесконкурентных рынков (метафора, введенная в деловую риторику Ким Чаном), но и компании, способные придумать «голубые фишки», т.е. обогатить новыми возможностями разработанные технологии и продукты традиционных отраслей.

Все многообразие организаций, участвующих в реализации полностью или частично концепции «голубого океана» можно классифицировать на следующие категории:

- *Стратегические новаторы*, которые научные исследования и разработки рассматривают в качестве основного ресурса конкурентоспособности, как правило, эти компании являются крупными производителями и экспортерами высокотехнологических решений. К ним примыкают представители информационного и фармацевтического сектора.
- *Непостоянные (периодические) новаторы*, которые ведут самостоятельные исследования в благоприятных условиях, но не рискуют быть лидерами в отрасли.
- *Модификаторы технологий*, которые сосредоточены на разработках отдельных этапов технологического цикла, часто выступают партнёрами в глобальных разработках для укрепления своих позиций в международной кооперации [1, с. 70–71].
- *Пользователи технологий*, которые осуществляют инновационную деятельность путем адаптации на основе бенчмаркинга технологических решений, разработанных другими фирмами или организациями, их деятельность сосредоточена на сопоставительном анализе и оценивании эталонных показателей опыта стратеги-

ческих новаторов или их партнёров. Нас в большей степени интересуют лидеры инноваций и их методы управления. Очевиден основополагающий вывод, инновационная деятельность включает в себя широкий спектр организационно-управленческих, структурных, институциональных мероприятий, ассимилированных в систему ценностей и смыслов организации.

Майк Портер определили стадии экономического развития страны [2, с. 149–150]:

- развитие на основе факторов производства;
- развитие на основе инвестиций;
- развитие на основе инновационной деятельности.

Все периоды благоденствия похожи друг на друга, каждый экономический кризис плох по-своему [3, с. 226–228]. В разные периоды индустриализации компании наращивали тот или иной источник развития, самыми долгоиграющими из них были природные ресурсы (факторы производства) и инвестиции в основные фонды.

«Новая нормальность» – это отношение к нефтяным инвестициям (факторам производства) как крайне токсичным и социально безответственным. Внедрение инноваций становится сильным импульсом для придания ускорения развитию современных компаний.

В начале XX века Генри Форд утверждал, что капитализация деловой организации во многом обусловлена устойчивой текущей прибылью. Сегодня это мнение ставит под сомнение Илон Маск и его инновационная компания «Тесла», демонстрирующая устойчивый отрицательный баланс ликвидности, но стремительный рост капитализации компании. Это убедительный пример тому, что действительно происходит трансформация бизнес-моделей прошлого. Потенциал инноваций в компании является источником творчества и креативности. Однако новые идеи всегда имеют «старые корни», или как говорят в Италии, традиции – это когда-то успешно внедренные инновации.

Уровень инновационного развития каждой отрасли определяется долей стратегических новаторов, устанавливающих долгосрочные тренды технологического развития и определяющих конкурентоспособность на национальных и мировых рынках. Кроме того стратегические новаторы имеют устойчивые конкурентные преимущества, связанные с получением интеллектуальной ренты, максимальной добавленной стоимости и наиболее высокой оценкой финансовыми рынками активов этих компаний.

Статистические данные свидетельствуют, что масштабы финансирования научной и инновационной деятельности в таких организациях нарастают, несмотря на кризисные явления. Работа по разработке инноваций и новейших технологий не только не прекращалась, но стремительно расширялась, приобретая совершенно новые организационные формы. Наиболее наукоемкими и стремительно развивающимися были отрасли, представляющие информационный комплекс, в которых наукоемкость как отношение затрат на ис-

следования и научные разработки к продажам достигают свыше 20% [1, с. 71]. Научные и инновационные проекты, осуществляемые стратегическими новаторами, требуют объема финансирования, сопоставимого с научными бюджетами ряда европейских стран. Только такие масштабы инвестиционной и инновационной деятельности обеспечивают долгосрочный рост и конкурентоспособность на глобальных рынках.

Однако такой режим развития требует системных изменений во всех ипостасях менеджмента организации. Становится понятным, что время быстрых прорывов в глобальной экономике закончилось. Наступила эра глубоких технологий, требующих масштабных и разнообразных инвестиционных ресурсов и прорывов по нескольким направлениям одновременно. Только новые формы международной кооперации в состоянии осилить подобные инициативы. Конкуренция в информационном секторе становится условной.

Люди, организации и страны будут по-разному проживать настоящее. Это прослеживается и в реакции на пандемию, на меры по контролю над ситуацией. Одним нужны жесткие меры, дисциплинирующие поведение, другие в самоизоляции (карантине), в медицинских масках, видят символ солидарности с обществом. Если выбора нет, вопрос выбора не стоит!

Согласно экспертам, мир идей, технологий и вещей уже находился в преддверии новых трендов, пандемия и экономический кризис придали сильный импульс центростремительному движению в «новую реальность». Для деловых организаций эти изменения стали выглядеть таким образом (см. табл.).

Мы видим типичные признаки социальных эпидемий в организациях, позволяющих им распространять свое влияние на рынке, задавать новые стандарты деятельности и эталонные показатели в других отраслях, извлекая дополнительные финансовые и репутационные дивиденды. Этим компаниям даже в период кризиса удается поддерживать доверие рынка на высоком уровне, привлекать ликвидность и сохранять лояльность сотрудников и клиентов. Для любой эпидемии (мы имеем виду благотворной), чтобы она состоялась, необходимо наступление переломного момента, когда распространение вируса, обладающего признаком прилипчивости, достигает серьезных масштабов, чем больше он людей заражает, тем мощнее становится эпидемия.

Согласно М. Гладуэллу, для наступления переломного момента нужны три движущие силы: закон малых чисел (неординарные личности, лидеры мнений, имеющие высокий общественный статус или стратегические новаторы), фактор прилипчивости и влияние обстоятельств [4, с. 42]. Этими знаниями умело пользуются инновационные компании, которым удается выйти еще более успешными и сильными из любых кризисов. Они делают ставку не только на свои физические активы, но и на то, что сегодня принято называть soft-skills, на систему ценностей, мышления и креативный персонал.

Таблица

Характеристики	Контент
Стратегия развития общества	Полицентризм, антропоцентризм, инвестиции в формирование и развитие человеческого капитала
Идеология	Гуманистическое общество, основанное на достоинстве, знаниях, добре, красоте и свободе личности, разнообразие и инклюзия
Приоритеты государственного регулирования экономики	Сохранение экосистемы, повышение качества жизни общества
Информационные технологии	На основе новых носителей информации, искусственный интеллект, квантовые компьютеры
Интеграция инновационной деятельности	Разработка трансатлантических инновационных проектов, международная интеграция на базе глобальных стратегий. Радикальные инновации и глубокие технологии – общее решение комфорта и выживания человечества
Тип конкуренции	Развитие глобальной конкуренции
Расходы на исследования и разработки	Научное отношение затрат на НИ-ОКР к продажам достигает 15–20%
Форма организации производства	Квазикорпорации, организации, нацеленные на долгосрочные гуманитарные (социально ответственные) и коммерческие выгоды.
Система менеджмента	«Отсутствие менеджмента» Ценности, инновации, страстность.
Организационные структуры	Синтетическое развитие компаний. Амебообразная структура, в которой подразделения отделяются по принципу самостоятельного бизнеса, потому что «маленькое – это прекрасно».
Коммуникации в организации	Гибридные модели, эпоха «бит и атомов», превентивная онлайнизация. Трансформация коммуникаций в технологии и интеграторы
Система организационных отношений	Внеформальные отношения; развитие высокоэффективной транзактной памяти
Отношения начальник/подчиненный	Самоуправляемые команды
Роли лидера	Харизматическая, архитектурная роли
Знания по роду деятельности	Самоконтроль Преодоление сложности познания Культурная относительность Воплощение Преемственность поколений Навыки создания команды Контроль над производимым впечатлением Управление доверием
Корпоративная культура	Культура участия/Инновационная культура
Стиль управления	Управление на основе эмоционального интеллекта и доверия

В традиционной экономике ценность определяется дефицитом. Общепринятые символы богатства – бриллианты и золото – ценны, потому что редки. А когда нечто становится изобильным (как сегодня нефть за счет дисбаланса спроса и предложения) оно теряет свою ценность. [4, с. 333–334]. Но логика нематериальных активов, совершенно противоположна. Ценности, коллективный смысл, талант, инновации, страстность, доверие растут по экспоненте. Влияние и ценность теперь происходят от изобилия. Понимание механизма (потенциала) социальных эпидемий позволяет «крутым» компаниям увеличить масштаб «инфицирования».

Согласно теории эволюции организации, в которых преобладали контроль, дисциплина и иерархия, замещаются организациями, сосредоточенными на инновациях, информации и взаимодействии. Поскольку кризисы становятся регулярными, циклическими и спрессованными в короткие периоды времени, выживание организациям обеспечивают талантливые люди, обладающие стратегическим мышлением, предпринимательской жилкой, способные управлять компаниями в цифровой экономике. Нужна экосистема, способная сделать их счастливыми.

Изучив научные материалы по антропологии, мы обнаружили определенную закономерность, что 150 – это магическое число социальных контактов, демонстрирующих высокую эффективность циркуляции информации и межличностного взаимодействия, стимулирующих проявление единодушия и ответственности, не требующих ужесточения процедуры контроля.

Крупной организации такое деление позволяет вести себя как конгломерат малых (средних) инновационных бизнесов, в котором главную ценность представляют личные и деловые отношения. Так удастся большим организациям внедрять идеологию малой компании. В таких компаниях нет боссов и жестких границ субординации, все сотрудники выступают как партнеры по общему делу.

Крупным компаниям, разделяющим идеологию, что «малое – это прекрасно», в такой форме удастся развитие высокоэффективной транзактной (коллективной) памяти. Механизм работы крайне прост. Ментальная энергия сотрудника (пусть самого лучшего) ограничена, поэтому люди стремятся стать экспертами в конкретной деловой теме. «Когда каждый человек принимает на себя признанную группой ответственность за конкретные задания и факты, то более высокая эффективность неизбежна». [4, с. 236].

Конкретная область знаний управляется профессиональным меньшинством, способным к этому, и ответственность за эти области сохраняется во времени, а не эпизодически обуславливается обстоятельствами. В макроэкономике один из главных источников генерации инноваций – это малый (средний) инновационный бизнес, в котором комфортно «плавают» крупные корпорации. Это в целом команда несистемных креативных людей

из числа миллениумов и представителей поколения Z, которые «контролируют» конкретную информацию и синтезируют в этой области идеи и теории.

По данным Mental Health Foundation 2019 – миллениалы – это поколение, как ни одно другое, больше всего подвержено стрессу от работы. Ведь не одно десятилетие формировалась связь «Я занят – значит, я успешен», «цейтнот – статус»... Сейчас стресс зашкаливает. Самое время, чтобы полностью влиться в набирающий популярность тренд selfcare – действия, нацеленные на сохранение или улучшения своего самочувствия.

Крупные корпорации готовы инвестировать в «горящие глаза» «странных» людей, в их технологии, выходящие за пределы привычного. Внедрение инноваций стало одним из способов поиска новых источников обеспечения конкурентных преимуществ за счет разукрупнения больших компаний до уровня малых и средних бизнесов или числа 150, имеющего «сакральный» характер.

Инновации не случаются «случайно», они являются результатом систематического и организованного процесса управления изменениями. Изменения в компаниях заложены в процессе индивидуальных перемен. Однако и структура компании, и ее система менеджмента должны быть «трансформированы» соответственно. Например, принятие решений может стать обычной практикой, если руководитель готов «понизить градус секретности и конфиденциальности», не считая, что информация – единственный источник власти. Такая структура управления крупной компании позволяет развивать коллективную память, обладающую управленческим потенциалом.

В новом формате рабочего процесса несистемные миллениалы не подвергаются стрессу организационной дисциплины и жесткого графика. Создается новый стиль коммуникаций. Все знают навыки, способности и увлечения друг друга. Мы говорим о психологических предпосылках транзактной памяти: воссоздание на организационном уровне той степени близости и доверия, которая присутствует в семье или в малых компаниях. Для компаний высоких технологий, чья позиция на рынке зависит от способности генерировать новые знания и изобретения, инновационную ценность для клиентов, этот вид коллективной памяти чрезвычайно важен. Это означает, что взаимодействие упрощается, что формируется партнерство по духу и сути, это позволяет полноценно использовать феномен «срочности момента». Сотрудники одной части компании могут получить доступ к мнениям и опыту людей из абсолютно другой части (отдела, подразделения) по принципу «перекрестного опыления».

Для компаний крайне важно перенести творческий потенциал с уровня личности на уровень организации и, таким образом, создать в своей структуре такие институциональные, социальные, культурные и технические условия, которые стимулируют творческое мышление и поведение. Это становится реальным благодаря ощущению

свободы, инакомыслия, культурного, гендерного, ментального разнообразия и инклюзии. Такая среда вызывает ощущения, что в организации отсутствует менеджмент, действует «холакратия» или возможность каждого сотрудника управлять работой компании.

Важен тот факт, что вся деятельность внутри таких компаний методологически регламентирована: прописаны алгоритмы действий, разработаны правила и описаны планы работы. Следование выстроенной кадровой политике обязательно и, что важно, выполнение этих процедур соблюдается. Мы имеем ввиду, систему менеджмента, в которой сотрудники поставлены в такие условия, что лучше никогда правила не нарушать. HR-менеджеры заняты поиском людей, близких по духу компании; руководство озабочено тем, чтобы сделать сотрудников счастливее, а не мотивированнее.

Сегодня СМИ пестрят военной риторикой, пандемия, спад на мировых рынках неизбежно приведет к слому старых ментальных парадигм и поведенческих паттернов. Настало время строить новый мир, один из признаков которого повсеместный уход в онлайн. Особенно глубоко проявляется динамизм в профессии. Кризисы рано или поздно закончатся, посткризисный рост восстановит экономику до начального уровня, но некоторые изменения станут новой реальностью, в частности онлайн активность в рабочем процессе. Это повлечет за собой более интенсивную цифровизацию персонала, стимулирование работы «на дистанте». Принудительный переход в онлайн-режим показал, что многие из тех, чье присутствие в офисе казалось жизненно необходимым, прекрасно справляются со своим функционалом дома без ущерба для эффективности [5, с. 48–50].

Правильная организация дистанционной работы сотрудников станет одним из ключевых конкурентных преимуществ, позволяющих снизить издержки. Однако переход в режим онлайн, когда любые взаимодействия жестко структурированы и регламентированы цифровыми платформами, имеет побочные эффекты. Сокращается количество «случайных рабочих» встреч, когда у сотрудников есть возможность спонтанного общения, узнать что-то новое, неожиданное, о существовании или полезности чего сотрудник даже не догадывался. Происходит разрыв в цепи неформальных контактов. Такие случайные встречи особенно важны в инновационных бизнесах, командах, проектах, в творческих средах, где порой не знаешь, когда и где «настигнет инсайт».

Именно увеличением частоты таких случайных взаимодействий многие объясняют феномен инновационных кластеров. Стратегические новаторы, чтобы не допустить снижения темпов инновационной активности, прекращения потока креативности в мышлении и поведении, но реагируя на тренд превентивной онлайнизации, будут культивировать контактную работу с суперзвездами.

Личное общение еще больше приобретет ценность за счет доступа к экспертному мнению, положительным эмоциям через опыт, который предоставляет контактная коммуникация с суперзвездами, с теми, кому мы доверяем.

Производство big data и рутинные операции будут оцифрованы и переданы на персональный аутсорсинг, а случайные взаимодействия, ценность которых определяется общением с носителями передовой практики и нового знания, перенесут в офлайн. Это позволит опыту порождать новый опыт, обогащать интуицию (бессознательное), как источник креативности. Так идеи новаторов, меньшинства, которых любят и обожают, переводят в практическую (полезную для использования большинством) технологическую плоскость.

Герман Мелвилл, автор литературных бестселлеров, устами своего героя высказал мысль... каждый в обществе чувствует скорее не локоть, а кулак соседа, чем нам и следует довольствоваться [6, с. 31]. В период волатильности макроэкономических параметров и борьбы с вирусной инфекцией, для восстановления жизни помимо работы ученых по поиску вакцины, действий политиков – по успокоению общества и экономистов для нейтрализации влияния кризиса, ключевым условием выступает солидарность и доверие [7, с. 44–46] как на уровне макросистемы, так и на уровне организаций и личности. В последнее время мы наблюдаем острый дефицит в системе ценностей, солидарность и доверие перестали быть конвертируемой валютой.

В одной передовой IT-компании есть нетрадиционные методы отбора и обучения персонала. Первая неделя – обучение стратегии компании, бизнес-процессам и корпоративной культуре. Во время подготовки потенциальному сотруднику предлагают экзотический кейс, остаться работать в будущем коллективе или забрать 3000 \$ и уйти. На вопрос о ненаучности такой процедуры отбора, HR-менеджер уверен, что так мы безошибочно находим своих людей, разделяющих наши ценности и внушающих доверие.

Идеи отцов-основателей научного менеджмента, к счастью, не стали забытой страницей истории управленческой мысли. Можно выстроить безупречный бизнес и внедрить научный менеджмент (планирование, организация, мотивация, координация, контроль), быть продвинутыми, современными и технологичными. Но как сложно стать людям близкими. Для этого надо быть честными, создать систему комплексной поруки и ответственности, доверия и солидарности, инноваций и креативности, разнообразия и инклюзии, комфорта и уюта [8, с. 25–49].

Из-за пандемии коронавируса мировые эксперты прогнозируют снижение мирового реального ВВП на 1% в текущем году и отмечают, что экономика переживает не рецессию, а «неожиданную остановку». Не важно, что преподносит нам жизнь. Важно, какой опыт мы извлечем лично для себя из сегодня!!!

Литература

1. Инновационное развитие: экономика, интеллектуальные ресурсы, управление знаниями / под ред. Б.З. Мильнера. – М.: ИНФРА-М, 2010. – 624 с.
2. Коргова М.А., Салогуб А.М. Менеджмент. История менеджмента. Учебное пособие для академического бакалавриата. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – 160 с.
3. Ермаков В. Кризис и жизнь // Forbes. – 2020. – № 05. – С. 226–228.
4. Гладуэл М. Переломный момент. Как незначительные изменения приводят к глобальным переменам – М.: Альпина Паблшер, 2019. – 343 с.
5. Ениколопов Р. Перегрузка списка Forbes // Forbes. – 2020. – № 05. – С. 48–50.
6. Мелвилл Г. Моби Дик, или Белый Кит. – М.: Издательство «Э», 2017. – 640 с.
7. Мао В. Солидарность и доверие // Forbes. – 2020. – № 05. – С. 44–46.
8. Салогуб А.М. Доверие как социокультурный феномен / Коллективная монография – Уфа: АЭТЕРНА, 2019. – 135 с.

MANAGEMENT FORMAT IN FAST-GROWING FOREIGN IT-COMPANIES

Salogub A.M., Galan I.K.
Pyatigorsk state University

According to economists the crisis has the function of “creative destruction”, that free the market from inefficient companies. There are organizations that manage to maintain trust and competitiveness in any situation of uncertainty. Their success is associated with innovation, values, creativity, passion, and “ack of management”. They manage to transfer the need for creativity and innovation from the level of the individual to the level of the organization. The formula for their success is the phenomenon of global influence on the principle of social epidemics. That provides them with competitive advantages related to obtaining intellectual rents, maximum added value, and the highest valuation of these companies’ assets by financial markets.

Keywords: trust, epidemic, innovation, management, creativity, competitive advantages.

References

1. Innovative development: economics, intellectual resources, knowledge management / ed. B.Z. Milner. – М.: INFRA-M, 2010. – 624 p.
2. Korgova M.A., Salogub A.M. Management. History of Management. Textbook for academic undergraduate. – М.: Yurayt Publishing House, 2019. – 160 p.
3. Ermakov V. Crisis and life // Forbes. – 2020. – No. 05. – P. 226–228.
4. Gladuel M. Tipping Point. How minor changes lead to global change – М.: Alpina Publisher, 2019. – 343 p.
5. Enikolopov R. Reloading the Forbes list // Forbes. – 2020. – No. 05. – S. 48–50.
6. Melville G. Moby Dick, or White Whale. – М.: Publishing house “E”, 2017. – 640 p.
7. Mao V. Solidarity and trust // Forbes. – 2020. – No. 05. – P. 44–46.
8. Salogub A.M. Trust as a sociocultural phenomenon / Collective Monograph – Ufa: AETERNA, 2019. – 135 p.

Трансформация в российском постперестроечном кинематографе культурного архетипа «Героя-плута»

Дятко Алёна Игоревна,

аспирант, кафедра эстетики, МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: yarolka@mail.ru

Данное исследование посвящено изучению взаимосвязи культурных архетипов, кинематографа, режиссёрских интерпретаций и зрительского восприятия, а точнее, трансформации восприятия культурного архетипа героя-плута в российском «бандитском кино» 1990-х и 2000-х годов. Предметом – исходная концепция архетипа К.Г. Юнга, трансформировавшая в теорию культурного архетипа Дж. Хендерсона, связанную с понятиями «культурной» и «исторической» памяти, которая наиболее полно реализуется в формировании аксиологической ориентации в культурно-историческом восприятии на языке искусства. Благодаря синтезу теоретических идей К.Г. Юнга, Дж. Хендерсона, Я. Ассмана формулируется рабочее понятие «культурного архетипа». Авторская гипотеза заключается в том, что при анализе уровня важности того или иного культурного архетипа в кино как важнейшем массовом трансляторе смыслов в рамках эстетического опыта, можно оценить социокультурную и политическую характеристику времени. Основная задача – прослеживание трансформации образа героя-плута в «бандитском кинематографе» через анализ временных маркеров 1990-х годов, а также обращаясь к эстетической категории героического, которая характеризует присутствие человека в искусстве. Эмпирическую базу исследования составляют фильмы «Брат», «Брат-2», «Бумер», «Бригада» и «Жмурки». Такой выбор обусловлен высоким уровнем их популярности у массового зрителя, что позволяет представлять их документами времени. Результатом является выявление пиков героизации, романтизации, обмирщения и гротескного и вымирания героя-плута в отечественном кинематографе как главного персонажа. Актуальность исследования заключается в обращении к «бандитскому кино» как эмпирическому подтверждению теоретических идей о «культурных архетипах», а также в попытке философской и культурологической систематизации эстетического опыта переходного времени России, которое безусловно повлияло на мироощущение современных россиян.

Ключевые слова: культурный архетип, культурная память, историческая память, героическое, герой-плут, переходная эпоха, российский кинематограф, «бандитское кино».

От архетипа к культурному архетипу

Понятие «культурный архетип» активно эксплуатируется современной гуманитарной мыслью. Несмотря на его популярность, почти не представляется возможным выделить некий единый путь понимания этого феномена, так как для каждого исследователя существует своё особенное звучание «культурного архетипа». Для получения инструментального понятия культурного архетипа обратимся к его генеалогии, не оставляя без внимания классическое психологическое осмысление. В научный дискурс понятие архетипа ввёл К.Г. Юнг, развивая свою теорию о коллективном бессознательном, где «коллективное» отсылает ко «всеобщей природе» бессознательного в психике отдельного человека, при том, что слой коллективного бессознательного представляет собой более или менее идентичный паттерн у всех людей [23, с. 112]. Этим паттерном является архетип, которому с необходимостью присущи следующие характеристики:

- во-первых, архетип есть «способность сформировать, возможность представления, которая дана априори» [22, с. 123];
- во-вторых, природа архетипа углублена в его аффективность. Так в условиях физической опасности формируются аффективные фантазии, а в силу типичности таких ситуаций «в результате образуются одинаковые архетипы» [25, с. 128]. Как следствие, архетипы способны оказывать на психику человека влияние нуминозного опыта и прикосновения к сакральному. Такой опыт приобщения к необъяснимому противоречив и амбивалентен, как амбивалентен и архетип;
- в-третьих, архетипы амбивалентны в силу своей двойственной природы, порождённой психофизической дуализма сущности самого человека. Например, юнгианский архетип души Анима подчеркивает двойственность всего в мире: «Желая жизни, Анима желает и добра, и зла...» [23, с. 124];
- в-четвертых, архетипы не являются анахронизмами: как и мифы, они современны благодаря компенсаторной функции, реализующуюся через возможность дополнения культурой недостающих звеньев в мировоззренческом плане. Эта компенсаторика распространяется на отдельного индивида и на целые общества

и культуры. Именно архетипы вверяют каждому «человеку возможность совершения адаптивных инстинктивных действий» [22, с. 114].

Утверждение, что «все самые мощные идеи и представления человечества сводимы к архетипам» [25, с. 133] в концепции Юнга есть отправная точка дальнейших рассуждений. Ведь архетипы суть объективные движущие силы коллективного историко-психического процесса, не являясь при том субъективным объяснением отдельно взятой личности.

Ученик и последователь Юнга Дж. Хендерсон осмысляет архетип в культурно-исторической плоскости, выделяя «*область исторической памяти*, лежащий между коллективным бессознательным и существующим образцом культуры» [20, с. 155], впоследствии называя её культурным бессознательным. Анализируя формирование культурных установок в обществе, Хендерсон замечает, что в основе культурного бессознательного лежат определённые культурные архетипы, задающие «тип идентичности» социуму на мифоритуальном фундаменте той или иной группы людей.

Характеристика этносоциальности для общностей со схожими культурными архетипами не фигурирует ни в одной из классических концепций, однако, является неотъемлемой в условиях переходных эпох. Рубеж XX–XXI веков на территории нашей страны сопровождался процессами формирования новой культурной и этносоциальной идентичности, что нашло непосредственное отражение в игровом кино.

Так культурные архетипы более репрезентативны и потенциально переводимы на другой язык, в отличие от непредставимых архетипов Юнга, а также более исторически укоренённая в символах и знаках. Амбивалентность архетипа минимизируется в культурных архетипах, так как по мере исторического развития священные прообразы дифференцируются по функциям в символически-образной структуре. Мужской архетип Неба-Отца, характерный для древних культур, соединяет в себе такие противоречивые функции, как охранительно-покровительную, так и устрашающую. В условиях же христианского Западноевропейского Средневековья первую функцию на себя «берёт» Всеблагий Бог-Отец, а легитимность насилия лежит в руках светского монарха как отправителя властных полномочий, который, однако, является заместителем Бога на Земле.

Повышение значимости определённого архетипа служит вовлечению культурного опыта в исторические реалии через соответствующие каналы связи. Одним из таких каналов, по мнению Юнга и Хендерсона, является искусство с его синкретическим символически-образным языком и важной социокультурной функцией формирования «духа времени». Предполагаем, что процесс восприятия реципиентом базируется на сознании со-причастности тому или иному культурному архетипу.

Следовательно, художник вовлечен в рефлексивный процесс опознавания собственной этнокультуры через адекватную историческую адаптацию важного первообраза (архетипа) с привнесением нового осмысления при помощи специального технического языка того или иного вида искусства.

К попыткам определения понятия культурного архетипа обращались и отечественные исследователи XX века. Большинство работ выросло из корпуса языковых наук, что влечёт определённую односторонность. Так в рамках исследований Е.М. Мелетинского, В.Н. Топорова и С.Н. Неклюдова формируется понимание литературного архетипа, который в усреднении означает следующее: «универсальный прасюжет или праобраз, зафиксированный мифом и перешедший из него в литературу» [3, с. 181].

Резюмируя, введем рабочее понятие «культурного архетипа», соединяющее в себе идеи аналитической психологии Юнга, культурологического подхода Дж. Хендерсона и аксиологической ориентации в формировании культурно-исторического восприятия. *Культурные архетипы* – это древние этнокультурные первообразы, представления человека о собственных координатах в мире через образно-символические проекции; философско-аксиологические доминанты, определяющие характер человеческого образа жизни, актуализирующиеся в условиях исторических трансформаций и принимающие новый смысл в культуре определённого типа.

Культурные архетипы 1990-х годов в России

У каждого времени есть свой ассоциативный ряд. Время «девяностых» стало для истории России болезненным переломом. Процессы тех лет оставили наиболее яркий отпечаток на современном мироощущении россиян. Происходящее в настоящем нередко сравнивается с событиями того времени.

Конец XX века был ознаменован не только знаменитой горбачёвской программой перестройки политического устройства страны, но и смещением ценностных ориентиров граждан, распадом СССР и появлением Российской Федерации: переходом государства и всех его институтов, в том числе культурной политики и отношений между людьми, на рельсы рыночной экономики. Политическое и идеологическое переориентирование государства неминуемо сопровождается сменой культурно-художественного дискурсивного поля, состоящего из определённых философско-культурологических детерминант, определяющих, в свою очередь, появление новых социальных групп, субкультур, профессий (предпринимателей, копирайтеров и пр.). Все это подтолкнуло обострение связанных между собой социально-экономических конфликтов. Коррупционность пронизывала абсолютно все слои общества, всё дальше и дальше отдалявшихся

друг от друга. Криминальные структуры, как низовые (мошенники, мелкие рэкетеры, «домушники», «медвежатники»), так и более серьёзные (деятельность так называемых ОПГ) воспринималась обществом практически как явление рядовое. К середине 1990-х под контролем организованной преступности находилось более «50% частных фирм, 33% государственных предприятий, от 50% до 80% банков» [15, с. 79]. Для примера возьмём статистику 1998-го года: по официальным данным Госкомстата и МВД на территории России только зарегистрировано 2581,9 (в тысячах) преступлений, в том числе 29,6 тысяч убийств и покушений на убийство, а также 45,2 тысячи случаев причинения тяжкого вреда здоровью [21]. Демографическая отметка снизилась настолько, что уровень потерь, по мнению современного нам историка А. Делягина, «сопоставим с потерями во время Великой Отечественной войны и оценивается в 21.4 млн человек» [9, с. 34]. В период 1990-х возросло количество межэтнических конфликтов. Историческая память о такого рода конфликтах продолжает жить из поколения в поколение, создавая потенциальную возможность новых очагов возгораний межнациональной розни на территории современной РФ [8, с116].

Исследователь взаимосвязи исторической памяти 1990-х годов и политической переориентации общества О.В. Герасимов отмечает, что «в официальной историографии его [периода 90-х] оценки сходны с оценками Смутного времени в России конца XVI-начала XVII века» [6, с274]. Следовательно, ассоциативный ряд, возникающий при оценивании периода 1990-х годов, негативный.

Исследование культурологов Е.С. Синельниковой и Е.В. Зиновьевой (2018), посвящённое «изучению психологических аспектов личной исторической памяти россиян о 90-х годах XX века» [10, с77], проводилось с помощью специально созданного двухэтапного анкетирования, в первой части которого опрашиваемым предлагалось описать личные ассоциации, связанные с данным историческим периодом, а во второй – источники, из которых они почерпнули информацию. Так у младшей (17–22 года), и у старшей (42–69 лет) возрастных групп 90-е оцениваются почти идентично негативно. «Из 6 наиболее встречающихся ассоциаций 4 имеют эмоциональную негативную окраску («беспорядки», «разруха», «голод», «коррупция»)» [10, с80]. Относительно источников, данные групп разнятся: для молодежи самым популярным ответом были «фильмы» (97%) и «рассказы родителей» (86,2%). Для старшей соответственно – «личный опыт» (100%) и «телевидение» (61%). Интересно, что в ассоциациях молодежи часто упоминались конкретные фильмы, в том числе «Брат» и «Бригада», которые связаны с криминальной тематикой и героизацией нового персонажа, архетипически фундированного образа: *богатыря-плута*, пытающегося добиться справедливости в мире криминала.

Одной из категорий, определяющей человеческую жизнь в искусстве, есть *героическое*. Гуманитарии разных сортов на протяжении долгого времени предпринимали попытки по его определению. Обширный массив источников по данной проблематике можно разделить на несколько групп.

В первую группу входят источники, которые определяют искусство как систему архетипических представлений: труды Платона, Р. Барта, Ж. Делеза, Ф. Ницше, М. Хайдеггера, М. Элиаде, а также К.Г. Юнга.

Вторую группу составляют источники, в которые выявляются паттерные черты фольклорных персонажей, помогающие обнажить мифологическую основу литературы: монографии Дж. Кэмпбелла, П. Радина, М. Бахтина, Д. Гаврилова, Е. Мелетинского, В. Проппа и других.

Третья группа состоит из работ русских филологов, направленных на изучение формирования российской ментальности с помощью лежащих в основе культуры архетипов. Н. Бердяев, Н. Лосский и И. Ильин являются представителями начала XX века, а ко второй половине относятся Н. Костомаров, В. Бычков и Ю. Лотман.

Предлагаем следующие определения.

Героическое – эстетическая категория, которая определяет «созвучие внутреннего мира героев и их внешней среды, объединяющая их в единое целое» [5, с. 265], она раскрывает аксиологический смысл масштабного по социальному значению действия человека или коллектива через альтруизм, самопожертвование и мужество.

Герой – цельный образ человека в качественном соединении внешнего вида, мировоззрения, деятельности, который предстаёт как уникальный и неотъемлемый элемент художественного произведения.

Надличностная концепция архетипов К.Г. Юнга помогает расставить в проблематике героического и героизации новые акценты и проследить метаморфозы героического в искусстве 1990-х годов.

Новый культурный архетип, сформировавшийся в условиях тоталитаризма демократии и, используя терминологию Э. Фромма, «свободы от», определяется, как минимум, следующими чертами русских культурных архетипов: героя-дурака (самый распространённый пример в русской культуре – Иван-дурак; у такого персонажа мы находим полное отсутствие рационального поведения и умений); героя-плута (постоянно попадает в переделки, «выходя сухим из воды»); героя-богатыря (первое упоминание о таком персонаже встречается в былинах: он рационален, однако альтруист, вся его деятельность направлена на устранение зла). В силу исторической и культурной парадигмы, сложившейся в 90-е годы в России, большая составляющая такого условного собирательного персонажа отдана герою-плуту. Который не только органично вписывается в криминально ориентированный мир того периода, но и удерживает позиции Героя.

Культурная память и кино

Говоря о культурной памяти, мы ссылаемся на современного немецкого культуролога Я. Ассмана, являющегося основателем самобытной теории, где культурная память как непрерывный общественный процесс становится актуальной в реалиях исторических кризисов и переходных эпох. Она, в отличие от исторической памяти, создает социокультурный фон, который становится фундаментом для становления идентичности целых обществ. По словам Ассмана, «Культурная память – это дело мнемотехники, для которой в обществе существуют специальные институты» [1, с. 54]. Из этого мы делаем вывод, что культурная она, потому что такая память надприродна, то есть сформирована в рамках институций специалистом (художником, поэтом, писателем, критиком и т.д.) Игровой кинематограф, в свою очередь, является одной из важных составляющих института искусства. Он может считаться историческим источником в связи со следующими причинами:

Во-первых, язык кино – это язык художественных образов, которые ярче сухой научной формализации, из чего следует, что такие образы лучше откладываются в памяти.

Во-вторых, игровые фильмы как вид массовой культуры охватывают большую аудиторию, чем научные труды.

М. Ферро, известный французский историк культуры, одним из первых предложил рассматривать кино как исторический источник с применением различных методов. Одним из таких является представление фильма как «агента истории»: исторический анализ художественного материала может дополнить информацию о том или ином историческом периоде. При этом исследователю важно соблюдать несколько принципов: внимательность к техническим деталям (качество и зернистость плёнки; выборка цветового подтона картины; угол, масштабность и частота крупных планов), критический анализ заглавной идеи фильма и того, что обычно называется «между строк» – приметы времени, «случайности» – неочевидное содержание работы, часто не учитываемое авторами. Таким образом, историческая достоверность фильма как источника нередко может быть выявлена со второй, а то и с третьей попытки аналитики.

Не будем специально останавливаться на излюбленных критиками «костюмированных» фильмах, нередко отсылающих в сюжете к событиям далёкого прошлого. Костюмированная историческая драма чаще всего предстаёт перед зрителем как эстетически привлекательная попытка оценочной реконструкции прошлого со значительным исполнителем бюджетом. В то время как фильмы, рассказывающие о своей современности, менее ориентированы на привлечение внимания реципиента к «маскарадной культуре» (термин М.М. Бахтина) и более – к социальным проблематике (даже если таковой аспект являет себя лишь косвенно, как например, в мелодрамах). Особенно, это

утверждение актуализируется в отечественном кинопроцессе рубежа XX–XXI веков.

Героизация в российском постперестроечном кинематографе культурного архетипа «Героя-плута»

В Москве в 90-е годы на базе горьковской киностудии был принят проект малобюджетного независимого кино «Жестокое время». В число подписавших его входила группа петербургских режиссёров: Дмитрий Месхиев, Сергей Сельянов, Алексей Балабанов, Александр Рогожкин, Максим Пежемский. Согласно манифесту, материал следует отснять быстро (две-три недели), без лишних затрат, без декораций, помещения – только бесплатные. На момент 1996-го года российская киноиндустрия находилась на маргинальных позициях: кинотеатры не работали, средства на съёмки, при советском строе распределявшиеся по государственными киностудиям, теперь не выделяли: все кинодеятели стали обреченно независимыми: все молодых кинематографистов, резко оторвало от «почти благотворительного распределения [...] государственных средств среди относительно большого числа отечественных режиссёров» [7, с. 9]. По этой причине съёмочная группа – «шесть-восемь человек вместо привычных тридцати – работает бесплатно, по принципу: «сам себе режиссер, сам себе и актер; сам себе художник, сам себе и костюмер»» [7, с. 9]. История создания «Брата» соотносится со всеми принятыми принципами. Реквизит, по воспоминаниям Надежды Васильевой, художника по костюмам, собирался по знакомым и блошиным рынкам, все знаковые вещи фильма были собственного друзей режиссёра, так кожаная куртка Кэт была взята у Насти Полевой, а желтый галстук героя Сухорукова принадлежал отцу Васильевой. Снимали, в основном, на улице, концерт группы Бутусова был снят на реально проходящем концерте «Чиж и Ко», который также был другом Балабанова. Светлана Письмеченко, исполнительница главной женской роли (вагоновожатой ремонтного трамвая Светы), получила свой гонорар в тысячу долларов только спустя год [12, с. 23]. Режиссёр в одном из поздних интервью вспоминает, что «денег не было снимать интеллектуальные фильмы. А «Брата» мы сняли практически без затрат» [18].

Такова предыстория создания культового фильма «Брат» 1997-го года выпуска. «Брат 2» вышел в 2000-м году, найдя народную любовь, но не снижав славы критиков, возможно из-за гротескного патриотизма. Главный герой дилогии – Данила Багров в исполнении харизматичного Сергея Бодрова, даже спустя 20 лет является народным героем: чего только полностью стоят раскупленные за 3 месяца билеты на концерт саундтрека «Брата-2» в Олимпийском 16 июня 2016 года, или непрекращающиеся показы «Брата» с обсуждениями на территориях арт-кластеров таких, как «Винзавод», «Фабрика», «Красный Октябрь». По-

чему и кем персонаж Данилы был возведён в ранг Героя и до сих пор востребован?

Первый «Брат», визуально напоминающий классический боевик, в основе своей имеет неприглядную реальность постсоветского хаоса, что одно это положение возводит фильм в ранг документов времени.

Герой раскрывается здесь категории сиротства, неприкаянности, одиночества, в «ощущении тотальной заброшенности», в неспособности главного героя поддерживать адекватные взаимоотношения с кем-либо из этого странного, непонятого для него со всеми своими двусмысленностями мира. В Даниле есть черты архетипического русского героя-бунтаря, впервые появившегося в русской литературе второй половины XIX века соответственно росту оппозиционно-террористических движений. Багров (как и его однофамилец, убивший Столыпина в Киевском театре в 1911-м году) не выражает желание принимать рабскую мораль, хотя в обратном зрителя может убедить русскоязычный монолог Данилы ничего не понимающему американцу во втором «Брате» о том, что деньги – это пыль, а сила в правде. Несмотря на своего рода перефраз известного выражения Александра Невского «Не в силе Бог, а в правде!» (сам режиссёр утверждал, что «этих слов святого князя раньше не слышал» [19, с. 60]), мы понимаем, что правды в смысле справедливости, стоящей выше закона, Данила смог добиться только с помощью грубой, физической силы, которую он не расходует зря: герой абсолютно не агрессивен, даже инфантилен в своей любви к «Наутилусам» из 80-х. Применение собственной мощи в случае Данилы всегда оправдано с его моральных позиций. Как известно, русский культурный архетип героя-богатыря, ярко явивший себя в былинах, связан с мощью, немногословностью, желанием и возможностью добиться справедливости.

Методы рэкетирства и бандитизма, используемые в достижении целей в реалиях 90-х годов, вполне себя оправдывают, так как процессы, происходящие в то время, можно сравнить с состоянием первобытности или безвременья, когда ни главенствующей идеологии «сверху», ни экономической опоры «снизу», а животные инстинкты людей более не сдерживаются рамками закона. На одной из встреч со зрителями Сергей Бодров, отвечая на вопрос о своём герое, объясняет, что Данила – это человек, который возвышается над людьми и говорит: ««Да будет так – мы будем защищать женщину, хранить вот этот костёр, защищать своего и убивать врагов». И всё. Это словно первые слова закона ещё до всех законов, слова протозакона, ситуация, когда закона еще нигде нет» [19, с. 73].

Так если бы Балабанов задумал снять «Брата-3», то Данила с самопалами выглядел бы абсолютно не к месту в эпоху нефтяного превосходства.

Удивительно, что за Данилой следуют не герои фильма, но зрители, представляя образ молодого

бандита как защитника Земли Русской в период её Смутного времени. Слоганы начала «нулевых»: «Данила – наш брат! Путин – наш президент!» и «Данилу в президенты!» служат историческим подтверждением тому.

Спустя два года после выхода «Брата 2» самым популярным телесериалом стала «Бригада»: рассказ о криминальных перипетиях четырех друзей детства, которые в силу разных обстоятельств пошли по пути бандитизма. В 15-ти сериях «происходит дальнейшая экстраполяция “братской ментальности”» [19, с. 131]: главный герой Саша Белов (в исполнении Сергея Безрукова) может доверять только своим друзьям, которых он знает с самого детства. Действия сериала разворачиваются с лета 1989-го года, когда Белов демобилизуется из Афганистана и возвращается к гражданской жизни с надеждой на поступление в Горный институт, и завершаются весной 2000-го года, когда ОПГ Белого становится одной из самых авторитетных в Москве, но уже на основаниях законности в рамках предпринимательской деятельности. Бандит «Бригады», в отличие от несколько лубочного богатыря Данилы, более никому не мстит, но при всём этом романтизируется. В Белове больше плутовства, он более живой, однако, продолжает жить по неписанному, но четкому и понятному закону воров, при этом сохраняя охранные и устрашающие функции интернационального юнгианского архетипа Отца-Неба. Популярность героев сериала была настолько высока, что «им жмут руки сотрудники правоохранительных органов, а криминальные авторитеты закатывают в их честь банкеты. Бригада Саши Белого стала символом нашего времени» [2].

В изменившемся социально-экономическом ландшафте РФ в сторону стабилизации, героизация маргинального героя-плута в ипостаси «хозяина жизни» теряет свои позиции. Явный пример этому дебютный фильм П. Буслова «Бумер» 2003-го года. Четверо друзей угнали автомобиль марки BMW с целью его перепродажи, но увы: в конце фильма одни задержаны полицией, другие – убиты. В этой картине нет даже намёков ни на героизм российского Робин-Гуда – Багрова, ни на лоск «крёстного отца» 90-х Белова: показаны мелкими жуликами, преступление которых может быть с легкостью раскрыто правоохранительными органами. Герой-плут теперь прохвост: неосмотрительностью и избеганию ответственности (эти черты присущи «Ошпаренному», из-за которого простой угон машины обернулся плачевными последствиями), флегматичностью (наиболее богатырская наружность «Рамы» скрывает спокойствие и податливость, а также абстрагированность от происходящего). Дж. Маккозланд в рецензии на «Бумер» в 2003 говорит, что герои фильма «не имеют каких-либо специфических черт, которые позволили бы выделить их из общей массы» [26]. Для 2019 года данное суждение представляется незаменимым, так как отражает процесс дегероизации маргинальных структур в условиях новой россий-

ской реальности начала XXI века, связанной с первым президентским сроком В.В. Путина. 18 февраля 2000 года при общении с представителями СМИ после заседания совета межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение» В.В. Путин заявил: «Нужна просто настойчивая, последовательная и принципиальная борьба с коррупцией [...] это одна из составных важнейших задач государства в направлении того, чтобы сделать нашу страну экономически привлекательной и политически развитой [...] поэтому это была и остается одной из приоритетнейших задач государства» [14].

После выхода на экраны «Жмурок» (2005), сразу увиделись корреляции с Тарантино. Сам Балабанов особо не сопротивлялся: «"Жмурки" – сознательно вторичный фильм, калька с западного кино – тарантиновского и прочего. Я не скрываю этого, где-то даже подчеркиваю» [17].

Сюжетная линия фильма в большинстве моментов коррелирует с «Криминальным чтением» 1992-го года. Здесь мы видим насмешку над бандитским миром: переходящий из одних грязных рук в другие чемоданчик, а также рассуждения Саймона (туповатого и очень нервного западника) и Сергея (рассудительного и вечно крестьящегося на каждую церковь славянофила, верующего в случайность русской рулетки); парадоксального героя Никиты Михалкова, «нового русского» в малиновом пиджаке: он не исключает возможности заживо спалить нерадивого архитектора в камине, однако, до смерти боится свою жену. Сергей Михайлович плохо заканчивает: в «нулевые» он работает охранником у Саймона и Сергея, которые уже к тому времени становятся депутатами в перепрестольной.

Гротескность персонажей «бандитского кино» в «Жмурках» достигает своего апогея, она переходит в иронию как над собственными фильмами о бандитах, так и над криминальной ситуацией 90-х годов. Слоган картины: «Для тех, кто выжил в девяностые» намекает на сильных мира в «нулевых». Ганстерский кинематограф вырос из эпохи сухого закона США, как и перестроечные процессы в уже-не-СССР и ещё-не-России породили жанр криминальных фильмов о «братках».

Литература

1. Ассман Я. Культурная память. Письмо, память и политическая идентичность в высоких культурах древности: пер. с нем. М.М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
2. Боброва И., Великанова М. Сказка про белого быка. Московский Комсомолец. 2002. № 39. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mk.ru/old/article/2002/10/27/202555-skazka-pro-belogo-byika.html> (дата обращения: 20.04.2020).
3. Власенко Е.Ю. Проблема архетипов и архетипических образов в литературоведении. Симбирский научный вестник. 2011. № 2 (4). С. 181–189.
4. Галицкая О. Жизнь после «Брата». Culttrigger. 09.11.2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://culttrigger.media/vasilyeva-brat-balabanov-767ece87ecc2> (дата обращения: 01.04.2020).
5. Гегель Г.В.Ф. Эстетика: в 4 т. М., 1968–1973. Т. 1. 312 с.
6. Герасимов О.В. Российские модернизации и их репрезентации в историописании и исторической памяти. Вояджер: мир и человек. 2017. № 8. С. 273–281.
7. Гураускайте Ю. Проект малобюджетного кинематографа. И это тоже кино. Газета «Коммерсантъ». 1996. № 136. С. 9. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/238036> (дата обращения: 20.04.2020).
8. Гуриева С.Д. Современные тенденции в изучении межэтнических отношений. Материалы XVI Всероссийской научно-практической конференции (Сочи, 26–27 мая 2017 года). Сочи: Изд-во Сочинского гос. ун-та, 2017. С. 116–119.
9. Делягин М.Г. Светочи тьмы: Физиология либерального клана. От Гайдара и Березовского до Собчак и Навального. М.: Изд-во Институт проблем глобализации, Книжный мир, 2016. 794 с.
10. Зиновьева Е.В., Синельникова Е.С. Историческая память о 90-х годах XX века в России: психологические аспекты. Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2018. № 4. С. 74–88.
11. Колчева Э.М. Понятие «культурный архетип» как инструментарий для анализа национального искусства. Знание. Понимание. Умение. 2015. № 1. С. 254–263.
12. Кувшинова М.Ю. Балабанов. СПб: Мастерская «Сеанс», 2015. 192с.
13. Моница Н.П. Русский культурный архетип: факторы формирования и философские доминанты: учебное пособие. Омск: изд-во Ом. Гос. ун-та, 2011. 196 с.
14. Ответы на вопросы представителей средств массовой информации по окончании заседания совета межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение». Президент России. 18.02.2000. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24138> (дата обращения: 18.04.2020).
15. Плехова О.А. Формирование «новой» бюрократии и состояние коррупции в России в период реформ 90-х гг. XX века. Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2012. № 1. С. 79–85.
16. Рабель Д. Интервью: Алексей Балабанов. Бриколаж режиссёра Балабанова. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2016. С. 155–164.
17. Савельев Д. Жмурки-жмурики: интервью с Алексеем Балабановым. Чайка. 03.06.2005. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.chayka.org/node/702> (дата обращения: 14.04.2020).

18. Самоделова С. Алексей Балабанов: «Бог помогал, значит, не зря...». Московский Комсомолец. 23.05.2013. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mk.ru/culture/2013/05/19/856140-aleksej-balabanov-bog-pomogal-znachit-ne-zrya.html> (дата обращения: 14.04.2020).
19. Уайт Ф.Х. Бриколаж режиссёра Балабанова. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2016. 240 с.
20. Хендерсон Дж. Культуральное бессознательное. Психологический анализ культурных установок. 2-е изд. М.: Добросвет; КДУ., 2007. С. 149–164.
21. Число зарегистрированных преступлений (тысяч). Российский статистический ежегодник. Федеральная служба государственной статистики. 2003. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b03_13/lssWWW.exe/Stg/d020/i020960r.htm (дата обращения: 01.03.2020).
22. Юнг К.Г. Аналитическая психология. СПб.: МЦНКИТ «Кентавр», 1994. 132 с.
23. Юнг К.Г. Об архетипах коллективного бессознательного. Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991. – С. 97–128.
24. Юнг К.Г. Об отношении аналитической психологии к поэтико-художественному творчеству. Проблемы души нашего времени. М.: «Прогресс»; Универс., 1996. С. 37–60.
25. Юнг К.Г. Структура души. Проблемы души нашего времени. М.: «Прогресс»; Универс., 1996. С. 111–133.
26. McCausland G. Petr Buslov: Boomer (Bumer). KinoKultura, issue 2 October, 2003. [Electronic resource] URL: <http://www.kinokultura.com/reviews/R103bumer.html> (accessed 01.11.2019).

TRANSFORMATION OF THE CULTURAL ARCHETYPE OF THE “ROGUE HERO” IN RUSSIAN POST-PERESTROIKA CINEMA

Dyatko A.I.

Lomonosov Moscow state University

This research is devoted to exploring the relationship between cultural archetypes, cinematography, director's interpretations and viewer's perception, or, more precisely, the transformation of perception of the cultural archetype of the pluto hero in Russian “gangster cinema” of the 1990s and 2000s. The subject is the original concept of K.G. Jung's archetype, which transformed into the theory of J. Henderson's cultural archetype, related to the concepts of “cultural” and “historical” memory, which is most fully realized in the formation of axiological orientation in the cultural-historical perception in the language of art. Thanks to the synthesis of theoretical ideas of K.G. Jung, J. Henderson, and J. Assman, the working concept of “cultural archetype” is formulated. The author's hypothesis is that when analyzing the level of importance of this or that cultural archetype in cinema as the most important mass translator of meanings within the framework of aesthetic experience, it is possible to evaluate socio-cultural and political characteristics of time. The main task is to trace the transformation of the image of the protagonist in “gangster cinematography” through the analysis of time markers of the 1990s, as well as referring to the aesthetic category of the heroic, which characterizes the presence of man in art. The empirical basis of the study is constituted by the films “Brother”, “Brother-2”, “Boomer”, “The Brigade” and “Zhmurki”. This choice is conditioned by the high level of their popularity among the mass audience, which makes it possible to present them as documents of time. The result is the identification of the peaks of glorification, romanticism, humiliation and grotesque, and the extinction of the protagonist in Russian cinema as the main character. The relevance of the study lies in addressing “gangster cinema” as an empirical con-

firmation of the theoretical ideas about “cultural archetypes”, as well as in an attempt to philosophically and culturologically systematize the aesthetic experience of Russia's transition time, which has certainly influenced the worldview of modern Russians.

Keywords: cultural archetype, cultural memory, historical memory, heroic, heroic plute, transitional epoch, Russian cinema, “gangster cinema”.

References

1. Assman I. Cultural memory. Writing, memory and political identity in the high cultures of antiquity: Per. with him. M.M. Sokolsky. M.: Languages of Slavic culture, 2004. 368 s.
2. Bobrova I., Velikanova M. Tale of a white bull. Moscow's comsomolets. 2002. No. 39. [Electronic resource]. URL: <https://www.mk.ru/old/article/2002/10/27/202555-skazka-pro-belogo-byika.html> (accessed date: 04/20/2020).
3. Vlasenko E. Yu. The problem of archetypes and archetypal images in literary criticism. Simbirsk Scientific Bulletin. 2011. No2 (4). S.181–189.
4. Galitskaya O. Life after the “Brother”. Cultrigger. 11/09/2017. [Electronic resource]. URL: <https://cultrigger.media/vasilyeva-brat-balabanov-767ece87ecc2> (accessed: 04/01/2020).
5. Hegel G.V.F. Aesthetics: in 4 t. M., 1968–1973. T. 1. 312 p.
6. Gerasimov O.V. Russian modernization and their representation in historical writing and historical memory. Voyager: the world and man. 2017. No8. S.273–281.
7. Gurauskaite Y. Project of low-budget cinema. And this is also a movie. The newspaper Kommersant. 1996. No. 136. S. 9. [Electronic resource]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/238036> (accessed date: 04/20/2020).
8. Gurieva S.D. Current trends in the study of interethnic relations. Materials of the XVI All-Russian Scientific and Practical Conference (Sochi, May 26–27, 2017). Sochi: Publishing House of the Sochi State University, 2017. S.116–119.
9. Delyagin M.G. Luminaries of Darkness: The Physiology of the Liberal Clan. From Gaidar and Berzovsky to Sobchak and Navalny. M.: Publishing House Institute for the Problems of Globalization, Book World, 2016.794 p.
10. Zinovieva E.V., Sinelnikova E.S. The historical memory of the 90s of the twentieth century in Russia: psychological aspects. Bulletin of Moscow University. Series 14. Psychology. 2018. No4. S.74–88.
11. Kolcheva E.M. The concept of “cultural archetype” as a tool for the analysis of national art. Knowledge. Understanding. Skill. 2015. No1. S. 254–263.
12. Kuvshinova M. Yu. Balabanov. St. Petersburg: Session Workshop, 2015.192s.
13. Monina N.P. Russian cultural archetype: formation factors and philosophical dominants: a training manual. Omsk: publishing house Ohm. Gos. University, 2011.196 s.
14. Answers to questions from representatives of the media at the end of a meeting of the board of the Siberian Agreement interregional association. President of Russia. 02/18/2000. [Electronic resource]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24138> (accessed: 04/18/2020).
15. Plekhova O.A. The Formation of a “New” Bureaucracy and the State of Corruption in Russia during the Reform of the 90s Twentieth century. Economic and humanitarian studies of the regions. 2012. No1. S. 79–85.
16. Rabel D. Interview: Alexei Balabanov. Brikolazh directed by Balabanov. Nizhny Novgorod: DECOM, 2016.S. 155–164.
17. Saveliev D. Zhmurki-Zhmuriki: interview with Alexei Balabanov. Gull. 06/03/2005. [Electronic resource]. URL: <https://www.chayka.org/node/702> (accessed: 04/14/2020).
18. Samodelova S. Alexei Balabanov: “God helped, therefore, not in vain ...”. Moscow's comsomolets. 05/23/2013. [Electronic resource]. URL: <http://www.mk.ru/culture/2013/05/19/856140-aleksej-balabanov-bog-pomogal-znachit-ne-zrya.html> (accessed date: 04/14/2020).
19. White F. Kh. Brikolazh directed by Balabanov. Nizhny Novgorod: DECOM, 2016.240 s.
20. Henderson J. The cultural unconscious. Psychological analysis of cultural attitudes. 2nd ed. M.: Dobrosvet; KDU., 2007. S.149–164.
21. The number of recorded crimes (thousands). Russian Statistical Yearbook. Federal State Statistics Service. 2003. [Electronic re-

- source]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b03_13/lssWWW.exe/Stg/d020/i020960r.htm (accessed: 01.03.2020).
22. Jung K.G. Analytical psychology. St. Petersburg: ICTSIT "Centaur", 1994. 132 s.
 23. Jung K.G. On the archetypes of the collective unconscious. Archetype and symbol. M.: Renaissance, 1991. – S. 97–128.
 24. Jung K.G. On the attitude of analytical psychology to poetry and art. Soul problems of our time. M.: "Progress"; Univers., 1996. P. 37–60.
 25. Jung K.G. The structure of the soul. Soul problems of our time. M.: "Progress"; Univers., 1996. S. 111–133.
 26. McCausland G. Petr Buslov: Boomer (Bumer). KinoKultura, issue 2 October, 2003. [Electronic resource] URL: <http://www.kinokultura.com/reviews/R103bumer.html> (accessed 11/01/2019).

Условности в человеческом обществе или философия глупости

Пещеров Георгий Иванович,

доктор военных наук, профессор, академик Академии военных наук, советник директора, Центр исследования проблем безопасности РАН, старший научный сотрудник ФКУ Научно-исследовательский институт ФСИН России
E-mail: georgiy-p@yandex.ru,

Статья посвящена исследованию и философскому осмыслению всевозможных условностей в человеческом обществе. Принятые в первобытном обществе и постоянно увеличивающиеся в процессе развития человеческого общества различные условности оказывают на людей как позитивное, так и негативное воздействие. Огромное количество условностей формируют необходимые нравственные, правовые и социальные рамки в обществе для гармоничного развития человека. При этом, существуют значительное количество условностей-паразитов, которые негативно отражаются в процессе развития общества и усложняют жизнедеятельность людей. Представляется, что условности необходимы, как в человеческом обществе, так и в среде всех биологических организмов, как механизм самоутверждения и достижения намеченных целей.

Ключевые слова: условности, человеческое общество, религиозные условности, государственные условности, национально-этнические условности.

Люди всегда разъединяются на основании множества надуманных отличий, сколь бы они, при этом, ни были похожи друг на друга.

Практически с момента возникновения, человеческое общество окружило себя всевозможными условностями, по большому счету, позволяющими организовать регламентированную жизнедеятельность населения. При этом, часть условностей появились, как жизненно необходимые, другая часть условностей, как регуляторы жизнедеятельности, и еще часть условностей, как негативный пережиток человеческого общества. Проблема заключается в том, что нет четкой границы между этими частями условностей. В зависимости от капризов власть имущих, а также других факторов окружающей среды границы между этими частями условностей часто менялись [1]. Перечень условностей достаточно велик и включает в себя всю сферу жизнедеятельности человека:

- религиозные условности, предназначенные для формирования определенных рамок нравственности в человеческом обществе (молитвы, ритуалы, пожертвования, определенные даты поминовения усопших, святых и т.д.). Значение этих условностей достаточно ценно, как для отдельного человека, так и для общества в целом. Именно поэтому многие религиозные условности активно соблюдаются даже в современном человеческом обществе. Необходимо отметить, что значимость и практическая целесообразность огромной части религиозных условностей подтверждается современной наукой. То, что человек и общество в целом нуждаются в определенных рамках нравственности, морали, наконец, и религия прекрасно выполняет эту миссию. В то же время, существует огромное количество негативных условностей, усложняющих жизнедеятельность людей. Для примера можно сравнить различия в проведении богослужения в отдельных ветвях христианства. Например, у католиков в Храме принято молиться сидя, у протестантов принято молиться на коленях, а у православных – стоя. На одном из православных праздников (Крещение Господне) в Храме я обратил внимание на то, что многие православные приносят с собой складные табуретки, поскольку стоять всю службу тяжело, особенно пожилым и больным людям. Но, тем не менее, вот эти условности существуют и являются элементом различия отдельных ветвей христианства. Более того, в перечне религиозных условностей достаточно много омерзительных и, не поддающихся здравому смыслу современного человека, ритуалов (жертвоприношения и др.), корни кото-

рых ведут к истокам древних эзотерических наук [2]. Можно предположить, что изощренные условности некоторых религиозных направлений просто-напросто отклонение от рационального религиозного направления и представляют собой ритуалы сект, организованных в угоду определенных гуру, которые проповедуют собственное самоутверждение в обществе;

- государственные условности, предназначенные для сохранения сообщества людей в рамках государственного образования (соблюдение государственных законов, нормативно-правовое регулирование жизнедеятельности населения в государстве, приверженность к какой-либо идеологии, правила дорожного движения и т.д.). Предназначение государственных условностей обуславливается необходимостью выработки единых норм общежития в таком сообществе, как государственное образование и, конечно же, служит механизмом удержания власти для элиты общества. Человек, существо коллективное, именно поэтому такое сообщество, как государственное образование сыграло огромную роль в процессе, как развития, так и выживаемости общества, а государственные условности выступали дополнительным механизмом регулирования норм общежития в сложноорганизованном человеческом обществе [3]. Государственные образования внесли в человеческое общество огромное количество условностей (в области образования, здравоохранения, трудовой деятельности и т.д.), регулирующих практически всю жизнедеятельность общества;
- национально-этнические условности, перешедшие в ранг традиционных в силу их устойчивости в человеческом сознании к изменяющимся условиям среды (свадебные ритуалы, ритуалы по случаю новорожденного, национальные праздники, ритуалы захоронения умерших и т.д.). Национально-этнические условности являются самыми устойчивыми в человеческом обществе в силу их закрепления и хранения в сознании народа в течение многих поколений [4, 5]. Своего рода неписанные законы, передаваемые из уст в уста в течение многих поколений, воспринимаются даже в современном обществе, как обязательные;
- условности, обуславливаемые изменением людей, среды обитания и развитием общества в целом (стиль одежды, прически, стиль поведения, молодежный жаргон и т.д.). По своему содержанию данный вид условностей менее устойчивое, меняющееся практически с каждым поколением людей, но, тем не менее, самое многочисленное.

Жизнь полна парадоксов, причем воспринимаемых людьми вполне адекватно. В реальной жизни люди практически всегда одеты и малейшее оголение тела, как правило, воспринимается людьми с опаской, тем более, когда за ними наблюдают представители противоположного по-

ла. Но на пляже та же оголенность тела воспринимается нормально, как само собой разумеющееся. Каждое сообщество создает для себя свои уникальные условности, которые другим сообществом уже воспринимаются, как странности. Многие бывали в других национальных республиках, за границей в других странах, где несколько другие отношения между людьми. Особенно это бросается в глаза в южных странах, поскольку их условности несколько иные, чем, например, у европейцев. Образ жизни южан другой, их еда, одежда, поведение в обществе и многое другое, отлично от поведения, например, россиян. И порой мы с улыбкой наблюдаем условности этого народа, в душе утверждая, что наши условности самые правильные. Тоже величайшая условность считать людей, например, развитых стран более культурными и перенимать их условности, пытаюсь выглядеть более современным. В этом аспекте, наверное, многие наблюдали, как вместе с европейцами на пляже загорают, например, индусы, арабы и даже негры. Казалось бы, что им загорать, они и так загорелые по самое не могу. Нет, они приходят на пляж и принимают солнечные ванны рядом с белыми европейцами, вызывая одновременно удивление и улыбку. На самом деле, огромное желание социализироваться в глобализирующемся мире толкает их на принятие кажущихся условностей «цивилизованных» народов, поскольку кого считать цивилизованным – это тоже условность. Периодическому появлению в человеческом обществе искусственных условностей способствует также стремление отдельных личностей обогатиться за счет массового потребления продукции, произведенной на основе внедрения в практику жизнедеятельности населения новых технологий. Одним из искусственно введенных условностей в жизнедеятельность населения мира является мода на употребление кофе и чая, чему способствовало стремление заинтересованных персон получить доход из своего коммерческого предприятия. Многие древние условности со временем приобретают в народе статус суеверий, выполняемых людьми от страха ради достижения намеченной цели.

Человеческое общество устроено так, что не только каждый народ, но каждое сообщество людей (профессиональное, возрастное, политическое и т.д.), каждое поколение формирует свои условности (тюремные условности, условности моряков, условности летчиков, армейские условности, условности космонавтов, условности хирургов, условности поваров и др.), обуславливаемые социально-политическим и экономическим состоянием среды обитания. Получается так, что нет области в человеческом обществе, где бы не были какие-либо условности. Причем, вера большинства людей в условности подкрепляются тем, что часть условностей в процессе жизнедеятельности людей действительно работает. Например, разбивание бутылки шампанского при спуске корабля со стапелей, выражение, «как корабль назо-

вешь, так он и поплывет» и т.д. Как бы то ни было, но специалисты в области изотерики утверждают, что часть условностей необходимо соблюдать для гармоничного развития общества. По всей видимости, мы действительно не все знаем, не только о себе, но и о законах жизни на земле и, вполне возможно, что часть условностей выступают, как раз, как неотъемлемые принципы жизнедеятельности биологических организмов.

Особо хочется остановиться на условностях, принятых в различных армиях мира. Например, в Советской армии, на мой взгляд, самая глупая условность – это крючки, пришитые на воротничках форменной одежды военнослужащих. Они постоянно мешали, порой из-за них даже было трудно дышать. Конечно, крючки эти были придуманы очень умным человеком, чтобы поддерживать дисциплину в армии, поскольку за расстегнутый крючок командир мог делать замечание подчиненному, ставя его в линейку дисциплинарного воздействия. Так называемый психологический прием. Поскольку крючок постоянно расстегивается, значит, командир может постоянно оказывать психологическое воздействие на подчиненных. По-моему, поддержание воинской дисциплины можно добиться и другими, не менее эффективными методами, а не введением глупых приемов, как крючок в форменной одежде военнослужащего. Необходимо отметить, что условности в армии каждого государства свои, не похожие на другие и иногда вызывающие улыбку и удивление. Например, строевой шаг, принятый в каждой конкретной армии, он особенный с неким национальным колоритом, что можно наблюдать по телевидению или при посещении другой страны во время их национальных праздников.

Вторая такая условность в Советской армии – это отдавание чести, прикладыванием правой руки к головному убору. Хотя для примера, в армии США отдают честь и при отсутствии головного убора. Необходимо заметить, что из-за головных уборов, попавших во входное устройство реактивных самолетов, в Советской армии были выведены из строя не одна сотня двигателей реактивных самолетов. А, казалось бы, элементарная вещь – условность быть всегда в головном уборе. На самом деле, слепое копирование рыцарского приветствия, открыванием забрало шлема и при чем тут современный головной убор. На мой взгляд, такая глупость, негативное значение которой не давала мне покоя многие годы. К сожалению, в человеческом обществе до сих пор сохраняются множество древних условностей, по большому счету, мешающих рациональной жизнедеятельности людей, только потому, что когда-то они были приняты неким безусловным авторитетом, как символ чести и достоинства человека.

Еще одна такая условность, например, у моряков символ – якорь. Но на самом деле, якорь – это тормоз. Как же моряки избрали себе символом тормоз? Конечно, они имели в виду совсем другое, и якорь у них олицетворяет конец плава-

ния и возвращение домой. Но, тем не менее, философское осмысление этого символа вызывает удивление. Далее, в разговоре, моряки не употребляют термин «плавал», а говорят «ходил». В авиации нельзя говорить «последний полет», надо говорить «крайний». Тоже, условность (суеверие), принятая неписаным законом и соблюдаемая многими специалистами в этой области.

Самая глупая условность, распространенная в человеческом обществе, на мой взгляд, употребление алкоголя по любому поводу (рождение ребенка, годовщины, свадьбы, праздники, похороны и многое другое) и, причем, в неограниченном количестве. Конечно, несколько не умаляя позитивное значение алкоголя на здоровье человека, хочется отметить, что, как правило, человек не знает меры и оттого все беды человечества. Но, тем не менее, любое благое дело в семье, в обществе, превращенное в самое настоящее пьянство, на мой взгляд, переходит все границы разумной жизнедеятельности человека на земле. Самое страшное в том, что пьянство в обществе превращено в традицию. Например, в Советской военной авиации было принято обмывать самостоятельный вылет летчика в ПМУ¹, самостоятельный вылет летчика в СМУ², самостоятельный вылет летчика при УМП³ и т.д. Хочется отметить, что таких традиций много у моряков, танкистов, короче говоря, практически в каждой профессии. При этом, я ни в коей мере не согласен с мнением, что в России пьют больше. Нет. Практически везде люди одинаковы и пьют в среднем равномерно. Есть люди пьющие, есть не пьющие, видимо, это уже зависит от генов и, конечно же, от воспитания.

Еще одна условность, препятствующая современной глобализации – это психология колониста, в соответствии с которой, каждый человек другой национальности и общающийся на другом языке воспринимается, как отсталым, глупым и еще не весть кем. Эта условность, насажденная практически в первобытном обществе, глубоко засела в психологии человека и достаточно активно оперирует сознанием людей даже в современном мире. Именно на основе этой условности, придуманы анекдоты, где люди разных национальностей по разному ведут себя в различных условиях. На самом деле, все люди практически одинаковы и их главное отличие – это язык, но и конечно, национальные традиции, выработанные в зависимости от территории проживания, обусловленные природно-климатическими условиями местности.

Отношения людей в обществе абсолютно разные к всевозможным условностям и зависят, прежде всего, от психологического склада личности каждого человека. Одни воспринимают эти условности всерьез и фанатично следуют им в течение всей жизни, другие относятся скептически, а третьи используют их в процессе своей жизнедеятельности для строительства карьеры, накопле-

¹ ПМУ – простые метеорологические условия.

² СМУ – сложные метеорологические условия.

³ УМП – установленный минимум погоды.

ния материальных благ или достижения определенных высот в структурах власти. Удивительные существа люди, установив однажды какие-либо условности, они начинают вести себя в соответствии этим условностям, точно, как животные. Что это на самом деле? Желание выжить, стремление к унификации жизнедеятельности, самоутверждение или что-то еще. На мой взгляд, всего понемногу и, более того, это, пожалуй, самое выделяющееся качество любого биологического организма, поскольку точно такие же условности имеют практически все животные (волки, тигры, крысы и др.).

Хитроумное представление условности в комедийном жанре показан в сказке Х.К. Андерсена «Новое платье короля», где два хитреца создали временную условность, что только глупец не видит чудесную ткань. Данное произведение как раз высмеивает глупые условности, существующие в человеческом обществе (мода, правила этикета богатых вельмож, протокол в государственных мероприятиях и т.д.) и, тем не менее, соблюдаемые большинством населения разных стран мира. В области изобразительных искусств, при многообразии всевозможных стилей и направлений (Абстракционизм, Анималистика, Барокко, Гиперреализм и др.), мы порой наблюдаем картины (например, квадрат Малевича, купальщица Пикассо и др.), которые также условно считаются произведением искусства и продаются за баснословные деньги. Можно приводить другие примеры практически во всех областях человеческой деятельности, где определенные условности, принятые сообществом специалистов, являются критерием оценки произведения или деятельности кого бы то ни было.

Таким образом, можно утверждать, что использование условностей являются генетическим механизмом биологических организмов, повышающим их выживаемость в конкретной среде обитания и позволяющим им самоутвердиться в определенном сообществе себе подобных и, конечно же, облегчающим общение, путем унификации жизнедеятельности в конкретной природной сре-

де с учетом климатических и географических особенностей территории проживания.

Литература

1. Вебер М. Основные социологические понятия. – М.: 1996. С. 455–491.
2. Громов И.А., Мацкевич И.А., Семенов В.А. Западная социология. – СПб.: ООО «Издательство ДНК», 2003. С. 537.
3. Дмитриев В. Реализм и художественная условность. – М.: 1974.
4. Спиркин А.Г. Основы философии. – М.: 1988. С. 10–19.
5. Шапошникова О.В. Об условности в искусстве. В сб.: Филология, в 5, – М.: 1977. С. 21–29.

CONVENTIONS IN HUMAN SOCIETY OR THE PHILOSOPHY OF STUPIDITY

Peshcherov G.I.

Russian Academy of Sciences Center for Security Studies

The article is devoted to the study and philosophical understanding of all kinds of conventions in human society. Various conventions adopted in primitive society and constantly increasing in the process of development of human society have both positive and negative effects on people. A huge number of conventions form the necessary moral, legal and social framework in society for the harmonious development of man. At the same time, there are a significant number of parasitic conventions that are negatively reflected in the development of society and complicate the life of people. It seems that conventions are necessary, both in human society and in the environment of all biological organisms, as a mechanism for self-assertion and the achievement of goals.

Keywords: conventions, human society, religious conventions, state conventions, national-ethnic conventions.

References

1. Weber M. Basic sociological concepts. – M.: 1996.S. 455–491.
2. Gromov I.A., Matskevich I.A., Semenov V.A. Western sociology. – St. Petersburg: LLC “Publishing house DNA”, 2003. S. 537.
3. Dmitriev V. Realism and artistic conventions. – M.: 1974.
4. Spirkin A.G. Fundamentals of Philosophy. – Moscow: 1988.S. 10–19.
5. Shaposhnikova O.V. About conventions in art. In collection: Philology, in 5, – M.: 1977. S. 21–29.

Экзистенциально-феноменологическая аналитика проблемы «Другого» в современной философии

Руденко Андрей Викторович,

председатель правления Региональный общественный фонд поддержки социальных программ и помощи малоимущим «БЛАГОВЕСТ»
E-mail: 9215669@mail.ru

Статья посвящена проблеме Другого в современной философии с позиции экзистенциально-феноменологического анализа. Основные положения феноменологии Э. Гуссерля в описании феноменологического понимания Другого и его роли в формировании образа жизненного мира человека лежат в основе современных философских воззрений на проблему Другого в философии. Показано, что философское исследование intersубъективности бытия опирается на принципы диалогизма и философию экзистенциализма, в которой Другой выступает как Иная экзистенция. С этих позиций Другой у М.М. Бахтина понимается как субъект диалогических отношений, как средство самопонимания и миропонимания субъекта, а диалог выступает как способ экзистенции человека. Противопоставление с Другим у М. Хайдеггера определяют отношения с ним как чуждые и неподлинны, как выбор между подлинностью и неподлинностью собственного существования. Показано, что проблема Другого как иной intersубъективности может быть раскрыта из анализа трансперсонального характера опыта присутствия. Факт присутствия Другого в качестве инобытия ведет к эмоциональному отождествлению с ним и меняет картину мира субъекта.

Ключевые слова: экзистенциальная философия, феноменология, диалог, Другой, intersубъективность.

Проблема Другого с позиции экзистенциально-феноменологического подхода, которая исследуется в контексте осмысления феноменологии целостного бытия человека, бытия друг-с-другом, не теряет своей актуальности в современной философии. Экзистенциально-феноменологические принципы онтологии позволяют представить весь круг проблем, связанных с бытием человека, с проблематикой жизненного мира, социального взаимодействия, с со-бытием Другого [4].

Современная философия в понимании «Другого» опирается на основные положения философского осмысления данной проблемы в концепции Э. Гуссерля с помощью феноменологического описания intersубъективности, феноменологического понимания Другого и его решающей роли в формировании образа жизненного мира человека. Э. Гуссерль пишет: «другой указывает на меня самого; другой есть мое собственное отражение, и в то же время не является таковым, это – мой собственный аналог, и, опять-таки, аналог не в обычном смысле слова» [2, с. 190]. И далее: «я познаю в опыте мир вместе с сущими в нем другими... как чужой по отношению ко мне, intersубъективный мир, существующий для каждого и доступный для каждого в своих объектах» [2, с. 186]. При этом «конституируется некое его не как «Я сам», но как его, отражающееся в моем собственном Я, в моей монаде. Однако это второе его не просто наличествует, данное для нас как оно само, – оно конституировано как alter ego, причем упомянутым в этом выражении его являюсь Я сам в своей собственной сфере» [2, с. 190].

В свою очередь, исследование intersубъективности бытия опирается на принципы диалогизма и философию экзистенциализма, исходящих из intersубъективности человеческой экзистенции. С этой позиции Другой понимается как субъект диалогических отношений, как средство самопонимания и миропонимания субъекта. В диалогической философии М.М. Бахтина бытие человека означает диалог, «один голос ничего не кончает и ничего не разрешает. Два голоса – минимум жизни, минимум бытия» [1, с. 294]. В философских воззрениях М.М. Бахтина диалог выступает как способ экзистенции человека, как фундаментальная экзистенциально-онтологическая категория, двойственно-двуединая феноменология, которого заключается в «нераздельности-неслиянности» Я и Другого.

Основные идеи экзистенциализма акцентируют внимание на экзистенциальной сущности человека, в соответствии с которой Другой выделяется в качестве Иного, обладающего иной экзистенци-

ей. Общим для экзистенциализма является различение истинного и неистинного существования человека, экзистенциальное обеспечение связей и отношений мира, ситуаций, исторических событий, осознание им своей участности в бытии, признание своей конечности, хрупкости, свободы и ответственности, которые сопряжены с ощущением «тревоги», «страха», «заботы». Однако, в понимании смысла путей достижения экзистенции взгляды экзистенциалистов радикально расходятся [4].

По мнению Ж.-П. Сартра, «чтобы получить какую-либо истину о себе, я должен пройти через другого. Другой необходим для моего существования, так же, впрочем, как и для моего самопознания» [8, с. 336]. С этой позиции человек как субъект самопознания обретает собственную экзистенцию через постоянный диалог с Другим как с иной экзистенцией. Ж.-П. Сартр рассматривает изначальный смысл бытия-для-другого как конфликт, акцентируя внимание на невозможности существования автономного субъекта вне поля интересубъективности, поскольку только при столкновении с Другим субъект может отделить себя и, соответственно, Другого от всего остального мира, придать особый статус собственному существованию. Через отстранение от мира субъект обозначает собственное присутствие, выраженное в личном переживании индивидуального бытия, Другого, реальности [7].

Отношения с Другим в философии М. Хайдеггера определяются как чуждые и неподлинны. Жизненный мир человека философ истолковывал как личностное существование (экзистенция, Dasein). Феномен со-бытия с Другим отражается в выборе между подлинностью и неподлинностью собственного существования. Быть подлинным означает быть самим собой, в неподлинном модусе субъект экзистирует не как он сам, а как Другой. Бытие человека, согласно М. Хайдеггеру, выступает как бытия среди других – повседневность, обыденность, и бытие-с-другими, которое может быть неподлинным. Человек в таком модусе бытия осмысливается как нечто безличное, как отчужденный человек повседневности. Самость человека противится растворению в анонимности, стремится к осуществлению в совместном бытии-с-другими, поскольку может проявляться только в понимании отличия от Другого. Поэтому отношение с Другим, а точнее противопоставление Другому, у М. Хайдеггера является важным моментом подлинного бытия человека [9].

Экзистенциально-фенологическое направление философской мысли раскрывает возникновение бытия субъекта, когда осуществляется переход от Я к Другому, когда исчезает субъект-объектное деление мира, субъект-объектное отношение к миру, а, следовательно, объектность преодолевается движением от первоначального одиночества (трансцендентальная субъективность) к существенной связи, в которой Другой обнаруживается не посредством знания, а из самой этой связи как феномена повседневности [8].

Проблема Другого как иной субъективности может быть раскрыта из анализа трансперсонального характера опыта присутствия. Взаимодействие субъекта и Другого является выходящим за пределы одностороннего интенционального акта. Как пишет Н.В. Мотрошилова, «чувственные переживания (die sinnliche Gefühle) тут образуют постоянный фон (Hintergrund), в развитом сознании они отнесены к телесности и находятся в состоянии постоянного возбуждения или возбудимости» [6, с. 342]. Восприятие телесности Другого осуществляется через феномен присутствия. Как пишет Н.Н. Карпицкий, «это обнаружение присутствия – не интеллектуальный акт, а первичный опыт трансперсонального переживания». ... в интуиции присутствия я могу сопереживать и сочувствовать Другому» [3, с. 46]. И далее: «Присутствие Другого открывается в таком сопереживании, которое наполняет новыми эмоциями, мыслями, приводит к новому видению окружающего и новому переживанию потока ситуаций» [3, с. 111]. Факт присутствия Другого в качестве инобытия меняет картину мира субъекта. Как пишет М.К. Мамардашвили: «Если ты не готов расстаться с самим собой, самым большим для себя возлюбленным, то ничего не произойдет» [5, с. 17]. В противоположность этому, согласно Н.Н. Карпицкому, «непосредственное восприятие внутреннего феноменального мира Другого ведет к эмоциональному отождествлению с ним, заставляет пережить как свое собственное эмоционально-значимое мировосприятие Другого» [3, с. 181]. С другой стороны, Ж.-П. Сартр говорит: «Фактичность, призванная стать содержательным пределом для Другого (в моем требовании быть им любимым) и долженствующая в конечном итоге оказаться его собственной фактичностью, – это моя фактичность. Именно в той мере, в какой я являюсь объектом, начинающим существовать в глазах Другого, я должен быть пределом, присущим самой его трансцендентности, – так, чтобы Другой, восходя к бытию, придал и мне бытие непревосходимого абсолюта, не в качестве уничтожающего для-себя-бытия, но в качестве бытия-для-другого-посреди-мира» [7, с. 213]. Согласно Ж.-П. Сартру, свободное признание автономности и зависимости субъекта и Другого является необходимым в человеческом бытии в мире: «Я предлагаю себя как непревосходимую величину. Это мое предложение не стоит на собственных ногах, оно обязательно требует вклада со стороны другого, оно не может приобрести значимость факта без согласия свободы другого, которая должна сама пленить себя, признав себя как бы ничем перед лицом полноты моего абсолютного бытия» [7, с. 219]. Другой становится причиной экзистенции, ради ко-го она существует. Субъект только тогда способен реализовать свою экзистенцию, когда Другой выступает в качестве субъекта, самоценного в своем существовании. Именно субъективность Другого детерминирует возможность отношения с ним. Согласно Н.Н. Карпицкому, «в каждой мысли о Дру-

гом потенциально присутствует мышление самого Другого, так же как и в каждом переживании о Другом потенциально содержится переживание самого Другого. Благодаря этому становится возможным непосредственное восприятие содержания переживаемого мира Другого, которое вычлняется из трансцендентального предчувствия, носящего трансперсональный характер» [3, с. 58].

Таким образом, предпосылкой экзистенциально-феноменологического анализа является восприятие себя самого и Другого в качестве жизненного единства, в котором Другой, будучи объектом интенций сознания субъекта, превращается в трансцендентальный феномен. Проблема Другого в современной философии решается в контексте интеграции феноменологического понимания Другого, благодаря которому возможен дискурс о Другом, с представлениями экзистенциальной философии, в которой утверждается значение Другого для обретения экзистенции человеческого бытия.

Литература

1. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. – М.: Советская Россия, 1979. – 320 с.
2. Гуссерль Э. Картезианские размышления. – Санкт-Петербург: Наука: Ювента, 1998. – 315 с.
3. Карпицкий Н.Н. Трансцендентальное предчувствие как феномен человеческой субъективности: дис. ... доктора философских наук. – Томск, 2004. – 295 с.
4. Королев А.В. Личностное бытие: экзистенциально-феноменологический анализ: дис. ... кандидата философских наук. – Иваново, 2008. – 204 с.
5. Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. – М.: Прогресс, 1990. – С. 14–26.
6. Мотрошилова Н.В. «Идеи I» Эдмунда Гуссерля как введение в феноменологию. – М.: Феноменология-Герменевтика, 2003. – 716 с.
7. Сартр Ж.-П. Первичное отношение к другому: любовь, язык, мазохизм // Проблема человека в западной философии. – М.: Прогресс, 1988. – С. 207–228.
8. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. М.: Политиздат, 1989. – С. 319–344.

9. Хайдеггер М. Бытие и время /Перевод с немецкого В.В. Бибихина. – М.: Академический Проект, 2013. – 460 с.

EXISTENTIAL-PHENOMENOLOGICAL ANALYTICS OF THE “OTHER” PROBLEM IN MODERN PHILOSOPHY

Rudenko A.V.

Regional Public Fund for Supporting Social Programs and Assistance to the Poor “BLAGOVEST”

The article is devoted to the problem of the Other in modern philosophy from the perspective of an existential-phenomenological analysis. The main principles of the phenomenology of E. Husserl in the description of the phenomenological understanding of the Other and his role in shaping the image of the human life world are the basis of modern philosophical views on the Other's problem in philosophy. It is shown that a philosophical study of the intersubjectivity of being is based on the principles of dialogueism and the philosophy of existentialism, in which the Other acts as a Different Existence. From these positions, the other is at M.M. Bakhtin is understood as a subject of dialogical relations, as a means of self-understanding and understanding of the subject, and dialogue acts as a way of human existence. Opposition with the Other by M. Heidegger defines relations with him as alien and non-authentic, as a choice between the authenticity and non-authenticity of one's own existence. It is shown that the problem of the Other as a different subjectivity can be revealed from the analysis of the transpersonal nature of the experience of presence. The fact of the presence of the Other as another leads to emotional identification with him and changes the picture of the subject's world.

Keywords: existential philosophy, phenomenology, dialogue, Other, intersubjectivity.

References

1. Bakhtin M.M. Problems of poetics of Dostoevsky. – M.: Soviet Russia, 1979. – 320 p.
2. Husserl E. Cartesian reflections. – St. Petersburg: Science: Juventa, 1998. – 315 p.
3. Karpitsky N.N. Transcendental apprehension as a phenomenon of human subjectivity: dis. ... doctors of philosophy. – Tomsk, 2004. – 295 p.
4. Korolev A.V. Personal being: an existential-phenomenological analysis: dis. ... candidate of philosophical sciences. – Ivanovo, 2008. – 204 p.
5. Mamardashvili M.K. As I understand the philosophy. – M.: Progress, 1990. – P. 14–26.
6. Motroshilova N.V. «Ideas I» by Edmund Husserl as an introduction to phenomenology. – M.: Phenomenology-Hermeneutics, 2003. – 716 p.
7. Sartre J.-P. The primary attitude to another: love, language, masochism // The problem of man in Western philosophy. – M.: Progress, 1988. – P. 207–228.
8. Sartre J.-P. Existentialism is Humanism // Twilight of the Gods. M.: Politizdat, 1989. – P. 319–344.
9. Heidegger M. Being and Time / Translation from German by V.V. Bibikhina. – M.: Academic Project, 2013. – 460 p.

Понимание личности в магистерской работе архимандрита Сергия (Страгородского)

Сизинцев Павел Васильевич,

кандидат богословия, МПДА

E-mail: sizinpash@yandex.ru

Статья посвящена анализу аскетическо-религиозного наследия архимандрита Сергия (Страгородского) с духовно-святоотеческим осмыслением особенностей его магистерской диссертации (включая аргументацию представлений о душе и личных свойствах человека из священного предания православной церкви, предлагаемых способов осмысления и критического разбора идей нравственности личности). Личность рассматривается в контексте эмпирического опыта человека как в мирской жизни, так и в церковной среде. Выявлено принципиальное влияние церковной жизни и молитвы на улучшение и развитие личных свойств человека. Обретение человеком высшей и конечной цели личностного бытия.

Ключевые слова: Личность, общество, церковь, нравственность, молитва, аскетико-критический подход, святоотеческое предание, человек, достоинство.

В магистерской диссертации «Православное учение о спасении» (1896) архимандрита Сергия (Страгородского) (1867–1944) было исследовано, «в каком смысле и каким путем человек, каждая личность получает причастие истинной, вечной жизни»¹. Его путь к спасению не отрицал личности и значения ее для бытия человека, но воспринимал личность на базе святоотеческой терминологии, в которой личностные черты приписывались пораженной грехом природе. Последняя рассматривалась исключительно как носитель греха и страстей. Им указаны акценты на личные усилия в деле спасения человека, возможности распоряжения личной свободой для непосредственного приближения к Богу, если «человек займется своей собственной личностью, постарается из общей основы вывести свои личные отношения к этому целому»². Архимандрит Сергей утверждал, что в правовом мировоззрении католицизма и протестантизма «личность и ее нравственное достоинство пропадают, и остаются только отдельные правовые единицы и отношения. Отдельный человек там живет для себя и даже Бог для человека является только средством к достижению благополучия»³. Жизнь есть себялюбие, а общий признак бытия на западе – взаимная отчужденность.

Проблема личности есть основная проблема экзистенциальной философии. Я говорю «я» раньше, чем сознал себя личностью. «Я» первично и не дифференцировано, оно не предполагает учения о личности. «Я» есть изначальная данность, личность же есть заданность. Я должен реализовать в себе личность, и эта реализация есть неустанная борьба. Сознание личности и реализация личности болезненны. Личность есть боль, и многие соглашаются на потерю в себе личности, так как не выносят этой боли. Самая идея ада связана с удержанием личности. Безличное бытие не знает ада. Личность не тождественна индивидууму. Индивидуум есть категория натуралистическая, биологическая. Не только животное или растение есть индивидуум, но и алмаз, стакан, карандаш. Личность же есть категория духовная, а не натуралистическая, она принадлежит плану духа, а не плану природы, она образуется прорывом духа в природу. Личности нет без работы духа над душевным и телесным составом человека.

¹ Сергей (Страгородский), архим. Православное учение о спасении. – Казань: Издательство Казанской Духовной Академии, 1898. – Репринт. – М.: Издательский отдел Московского Патриархата, Иосифо – Волоцкий монастырь, Просветитель, 1991. – С. 4.

² Там же. – С. 5.

³ Там же. – С. 9.

Человек может иметь яркую индивидуальность и не иметь личности. Есть очень одаренные люди, очень своеобразные, которые вместе с тем безличны, не способны к тому сопротивлению, к тому усилию, которое требует реализация личности. Мы говорим: у этого человека нет личности, но не можем сказать: у этого человека нет индивидуальности. Человек тебя совершенно не знает, не имеет ровным счётом никакого представления о нюансах твоей жизни, твоего пути, развития, прошлых исповедей. Личность есть усилие, не определяемое внешней средой. Личность не есть природа, как Бог не есть природа. Одно с другим связано, ибо личность и есть образ Божий в человеке. Личность предполагает существование сверхличного. Личности нет, если нет ничего выше личности. Тогда личность лишается своего ценностного содержания, которое связано с сверхличным. Личность есть прежде всего смысловая категория, она есть обнаружение смысла существования. Между тем как индивидуум не предполагает непременно такого обнаружения смысла, такого раскрытия ценности. Личность не есть субстанция. Понимание личности как субстанции есть натуралистическое понимание личности, и оно чуждо экзистенциальной философии. М. Шелер более правильно определяет личность как единство актов и возможность актов. Личность может быть определена как единство в многообразии, единство сложное, духовно-душевно-телесное. Она целостна, в нее входит и дух, и душа, и тело.

Само по себе личностное начало человека в парадигме Сергия (Страгородского) однозначно связано без глубоко аргументированных причин с корыстью, себялюбием, эгоизмом и эгоцентризмом – отрицательными нравственными качествами. Такая антропологическая позиция не только односторонняя по существу, но и неизбежно влечет за собой ряд спорных выводов Сергия относительно личности. Ибо, отсюда логически следует, что если личное начало человека есть носитель отрицательных свойств, то оно не может спастись и должно быть исключено из цели спасения. А личностное бытие под руководством такого пронизанного себялюбием по Сергию начала, может совлечь человека только в пропасть греха, а не приблизить к Богу. Представляется, что архимандрит произвольно приписал понятию «личность» атрибуты понятия «самость», и тем самым совершил, возможно, невольную, но подмену смысла, обсуждаемого им же понятия. Ибо, принимая его систему понятий о человеке, неизбежен приход к выводу о том, что если человек сосредотачивается на собственном спасении личностно-природного существа, то, логически истекает, что цель этого человека, как своекорыстная греховна.

А такая личность, стремящаяся к своему спасению, изначально чужда и противна Богу. Следовательно, спасение именно личности человека не должно и не может, якобы, быть целью православной жизни, личностного бытия. Следует по архимандриту Сергию полностью отказаться

от прежней, эгоистической личности и само – устранить вообще личное и субъективное начало, духовно преобразиться, де – персонализируя деятельность. Для человека, как грешника его личность, личностное начало должны исчезнуть, как и его личностное бытие. Этими рассуждениями бытие личности, присущее греховному человеку объявлялось греховным. Поэтому архимандрит рассматривал идею личностного бытия на пути к личному спасению как допустимую только на переходный период от греха к внутреннему состоянию святости человека. «Обращение к благодати предполагает путь пробуждения от греховной жизни, ненавидения ее, желания возвратиться к жизни добродетельной»¹. Личностное греховное начало человека по о. Сергию, было связано с себялюбием, эгоизмом и эгоцентризмом. А «уверовать во Христа – дело весьма сложное, обнимающее собою всю душевную жизнь человека, требующее отречения от себя, т.е. своего греха, отвлечения внимания от себя»². Симптоматично, что он соотносил слово «себя» с грехом, имплицитно подчеркивая, что личностность есть часть греховной природы. Отсюда следовало, что если личное начало человека есть носитель отрицательных свойств, то оно должно быть или изменено, или исключено из процесса спасения. Ибо, личностное бытие под руководством пронизанного себялюбием, личностного начала, может только совлечь человека в пропасть греха. За этим делался логичный вывод о необходимости нравственного изменения и преобразования человека в условиях грешного мира, который унижает личность, превращая ее в бездушный винт общественной машины³, и указание на нравственно-аскетические способы духовного исцеления человека в процессе его личного бытия.

Эта мысль доказывает, что для архимандрита греховна была не личность как таковая, а ее пропитанность грехом, вследствие грехопадения и несправедливой жизни в греховном, но личностном бытии. Поэтому важно было нравственное самосознание человека и определение жизненной цели, согласное с его требованиями⁴. Таким образом, личностное свойство признавалось возможным для спасения на уровне частного сознания человека. Следует особо подчеркнуть, что понятие личности использовалось архимандритом и в отношении богочеловека Иисуса Христа, который выявил правду Божию и ее действие в жизни отдельной личности⁵, дабы воздать каждому чело-

¹ Сергий (Страгородский), архим. Православное учение о спасении. – Казань: Издательство Казанской Духовной Академии, 1898. – Репринт. – М.: Издательский отдел Московского Патриархата, Иосифо-Волоцкий монастырь, Просветитель, 1991. – С. 236.

² Там же.

³ Там же. – С. 17.

⁴ Там же. – С. 5.

⁵ Сергий (Страгородский), архим. Православное учение о спасении. – Казань: Издательство Казанской Духовной Академии, 1898. – Репринт. – М.: Издательский отдел Московского Патриархата, Иосифо-Волоцкий монастырь, Просветитель, 1991. – С. 144.

веку ту участь, которая следует из принятого каждым направления жизни. Представляется, что архимандрит Сергей считал, что понятие **личностное бытие** и **личность** максимально применимы к миру, который он именовал правовым и который не проникает в нравственность, оставляя человека полным господином внутри себя. Этот произвол увеличивается сознанием полной независимости или не обязанности никому своим благополучием¹. В сущности, он был убежден, что человек сам по себе, лично, не способен осознать нравственный закон и этим, кстати говоря, прямо противостоял взглядам И. Канта: Люди служат другим только потому, что иначе им не получить того, чего они желают себе.

Правда далее, логика рассмотрения святоотеческих взглядов привела его к тому, что под «обществом» подразумевается Церковь, которая и служит якорем спасения. При этом, делая вывод, что для правового общества себялюбие и есть одиночество по существу, ценное для греховного «я». Также утверждалось, что если в нравственном союзе людей уверенность покоится на свободном желании личности, – то в правовом обществе якобы, есть и может быть только то, что принуждает личность, и отсюда благодарности нет, а есть одно себялюбивое чувство безопасности. Человеку предстоит в таком случае возродиться в новой личности, более совершенной в иерархии отношений тела, души и духа, представляющей собой средоточие, живую сердцевину духовного способа бытия человека, его метафизическое ядро и главенствующее начало. Это начало есть творческая сила, пронизывающая собой всю жизнь человека и определяющая «новое качество» жизни и личностного бытия, цельности иерархичности в человеке².

При этом состояние гражданской, т.е. правовой свободы для человека теряет «ту свободу чада Божия», которая составляет высшее достояние его, ибо для человеческого себялюбия эта, т.е. нравственная свобода в Боге свобода слишком тяжела³. Из этого следовало, что под подлинной свободой архимандрит Сергей понимал религиозную свободу бытия человека в Боге, а под нравственным сознанием – религиозное осознание своих грехов и страстей. Ибо чем выше человек нравственно, тем сильнее в нем сознание своего не достоинства⁴, чем более нравственен человек, тем он более само уничижен, чем более духовно высок, тем менее должен сам себя осознать пред Богом. В этом состоянии считая себя никем по сравнению с Богом, человеку должно стать более ненавистно его себялюбие и, по архим. Сергию свое собственное греховное «Я». Ибо, грех разлился в природе,

из личности человека, его исток – «*самолюбивая гордость*»⁵. Состояние человека в раю, где он был в состоянии целостности духовной и телесной, «*имея чувства здоровые*»⁶, было напрочь утеряно, как и изначальные при сотворении человека способности *здоровые и прочные в их естественном состоянии*⁷.

На примере этих рассуждений видна некоторая противоречивость позиции архимандрита, приписывающего сознанию человека несколько личностей, и понятийная эклектичность. Выходит, что для Бога личность человека одна, а для человека их несколько в нем самом. При этом феноменологически в процессе спасения человека личность по мысли архимандрита Сергея следует устранить, а человеческое самосознание и личностную отделенность человека преодолеть. В этих мыслях имплицитный идеал католического квиетизма. Понимая это, архимандрит отдал дань и идеям реального «Я» как центру внутреннего мира и личностного бытия человека.

Мысль о том, что человеческое «Я» может быть не столь греховно, чтобы его отвергать из сознания человека, у архим. Сергея не возникает, также, как и идея еп. Сильвестра (Малеванского) о разделении естественного самолюбия и греховного эгоизма у человека. Глубоко рассмотрев святых отцов и выявив их представления о святости и по отношению человека к Богу, он сделал верный логичный вывод на основании святоотеческих знаний о человеке эпохи Вселенских Соборов. Говоря о свободе, он имел в виду свойства религиозной свободы в Боге присущие святоотеческому пониманию святости как цели личностного бытия. Но состояние святости есть планируемый итог существования человека, итог изменений в личности и природе, итог преображения человека. Даже если человек сосредоточивается на личном спасении своего существа, то из эгоизма ее «Я», по мысли архимандрита Сергея, истекает, что эта цель личности человека своекорыстна и греховна.

Такая личность, стремящаяся к своему спасению, чужда и противна Богу и на добро неспособна. Если средоточие жизни человека в его «я», раз он законом бытия считает себялюбие, тогда для него воля Божия, как всякое ограничение его хотений, представляется враждебной⁸. Данная оценка личностного бытия представляется неправомерно однозначной, она видит человека только как эгоиста и себялюбца, не оставляя за его личностью стремлений к Богу. Кроме того, воля Божия есть

⁵ Иустин Попович, прп. Собрание творений: в 4 т. // Догматика православной Церкви. Т. 2. – М.: Паломник, 2007. – С. 234.

⁶ Авва Дорофей (Газский), прп. Душеполезные поучения. – М.: Издательство Свято – Троицкой Сергиевой Лавры, 2010. – Гл. 1. 1.

⁷ Исайя Скитский., прп. Аскетический сборник. Гл. 2. 2. / Цит. по Жан Клод Ларше., Бог не хочет страдания людей. – М.: Паломник, 2014. – С. 20.

⁸ Сергей (Страгородский), архим. Православное учение о спасении. – Казань: Издательство Казанской Духовной Академии, 1898. – Репринт. – М.: Издательский отдел Московского Патриархата, Иосифо-Волоцкий монастырь, Просветитель, 1991. – С. 106.

¹ Там же. – С. 17.

² Василий (Зеньковский), прот. Основы христианской философии. – М.: Издательство Свято – Владимирского Братства, 1992. – С. 49.

³ Василий (Зеньковский), прот. Основы христианской философии. – М.: Издательство Свято – Владимирского Братства, 1992. – С. 18.

⁴ Там же. – С. 27.

не только ограничение хотений человека, но и изначально заданный Богом путь для развития его талантов и способностей. Восприятие воли Бога как всякого ограничения личностного бытия весьма спорно. Бог запрещает грех, а не жизнь в свободе, творчестве, целостности и общении, и не бытие в вере и самосознании «Я». По мнению архимандрита, спасение человека и личности достигается переживанием в себе присутствия Божия, которое дает человеку непосредственно ощутить божественную жизнь. Следствием познания Бога в себе для человека является уподобление Богу, достижение возможно полного воспроизведения в себе подобия Божия. Фактически архимандрит справедливо говорит о высшей и конечной цели личностного бытия человека, в котором уподобиться Богу человек может только тогда, когда Бог будет с ним в живом союзе, в самом теснейшем взаимном общении¹. Но наличие в человеке самосознания своего собственного «Я» никоим образом не противоречит этой цели. Для достижения состояния богообщения следует, по Сергию, полностью дистанцироваться от личностного эгоизма и отсечь греховные помыслы и дела. Человеку на пути к спасению предстоит возродиться в иной личности, совершенной и представляющей собой средоточие, живую сердцевину духовного способа личностного бытия человек. Нравственный способ бытия порождает добродетель, а общение с Богом является для него единственным правильным состоянием его природы². Именно как носитель образа Божия человек наделен высшими свойствами и бесконечными стремлениями. Он не способен удовлетвориться внешней стороной жизни, поэтому постоянно жаждет ее вечных основ, и этим приходит к Богу. Указав на данный путь к спасению, архимандрит отмечает, что, тем не менее, как предмет Божией любви личность человека имеет свою значимость и ценность вместе со своей свободой как «искрой Божией».

Именно в Боге, в общении человека с Ним, причем сугубо в полноте личного общения возможно открытие личности. Это действие Бога осуществляется в противопоставлении личного счастья человека, как цели земной жизни – состоянию святости, где раскрывается желанная Богом личность человека. Поэтому нравственность обуславливает действия, хотя и с помощью благодати, совершая все внутри свободы и сознания. Это – высшая степень личностного бытия человека, приближающая его к Богу в его природном состоянии. Действие Бога осуществляется в противопоставлении личного счастья человека как цели земной жизни состоянию святости, в котором проявляется личная направленность к уподоблению Богу. Нельзя не упомянуть профессора МДА Ф.А. Голубинско-

го (1797–1854). Последний, предлагал трехчастное строение структуры человеческого естества, определяя дух человеческий как высшую способность души его. Так как душа человека при этом творилась Богом «из ничего», то, следовательно, и дух как способность души должен был быть также тварным. Имеет место попытка доказать нахождение в душе человека метафизической «искры Божией» – в сознании человека. Самая душа человеческая как ограниченная субстанция не может быть частицей Божества, ибо она произведена из ничего³.

В поиске единства в объективном бытии религиозный философ исходил из И. Канта, критикуя последнего, ибо до личного опыта душа человека уже имеет сознание о Боге, как самосущем единстве⁴. При этом душа потому лишь сознает себя единой, что имеет в себе образ Единого Бога. А без этого не было бы в нас и сознания о самих себе как о едином центре окружающих вещей. Онтология бытия у него всегда предусматривала мир как живое целое, причем в каждом конечном бытии есть свой центр. Это внутреннее средоточное начало, само из себя действующее, на котором держатся все явления⁵.

Литература

1. Авва Дорофей (Газский), прп. Душеполезные поучения. – М.: Издательство Свято – Троицкой Сергиевой Лавры, 2010. – 302 с.
2. Голубинский Ф.А. Лекции по умозрительному богословию. – М.: МДА, 1868. – 141 с.
3. Голубинский Ф.А. Умозрительная психология. – М.: МДА, 1871. – 144 с.
4. Голубинский Ф.А. Лекции по философии, Выпуск 1. – М.: МДА, 1884. – 82 с.
5. Голубинский Ф.А. Лекции по философии, Выпуск 2. – М.: МДА, 1884. – 100 с.
6. Иустин Попович, прп. Собрание творений: в 4 т. // Т. 2. – М.: Паломник, 2007. – 602 с.
7. Сергей (Страгородский), архим. Православное учение о спасении. – Казань: Издательство Казанской Духовной Академии, 1898. – Репринт. – М.: Издательский отдел Московского Патриархата, Иосифо-Волоцкий монастырь, Просветитель, 1991. – 266 с.
8. Василий (Зеньковский), прот. Основы христианской философии. – М.: Издательство Свято – Владимирского Братства, 1992. – 272 с.
9. Жан Клод Ларше. Бог не хочет страдания людей. – М.: Паломник, 2014. – 160 с.

UNDERSTANDING THE INDIVIDUAL IN THE MASTER'S WORK ARCHIMANDRITE SERGIUS (STRAGORODSKY)

Sizintsev P.V.
Moscow Orthodox Theological Academy

³ Голубинский Ф.А., Умозрительная психология. – М.: МДА, 1871. – С. 104.

⁴ Голубинский Ф.А., Лекции по умозрительному богословию. – М.: МДА, 1868. – С. 82.

⁵ Голубинский Ф.А., Лекции по философии, Выпуск 1. – М.: МДА, 1884. – С. 59.

¹ Сергей (Страгородский), архим. Православное учение о спасении. – Казань: Издательство Казанской Духовной Академии, 1898. – Репринт. – М.: Издательский отдел Московского Патриархата, Иосифо-Волоцкий монастырь, Просветитель, 1991. – С. 98.

² Там же. – С. 103.

The article is devoted to the ascetic-religious heritage of Archimandrite Sergius (Stragorodsky) spiritual and patristic understanding of the peculiarities of his master's thesis (including the arguments of the notions of soul and personal properties of the person of the Holy tradition of the Orthodox Church, offer ways of understanding and critical analysis of the ideas of morality of his personality). The personality is considered in the context of the empirical experience of a person both in worldly life and in the Church environment. The fundamental influence of Church life and prayer on the improvement and development of personal characteristics of a person is revealed. The acquisition by a person of the highest and final goal of personal existence.

Keywords: Personality, society, Church, morality, prayer, ascetic-critical approach, patristic tradition, man, dignity.

References

1. Avva Dorofey (Gazskiy), prp. *Dushpoleznye poucheniya*. – M.: Izdatel'stvo Svyato – Troitskoy Sergiyevoy Lavry, 2010. – 302 p.
2. Golubinskiy F.A. *Lektsii po umozritel'nomu bogosloviyu*. – M.: MDA, 1868. – 141 p.
3. Golubinskiy F.A. *Umozritel'naya psikhologiya*. – M.: MDA, 1871. – 144 p.
4. Golubinskiy F.A. *Lektsii po filosofii, Vypusk 1*. – M.: MDA, 1884. – 82 p.
5. Golubinskiy F.A. *Lektsii po filosofii, Vypusk 2*. – M.: MDA, 1884. – 100 p.
6. Iustin Popovich, prp. *Sobraniye tvoreniy: v 4 t. // T. 2*. – M.: Palomnik, 2007. – 602 p.
7. Sergiy (Stragorodskiy), arkhim. *Pravoslavnoye ucheniye o spasenii*. – Kazan': Izdatel'stvo Kazanskoy Dukhovnoy Akademii, 1898. – Reprint. – M.: Izdatel'skiy otel Moskovskogo Patriarkhata, Iosifo-Volotskiy monastyr', Prosvetitel', 1991. – 266 p.
8. Vasiliy (Zen'kovskiy), prot. *Osnovy khristianskoy filosofii*. – M.: Izdatel'stvo Svyato – Vladimirskogo Bratstva, 1992. – 272 p.
9. Zhan Klod Larshе. *Bog ne khochet stradaniya lyudey*. – M.: Palomnik, 2014. – 160 p.
10. Avva Dorofei (Gazsky), St. *Soulful teachings*. – M.: Publishing House of the Holy Trinity Sergius Lavra, 2010. – 302 p.
11. Golubinskiy F.A. *Lectures on speculative theology*. – M.: MDA, 1868. – 141 p.
12. Golubinskiy F.A. *Speculative psychology*. – M.: MDA, 1871. – 144 p.
13. Golubinskiy F.A. *Lectures on Philosophy, Issue 1*. – M.: MDA, 1884. – 82 p.
14. Golubinskiy F.A. *Lectures on Philosophy, Issue 2*. – M.: MDA, 1884. – 100 p.
15. Iustin Popovich, St. *Collection of creations: in 4 t. // T. 2*. – M.: Pilgrim, 2007. – 602 p.
16. Sergius (Stragorodsky), archim. *Orthodox doctrine of salvation*. – Kazan: Publishing house of the Kazan Theological Academy, 1898. – Reprint. – M.: Publishing Department of the Moscow Patriarchate, Joseph-Volotsky Monastery, Illuminator, 1991. – 266 p.
17. Vasiliy (Zenkovsky), arch. *Fundamentals of Christian philosophy*. – M.: Publishing House of the St. Vladimir Brotherhood, 1992. – 272 p.
18. Jean-Claude Larcher. *God does not want human suffering*. – M.: Pilgrim, 2014. – 160 p.

Понятие гражданского общества в социально-философском дискурсе

Балакирева Софья Юрьевна,

старший преподаватель филиала Кузбасского государственного технического университета в г. Новокузнецке
E-mail: Balakirevas@mail.ru

В статье представлен анализ осмысления понимания сущности гражданского общества в социально-философском дискурсе. Доказано, что основным вопросом научного дискурса остается концептуализация понятия «гражданское общество», определение содержания данного понятия, выявление сущностно важных для него констант и ситуативных параметров, анализ исторической эволюции и национальной специфики, определение места в дискурсе в комплексе со смежными понятиями.

Ключевые слова: гражданское общество, социальное явление, сущность, понимание, трансформация

Становление гражданского общества является важным фактором социального развития, отсюда актуальность изучения вопросов, связанных со спецификой осознания сущности данного социального явления.

Термин «гражданское общество» находит свои истоки в работах античных философов, где первоначальное его понимание представляло собой отождествление либо с «политическим обществом», либо с обществом, противоположным «варварскому», организованным в государство [1].

Особое развитие данное понятие получило в период формирования теории общественного договора. Томас Гоббс, Джон Локк, Франсуа Вольтер, Жан-Жак Руссо, Шарль Монтескье концепцию формирования гражданского общества раскрывали, прежде всего, как переход от натурального состояния к культурному обществу, управляемому под государством. При этом каждый из них определял свои особенности данного перехода. Так, Локк акцентировал внимание на отделении гражданского общества от государства, в основе первого он видел собственность, а в основе второго – средство защиты данной собственности. По его мнению, абсолютная власть, у кого бы она ни находилась, весьма далека от того, чтобы быть видом гражданского общества; она настолько же несовместима с ним, как рабство с собственностью [13]. Вольтер и Руссо заостряли внимание на значении свободы и равенства для человека, как одного из основных условий создания гражданского общества [9]. Монтескье внес в теорию об общественном договоре разделение на три ветви: законодательную, исполнительную и судебную, уделяя при этом особое внимание проблеме соотношения закона и свободы в сущности гражданского общества [9].

Особый вклад в осознание данной идеи внес Генрих Гегель. По его мнению, государство представляет собой основу для развития гражданского общества, являющегося его органической составляющей даже в случае обособления [6].

Собственное видение гражданского общества представил Томас Пейн, считающий государство необходимым злом: чем оно меньше, тем лучше для общества. Отсюда ограничение власти государства в пользу гражданского общества. Он был убежден в том, что от качества гражданского общества зависит степень влияния правительства на регулирование частных дел [12].

Рассматривая эволюцию осознания сущности гражданского общества, нельзя обойти стороной идеи Карла Маркса, в его понимании гражданское общество становится синонимом внегосудар-

ственной организации буржуазного общества, основными принципами которого являются индивидуализм и потребление. В обществе, по мнению Маркса, человек не может быть целостным, он как бы расслаивается на различные ролевые проявления: с одной стороны, он член гражданского общества, эгоистический и независимый индивид, с другой – гражданин государства, юридическое лицо [11].

С середины XX века концепция гражданского общества на западе получила новый виток своего развития, оно стало представляться как пространство свободных ассоциаций индивидуумов, а также набор сетей взаимоотношений, образованных на основе семьи, веры, интересов и идеологии [17]. Центральное место в современных западных исследованиях стала занимать трактовка данного социального феномена в рамках демократического государства. Так, Коэн считает, что качество развития гражданского общества вплотную влияет на потенциал развития демократии. Он рождается из способности граждан к самоорганизации, позволяющей им защищать собственные интересы и противостоять давлению государственной власти [10]. Юрген Хабермас определяет сущность гражданского общества через способность частных людей оказывать политическое влияние на власть. Коммуникационные процессы оказывают такие преобразования, которые не только меняют политическую сферу, но и самих граждан, а тем самым приводят к формированию позитивных сценариев социального развития [15].

В отечественной науке гражданское общество длительное время воспринималось лишь через призму критического анализа предшествующих западных философско-политических учений и лишь в период «перестройки», становится объектом пристального внимания. Социальные трансформации, потребовавшие иных моделей социального устройства, стали основной причиной развития интереса к осознанию сущности гражданского общества.

В концептуальности отечественных современных исследований в самом широком смысле можно рассмотреть два основных направления, первое связано с онтологическим осмыслением понятия «гражданское общество», его сущностными характеристиками, ко второму относятся исследования, направленные на осмысление проблем формирования гражданского общества в России.

Значимое место в научном дискурсе принадлежит оппозиции гражданского общества и государства. Во взглядах исследователей наблюдается разброс их соотношения от позиции патернализма, где государство выступает источником и гарантом гражданского общества, до полного их противопоставления [4]. В то же время, значительна роль концепций, разрушающих данную оппозицию. Они стремятся к преодолению противопоставления государства и гражданского общества, представляя данных агентов как конкурентных партнеров [8].

Не менее интересна тенденция обращения ряда ученых к аксиологическому подходу при осознании сущности гражданского общества, в некоторых работах наблюдаются попытки его оценивания с точки зрения качества и эффективности влияния на социальную действительность [2; 14; 16]. Вопросом, рассматриваемом в том же ракурсе, является тема трансформации гражданского общества в современных условиях, в работах ученых наблюдается признание плюрализма гражданских обществ, возможности их классификации и соотношения, степени сформированности и обеспеченности социальными институтами [7].

Еще одна сложная тема, рассматриваемая в современной отечественной научной литературе – это внутренняя диалектика гражданского общества. В данном случае гражданское общество представляется как сложно структурированное социальное образование, с такими отличительными признаками, как целостность и органическое единство. [5]. При этом явно признается автономность базовых структурных элементов гражданского общества и их социальная активность [3]. Рамки автономности каждого отдельного элемента определяются правом, как фундаментальным элементом социального консенсуса и легитимности [4].

Значимой темой в научном дискурсе остается тема функциональной стабильности российского социума. Большинство ученых предполагают возможным апробирование наработок западных стран в области реализации социально-экономических и культурных преобразований на адаптационных способностях российской социальной системы. Однако, признавая за российской моделью гражданского общества функциональную тождественность западным, считают ее специфическим социальным феноменом, требующим особой модификации, адаптированной к российским условиям [8].

Таким образом, в результате социально-философского осмысления сущности гражданского общества, можно констатировать, что в целом, современное понимание гражданского общества строится на концепциях, определяющих гражданина, как индивида, требующего от государства защиты своих прав на свободу и реализацию личностных потребностей на основе взаимного соглашения. Гражданское общество сегодня представляет собой постоянно трансформирующееся социальное явление, качественное состояние которого способствует реализации позитивных сценариев социального развития. Осознание имеющейся диалектической взаимосвязи, а главное взаимозависимости гражданского общества и государства позволяет наиболее конструктивно формировать современное российское гражданское общество.

Литература

1. Аристотель. Собр. соч.: В 4т., т. 1, М., 1976.
2. Бляхер Л.Е. Негражданское общество // В поисках гражданского общества. Великий Нов-

город: НовГУ имени Ярослава Мудрого, 2008. С. 47–57.

3. Бойцова, О.Ю. Ценностный плюрализм в современном дискурсе гражданского общества: путь к самоотрицанию? [Электронный ресурс] / О.Ю. Бойцова // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. – 2014. – Т. 6. – Вып. 1: Гражданское общество и общество граждан: вопросы теории и практики. Тематический выпуск кафедры философии политики и права Философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. – Стационарный сетевой адрес: 2227–9490e-aprov_r_e-ast6–1.2014.12
4. В поисках гражданского общества: [коллективная монография] / [Ильин М.В. и др.]; отв. ред. К.Ф. Завершинский. – Великий Новгород: Новгородский межрегиональный ин-т общественных наук, 2008. – 399 с.
5. Гаджиев К.С. Введение в политическую науку. М.: Логос, 2000. 544 с.
6. Гегель Г. Философия права. М.. 1990.
7. Ерофеева П.А. Глобальное гражданское общество как реальность, нормативный конструкт и идеология // Власть. 2011. № 11. С. 127–129.
8. Забнева Э.И. «Русский путь» формирования гражданского общества // Философия и культура. – 2020. – № 3. – С. 58–64.
9. Кассирер Э. Философия просвещения. М., 2004.
10. Коэн Дж.Л., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. М: Весь Мир, 2003. – 784 с.
11. Ойзерман Т.И. Формирование философии марксизма. М., 1986.
12. Пейн Т. Избранные сочинения. М., 1959.
13. Рассел Б. История западной философии. Ростов н/Д, 1998. С. 684–731.
14. Сморгунова В.Ю. Современный зарубежный социально-правовой и политический дискурс о гражданском обществе // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2004. Т. 4. № 7. С. 243–258.
15. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность: Московские лекции и интервью. М.: КАМІ, Academia, 1995. 244 с.
16. Шестов Н.И., Барашков Г.М. Гражданское общество и его аналоговые формы // Известия Саратовского университета. Серия: Социология. Политология. 2011. Т. 11. № 2. С. 71–78.

17. Politics and Passion: Towards a More Egalitarian Liberalism. Princeton, 2004.

THE CONCEPT OF CIVIL SOCIETY IN THE SOCIO-PHILOSOPHICAL DISCOURSE

Balakireva S. Yu.

Kuzbass state technical University in Novokuznetsk

The article presents an analysis of understanding the essence of civil society in the socio-philosophical discourse. It is proved that the main issue of scientific discourse remains the conceptualization of the concept of “civil society”, the definition of the content of this concept, the identification of essential constants and situational parameters for it, the analysis of historical evolution and national specifics, the definition of a place in the discourse in a complex with related concepts.

Keywords: civil society, social phenomenon, essence, understanding, transformation

References

1. Aristotle. SOBR. Op.: In 4T., vol. 1, M., 1976.
2. Blyakher L.E. Non-Civil society // In search of civil society. Veliky Novgorod: NovSU named after Yaroslav the Wise, 2008. С. 47–57.
3. Boitsova, O. Yu. Value pluralism in the modern discourse of civil society: the path to self-denial? [Electronic resource] / O. Yu. Boytsova // Electronic scientific publication Almanac Space and Time. – 2014. – Vol. 6. – Issue 1: Civil society and society of citizens: issues of theory and practice. Thematic issue of the Department of philosophy of politics and law of the faculty of Philosophy of Lomonosov Moscow state University. – Fixed network address: 2227–9490e-aprov_r_e-ast6–1.2014.12
4. In search of civil society: [collective monograph] / [Ilyin M.V. et al.]; resp. edited by K.F. Zavershinsky. – Veliky Novgorod: Novgorod interregional Institute of social Sciences, 2008. – 399 p.
5. Gadzhiev K.S. Introduction to political science. Moscow: Logos, 2000, 544 p.
6. Hegel G. Philosophy of law. M.. 1990.
7. Erofeeva P.A. Global civil society as reality, normative construct and ideology // Power. 2011. no. 11. С. 127–129.
8. Zabneva E. I. “Russian way” of civil society formation // Philosophy and culture. – 2020. – № 3. – P. 58–64.
9. Kasserer E. Philosophy of education. Moscow, 2004.
10. Cohen J. L., Arato E. Civil society and political theory. M: All the World, 2003. – 784 p.
11. Oizerman T.I. Formation of the philosophy of Marxism. Moscow, 1986.
12. Payne T. Selected works. Moscow, 1959.
13. Russell B. History of Western philosophy. Rostov n/A, 1998. Pp. 684–731.
14. Smorgunova V. Yu. Modern foreign socio-legal and political discourse on civil society // Proceedings of the Herzen Russian state pedagogical University. 2004. Vol. 4. No. 7. С. 243–258.
15. Habermas Yu. Democracy. Mind. Morals: Moscow lectures and interviews, Moscow: KAMI, Academia, 1995, 244 p.
16. Shestov N. I., Barashkov G.M. Civil society and its analog forms // Izvestiya of Saratov University. Series: Sociology. Political science. 2011. Vol. 11, No. 2. С. 71–78.
17. Politics and Passion: Towards a More Egalitarian Liberalism. Princeton, 2004.